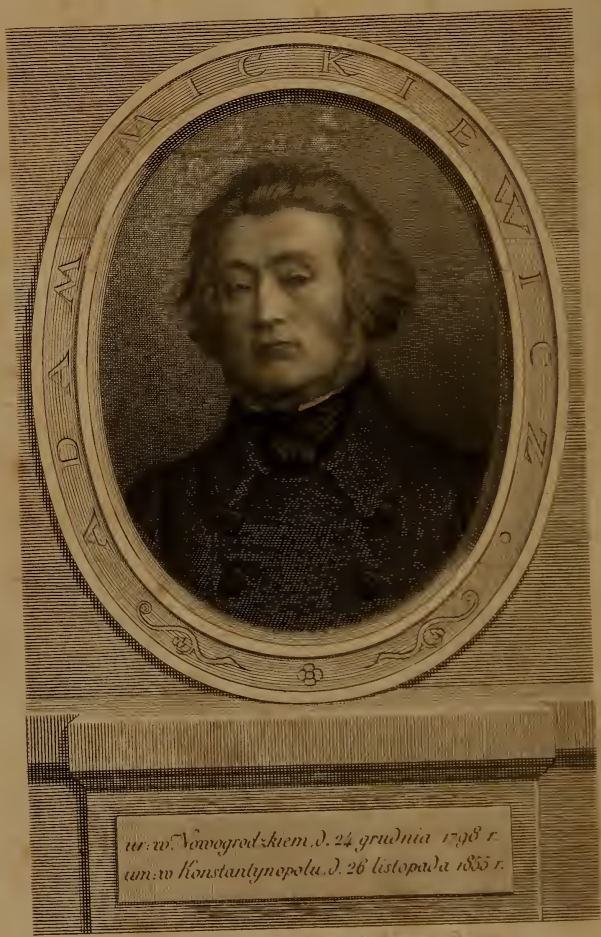
THE LIBRARY OF CONGRESS

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

152
19


ADAM MICKIEWICZ
ur: w Nowogrodzkiem d. 24 grudnia 1798 r.
um: w Konstantynopolu d. 26 listopada 1855 r.

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

ГРАЖИНА.

ПОЭМЫ А. МИЦКЕВИЧА.

ПЕРЕВОДЪ

БЕНЕДИКТОВА.

СЪ РИСУНКАМИ И. ТЫСЕВИЧА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ М. О. ВОЛЬФА.
1863.

Mickiewicz, Adam

КОНРАДЪ ВАЛЛЕНРОДЪ.

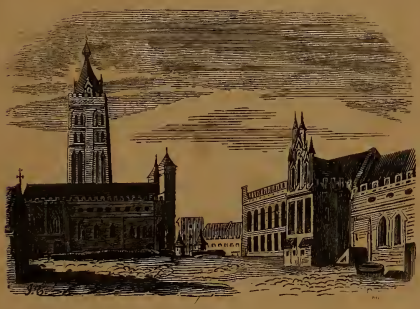
ГРАЖИНА.

ПОЭМЫ

АДАМА МИЦКЕВИЧА.

Переводъ В. БЕНЕДИКТОВА.

СЪ РИСУНКАМИ И. ТЫСЕВИЧА.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

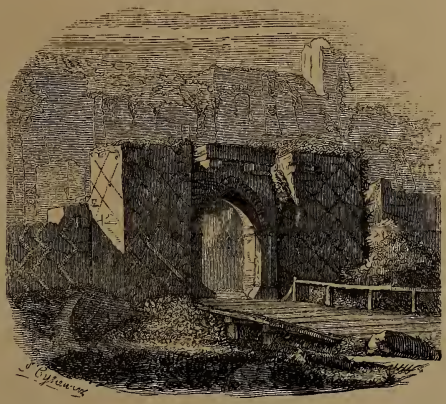
1863.

PG7158
.M5K68

Одобрено цензурою.

Ст.-Петербургъ, 4 декабря 1862 года.

Печатано въ типографіи М. О. Вольфа.



Входъ въ Средній Замокъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

то лѣтъ прошло: тевтонъ все льетъ и льетъ
Кровь сѣверныхъ язычниковъ рѣкою.
Прусакъ склонилъ главу свою подъ гнетъ,
И рабствуетъ, иль землю отдаетъ,
А самъ бѣжитъ съ неотданной душою,
Но, не щадя уклонной головы,
Тотъ бьетъ его — до рубежей Литвы.

Лишь Нѣманомъ раздѣлены литвины
Съ тевтонами. Здѣсь, съ этихъ береговъ,
Кой-гдѣ блестятъ кумиренъ ихъ вершины,
И лѣсъ шумитъ — виталище боговъ;
А съ береговъ, гдѣ орденскіе братья
Владѣютъ, крестъ съ холма свои объятья
Раскинулъ такъ, что, кажется, готовъ
Схватить въ свое объемлющее лоно
Весь этотъ край — всю область Палемона.

Тутъ сборища сыновъ Литвы стоятъ:
Всѣ въ рысьихъ шапкахъ, да въ мѣхахъ медвѣжьихъ.
И стрѣлъ снопы въ рукахъ у нихъ звенятъ;
Лукъ за плечомъ; они глядятъ, слѣдятъ,
Что видно тамъ, на вражескихъ прибрежьяхъ;
А тамъ, тевтонъ, недвижный, на конѣ
Сидитъ-себѣ подъ шишакомъ, въ бронѣ.

И за рѣку, въ среду литовской сходки,
Озлобленно свой направляетъ взглядъ,
И вбить спѣшитъ губительный зарядъ
Въ свою пищаль, перебирая четки.

Чрезъ Нѣманъ путь, какъ нѣмецъ заграждалъ,
Такъ и литвинъ, въ своемъ блюденьѣ строгомъ,
И Нѣманъ тотъ, что братій такъ сближалъ,
Теперь для нихъ сталъ вѣчности порогомъ:
Тому весь станъ противный угрожалъ
Лишеніемъ иль жизни, иль свободы,
Кто переплыть дерзнулъ бы эти воды;
Лишь молодой литовскій хмель, когда
Его прельщалъ видъ тополи нѣмецкой
На томъ краю, тянуться могъ туда
Съ какою-то безпечностію дѣтской;
Вкругъ вербъ и лозъ надъ зеркаломъ воды
Онъ цѣпкою гирляндой обвивался,
И чрезъ рѣку, среди людской вражды,
Къ любовницѣ ползкомъ перебирался;
Да соловьи противобрежныхъ горъ,
Съ литовскими скликаясь соловьями,
Порой вели, какъ съ старыми друзьями,
Черезъ рѣку пѣвучій разговоръ,
И, чуждые людской вражды и злости,
На островокъ, имъ общій съ давнихъ поръ,
Слетались вновь одинъ къ другому въ гости.

А люди? Ихъ разрознила вражда;
Пріязнь племенъ сихъ перешла въ былое...
Но и людей сближаетъ иногда
Любовь... любовь... Да, зналъ я: было двое.

Смотри, рѣка, здѣсь близокъ часъ борьбы!
Злой брани огнь у волнъ твоихъ зажжется,
Съ лѣсовъ вѣнецъ сѣкирою снесется,
Всѣхъ соловьевъ разгонитъ громъ пальбы,
И то, что цѣпью связано природной,
Все разорветъ сей споръ международной,
Все разорветъ!... Но сладкій гимнъ пѣвца
Вновь съединитъ любовниковъ сердца.

Маріенбургъ.

I.

ИЗБРАНІЕ.

Ну! звонъ гудитъ съ маріенбургской башни.
Тамъ бубенъ звукъ, орудій тяжкій громъ.
Тамъ общій съѣздъ; то праздникъ не домашній:
Комтуры всѣ присутствуютъ на немъ.
Въ собраніи всѣхъ главныхъ лицъ, всѣхъ братій,
Съ воззваніемъ къ небесной благодати,

Торжественно рѣшаетъ этотъ съѣздъ,
Здѣсь, ордена тевтонскаго въ столицѣ:
Кому на грудь воздѣть великій крестъ?
Великій мечъ довѣрить чьей десницѣ?
Чьи выше всѣхъ заслуги, слава, родъ?
Здѣсь кругъ мужей честнѣйшихъ, храбрыхъ, славныхъ,
Но этими достоинствами равныхъ:
Одинъ лишь всѣхъ превыше — Валленродъ.

Не здѣшній онъ. Онъ въ мірѣ чужестранномъ.
Въ обителяхъ далекихъ славенъ былъ:
То мавровъ онъ въ горахъ кастильскихъ билъ,
То подъ морю леталъ за оттоманомъ.
Вездѣ готовъ, какъ первый онъ боецъ,
И въ полѣ стать, и овладѣть стѣнами,
И съ вражьими сцѣпиться кораблями,
И на турниръ явиться наконецъ,
Но тутъ, едва Конрада узнавали,
Вѣнокъ ему безъ боя уступали.

Въ дни юности, подъ знаменемъ креста
Дѣяніями доблестными славенъ,
Онъ сверхъ того поклонникамъ Христа
Смиреніемъ, убожествомъ былъ равенъ.

Конрадъ въ средѣ придворныхъ не блисталъ
Ни лоскомъ фразъ, ни ловкостью поклоновъ,
И прихотямъ враждующимъ бароновъ
Воинственныхъ услугъ не продавалъ.

Онъ смолоду, полнъ силы богатырской,
Укромно жилъ въ оградѣ монастырской
И всю тщету земную презиралъ:
Ни менестрель, поющій гимнъ хвалебный,
Ни женскій взоръ, призывный и волшебный,
Отъ строгихъ думъ не могъ его отвлечь;
Въ немъ чутокъ слухъ, но сердце непослушно:
На красоту онъ смотритъ равнодушно,
Радъ заглушить чарующую рѣчь.

Такъ холоденъ и гордъ онъ отъ природы,
Или его окаменѣли годы?
Но онъ не старъ, хоть волосомъ и сѣдъ,
Хоть на лицѣ глубоко врѣзанъ слѣдъ
Минувшаго. Порой случалось тоже,
Что онъ, въ кругу веселой молодёжи
Развеселясь, пошутитъ, поостритъ
И даже дамъ улыбкой подаритъ,
Разцвѣтшей на лицѣ его суровомъ,
И склонитъ слухъ на лепетъ ихъ рѣчей,
И иногда своимъ любезнымъ словомъ
Покормитъ ихъ, какъ лакомствомъ дѣтей;
Но были то лишь рѣдкія мгновенья
Случайнаго его самозабвенья,
И вслѣдъ затѣмъ, отъ слова одного,
Для многихъ не имѣвшаго значенья,
Вдругъ ураганъ вставалъ въ груди его.
Коль слово то въ Конрадѣ мысль будило
О долгѣ, объ отечествѣ, о милой,
Или въ его раждало головѣ
О крестоносцахъ память, о Литвѣ,

То вмигъ опять челомъ онъ наклонялся
И въ мрачное раздумье углублялся.
Быть можетъ, рабъ обѣта своего
Отрекшійся въ семъ мірѣ отъ всего,
Вмѣнялъ онъ въ грѣхъ малѣйшую отраду.
Изъ всѣхъ отрадъ одна въ удѣлъ Конраду
Далась, одна: ему судьбою данъ
Былъ вѣрный другъ, сѣдой монахъ, Гальбанъ.
Всѣхъ тайнъ его предъ небомъ исповѣдникъ.
Повѣренный всѣхъ думъ и собесѣдникъ;
Не даромъ онъ носилъ священный санъ:
Вполнѣ былъ святъ дѣлами онъ своими.
Но святъ и тотъ, кто въ дружбѣ со святыми.

Такимъ всегда весь орденскій совѣтъ
Конрада зналъ; одинъ лишь изъ пороковъ
Былъ въ немъ развитъ... но у кого-жъ ихъ нѣтъ?
Кто изъ людей изъятъ отъ всѣхъ упрёковъ?
Конрадъ, пировъ разгульныхъ и бесѣдъ
Вакхическихъ всемѣрно избѣгая,
Среди своихъ таинственныхъ кручинъ
Обыкновенно сиживалъ одинъ;
За горькой думой шла во слѣдъ другая,
И здѣсь-то онъ, въ безлюдной тишинѣ,
Порой искалъ забвенія — въ винѣ,
И принималъ, казалось, образъ новый:
Тутъ ликъ его, и блѣдный, и суровый,
Болѣзненнымъ румянцемъ пламенѣлъ;
Въ большихъ глазахъ, гдѣ нѣкогда свѣтлѣлъ
Лучъ солнечный и неба цвѣтъ лазурный,
Въ глазахъ, давно одѣтыхъ мглою бурной.

И впавшихъ въ глубь подъ темное чело,
Тутъ было вновь, на краткій срокъ, свѣтло,
И капли слезъ въ рѣсницахъ накипали;
Конрадъ вздыхалъ глубоко, тяжело,
И лютню бралъ, и струны трепетали:
Подъ лютню пѣснь изъ устъ его текла;
На языкѣ она хоть чуждомъ пѣлась,
Но чувствомъ вся проникнута была,
И внемлющаго сердцемъ разумѣлась;

И кто-бъ тогда взглянулъ лишь на пѣвца,
Прислушался къ напѣвамъ тѣмъ могильнымъ,
Прочелъ бы тотъ въ чертахъ его лица,
Что памяти движеніемъ усильнымъ
Онъ напряженъ, что въ немъ клокочетъ кровь:
Поникшій взглядъ, припо́днятая бровь,
Все говоритъ, что онъ стремится что-то
Достать, поднять, исторгнуть изъ земли,

Что къ прошлому онъ ищетъ поворота,
И мыслію блуждаетъ тамъ въ дали...
Онъ думой тамъ, гдѣ вѣчность ставитъ грани;
А духомъ гдѣ? Въ краю воспоминаній.

Такъ пѣлъ Конрадъ, и лютня даже тамъ,
Гдѣ былъ онъ полнъ восторгомъ музыкальнымъ,
Звучала все напѣвомъ погребальнымъ,
И, кажется, онъ допустить къ устамъ
Хотя на мигъ веселую улыбку
За грѣхъ бы счелъ, за смертную ошибку.
Онъ въ очередь всѣ струны задѣвалъ;
Ему никакъ лишь тронуть не случалось
Одной струны, гдѣ-бъ свѣтлый тонъ звучалъ;
Съ нимъ слушатель всѣ чувства раздѣлялъ,
Но чувство тутъ надежды исключалось.

Къ нему входили братія порой:
Онъ вскакивалъ, и лютню, полный гнѣвомъ,
Отбрасывалъ съ перѐрваннымъ напѣвомъ,
И тѣ, дивясь въ немъ странности такой,
Предъ нимъ стояли съ видомъ изумленья.
А съ устъ его рвались богохуленья,
И что-то онъ Гальбану все шепталъ,
И будто бы предъ сонмомъ войскъ кричалъ,
Приказывалъ, грозилъ: кому? — не знали;
Испуганные братья трепетали;
Одинъ Гальбанъ могъ укротить его:
Садился онъ насупротивъ Конрада,
И силою пронзительнаго взгляда
Съ суровостью впивался онъ въ него.

Что̀ крылъ въ себѣ тотъ взглядъ необычайный?
Намекъ, упрекъ, иль смыслъ угрозы тайной —
Одинъ Конрадъ, казалось, понималъ,
Охладѣвалъ, блѣднѣлъ и утихалъ.
Въ звѣринцѣ такъ хозяинъ населенья
Косматаго, порою, съ позволенья
Всѣхъ дамъ и всѣхъ собравшихся господъ,
Изъ-за рѣшетки выйти льву даетъ;
Потомъ трубитъ, и страшный звѣрь реветъ
Изъ глубины своей могучей груди,
И пятятся, и вздрагиваютъ люди;
Хозяинъ же, спокойно положивъ
На грудь свою крестообразно руки,
Стоитъ-себѣ недвижимъ, молчаливъ,
И звѣрю въ пасть глядитъ, откуда звуки
Ревучіе текутъ. Его глаза
Царю звѣрей суть Божія гроза,
И страшный звѣрь сталъ мертвымъ истуканомъ,
Сраженъ души безсмертной талисманомъ.

Видъ снаружи капитульной залы.

II.

ЗАТВОРНИЦА.

Ну! Звонъ гудитъ съ маріенбургской башни.
Изъ залы, гдѣ творится высшій судъ,
Всѣ рыцари — цвѣтъ рыцарства тогдашній,
Комтуры всѣ, къ вечернѣ въ храмъ идутъ.
И сладостенъ и сердцу тамъ, и слуху
Хвалебный гласъ и гимнъ Святому Духу.

ГИМНЪ.

„О голубь небесный — сіяніе Божье!
Духъ чистый, пресвѣтлый, кѣмъ красенъ Сіонъ!
Здѣсь — міръ христіанскій, міръ дольный, подножье,
Надъ коимъ твой блещетъ божественный тронъ.
Крыломъ осѣни здѣсь съ верховнаго трона
Молящихся братій земнаго Сіона,
И кто всѣхъ достоинствомъ выше изъ нихъ,
Тотъ пусть возблистаетъ въ лучахъ золотыхъ!
Кто будетъ обвѣянъ твоими крылами
И свѣтомъ твоимъ озаренъ съ вышины,
Предъ тѣмъ упадемъ мы во прахъ головами,
Какъ люди, простыхъ человѣковъ сыны.
О сынъ-избавитель! Духовнымъ глаголомъ
Означь намъ того, кто быть долженъ изъ насъ
Украшенъ великимъ, святѣйшимъ символомъ
Страданій, которыми смертныхъ ты спасъ!
И пусть твоихъ войскъ предводитель сей новый,
Апостольскій мечъ вознесетъ для побѣдъ,
И вздыметъ знамена державы Христовой,
Да видятъ язычники истинный свѣтъ!
И каждый да чтитъ, преклонясь головою,
Вождя, озареннаго крестной звѣздою!“

Окончена мольба, и рѣшено
По отдыхѣ прійти молиться снова:
Да будетъ здѣсь отъ неба внушено,
Кому довѣрить знаменье Христово?
Всѣ освѣжиться вышли — весь совѣтъ,
Всѣ братья. Ночь была тиха, прохладна,

Едва, едва выглядывалъ разсвѣтъ.
Дулъ вѣтерокъ. Дышалось такъ отрадно!
Для отдыха тѣ сѣли на крыльцо;
Въ садахъ и рощахъ разошлись другіе.
Луна, поля обѣгавъ голубыя,
И измѣняя взглядъ свой и лицо,
Дремала въ облакахъ ночныхъ, то мглистыхъ,
То дымчатыхъ, то ярко-серебристыхъ,
И наконецъ поникла головой:
Такъ иногда любовникъ молодой,
Уединясь, въ глухомъ краю изгнанья,
И обходя путемъ воспоминанья
Минувшихъ дней разнообразный кругъ,
Всѣ радости, надежды и страданья,
Вдругъ улыбнется, прослезится вдругъ,
И наконецъ чело на перси склонитъ,
И весь въ мечтахъ таинственныхъ утонетъ.

Тогда какъ тѣ гуляютъ при лунѣ,
Архи-комтуръ, ловя часокъ досуга,
Съ Гальбаномъ и съ знатнѣйшими изъ круга
Сановнаго отходитъ къ сторонѣ,
Чтобъ, отъ толпы избавясь любопытной,
Поговорить, дѣлясь и мыслью скрытной;
Изъ замка вышли въ поле и идутъ;
Бесѣдуя, не глядя на дорогу,
Все далѣе отходятъ понемногу:
Вотъ озера прибрежіе!... Бѣгутъ
Межъ тѣмъ часы. Лучи разсвѣта бьютъ,
И облаковъ серебряная груда
Позолотилась. Время ужъ домой.
Пошли назадъ. Вдругъ голосъ: чей? откуда?

TRICHON

То голосъ былъ изъ башни угловой,
То голосъ былъ затворницы.

Назадъ
Тому съ десятокъ лѣтъ, въ Маріинъ градъ
Подвижница явилась молодая:
Призванію-ль небесному внимая,
Иль совѣсти почувствовавъ укоръ,
И возжелавъ смягчить ея грызенья
Раскаяньемъ въ тиши уединенья,

Она сюда просилась подъ затворъ,
И башня та, гдѣ мгла лишь обитала,
Ей за́живо готовымъ гробомъ стала.
Духовные противились сперва
Ея мольбамъ; но слезъ ея обильныхъ
Горячій токъ, при убѣжденьяхъ сильныхъ,
Заставилъ ихъ склониться, и едва
Она вошла въ ту башню, надъ порогомъ
Входъ заложили: выросла стѣна;
Затворница осталась тамъ одна
Съ своею только мыслію и Богомъ,
И двери ей оттуда на исходъ
Архангелъ лишь въ день судный отопретъ.
Вверху окно съ рѣшеткой. Корки хлѣба
Тамъ набожный народъ кидаетъ ей:
Даянье то въ окно шло отъ людей,
А крошки свѣта съ воздухомъ — отъ неба.
Несчастнѣйшая грѣшница! Ужель
Успѣла ты такъ свѣтъ возненавидѣть,
Что ужъ тебѣ нелюбо солнце видѣть?
Со дня вступленья въ башню ту досель
Никто ея и образа не встрѣтилъ
Глазами сквозь желѣзный переплетъ
Ея окна. Кругомъ ходилъ народъ,
Но никогда прохожій не замѣтилъ,
Чтобъ, бѣдная, приблизилась она
Къ рѣшеткѣ той, чтобъ сѣла у окна,
Чтобъ вѣтеркомъ дыханье освѣжала
Иль въ ясный день сводъ неба созерцала,
Взглянула бы на юный злакъ полей,
Да на цвѣты, что золотитъ денница,
Иль наконецъ хоть на людскія лица.

Что узникамъ цвѣтущихъ розъ милѣй.
Она жива! Вотъ слухъ о ней всегдашній —
И только. Странникъ, позднею порой,
Случайно проходилъ ли мимо башни:
Оттоль былъ слышенъ голосъ неземной;
Тамъ небу гимнъ пѣлъ нѣжно голосъ женской.
Случалось ли подъ вечерокъ, что тутъ,
Изъ ближнихъ селъ, изъ глуши деревенской,
Собравшись, дѣти игры заведутъ,
Тогда въ окнѣ какъ будто что бѣлѣетъ,
Какъ будто бы тамъ утренній свѣтлѣетъ
Лучъ, отраженный зеркаломъ рѣки:
Быть можетъ, то былъ свѣтлый локонъ нѣжной,
Иль то была кисть женской бѣлоснѣжной
Малютокъ осѣняющей руки.

Близъ башни шагомъ проходя не быстрымъ,
Комтуръ услышалъ звуки словъ глухихъ:
„И такъ, Конрадъ, ты будешь ихъ магистромъ!
Ты будешь имъ, для истребленья ихъ!
Тебя узнаютъ: не таись напрасно!
Хотя-бъ, какъ змѣй мѣняетъ чешую,
Наружность ты перемѣнялъ свою
И тѣло все, ты весь открылся-бъ ясно
Душой своей; тамъ, въ этой глубинѣ,
Есть прежняго немало, какъ во мнѣ,
И если-бъ ты пришелъ изъ-за могилы,
Тебя узнали-бъ вражескія силы!“
То голосъ былъ затворницы святой.
Идущіе взглянули на рѣшотку,
И видѣлось, какъ будто кто рукой
Тянулся внизъ чрезъ эту загородку....

Къ кому же?... Здѣсь такъ пусто все кругомъ!
Но вотъ, вдали стальнымъ лучомъ блеснуло,
Какъ будто шлемъ.... Вотъ, словно тѣнь мелькнула,
Отброшенная рыцарскимъ плащомъ,
И скрылось все.... Нѣтъ! то заря взглянула
Сквозь облако.... то былъ очей обманъ!
То паръ прошелъ иль утренній туманъ!

„О братія!“ сказалъ Гальбанъ, намъ надо
Сознать, что Богъ сюда направилъ насъ.
Затворницы рѣченье — вѣщій гласъ;
Ея уста здѣсь нарекли Конрада:
Такъ храбрый нашъ зовется Валленродъ.
Послушайте-жъ: какъ завтра часъ прійдетъ
Совѣта и избранья, дайте слово,
Что никого не изберемъ иного
Въ великіе магистры! Пусть возьметъ
Онъ крестъ и мечъ! Такъ, знать, Всевышній судитъ!
Согласны ли?“ — Тѣ крикнули: „да будетъ!“

И разошлись. Казалось, каждый радъ,
Что наконецъ такъ дивно жребій вынутъ;
Идутъ, и чу! ихъ вдзгласы гремятъ:
Да здравствуетъ нашъ орденъ, нашъ Конрадъ!
Да сгинетъ врагъ! Язычники да сгинутъ!
Гальбанъ стоялъ на мѣстѣ, и тонулъ
Въ глубокой думѣ; кинулъ взоръ презрѣнья
Потомъ на тѣхъ, чей кликъ изъ отдаленья
Былъ слышенъ; тамъ, на башню. онъ взглянулъ.
И тихо пѣснь такую затянулъ:

Вилія, мать нашихъ рѣкъ! Золотое
Дно у тебя и лицо неземное.
Дѣва, что ходитъ къ тебѣ за водой,
Лучше лицомъ и свѣтлѣе душой.

Вилія въ чудной долинѣ струится,
Гдѣ и тюльпанъ и нарциссъ въ ней глядятся.
Къ дѣвы ногамъ повергается панъ:
Что̀ передъ нимъ и нарциссъ и тюльпанъ?

Вилія, презрѣвъ долины цвѣтами,
Нѣмана ищетъ, въ него влюблена.
Дѣвѣ-литвинкѣ не весело съ нами:
Пана не здѣшняго любитъ она.

Вилію Нѣманъ схватилъ, и въ другую
Сторону съ ней по скаламъ повернулъ;
Къ хладному сердцу прижавъ дорогую,
Съ нею онъ въ безднѣ морской потонулъ.

Бѣдная дѣва! Путь жизни ты склонишь
Къ другу, свернетъ на чужбину волна.
Также ты въ морѣ забвенья утонешь,
Только грустнѣе: утонешь одна.

Сердцу и Виліи тщетны угрозы:
Сердце все любитъ, рѣка все бѣжитъ.
Вилія въ Нѣманъ влила свои слезы:
Дѣва-затворница въ башнѣ груститъ.

Капитульная зала.

III.

РАЗГОВОРЪ.

Ужъ ордена священные уставы
Почтительно магистръ облобызалъ;
Уже изъ рукъ комтура воспріялъ
И мечъ, и крестъ, — два знаменья управы
Надъ рыцарствомъ. И думой омрачёнъ,
Медлительно приподнимаетъ онъ
Чело свое, гдѣ, мнилось, тѣнь проходитъ,
И гордый взоръ вокругъ себя обводитъ,

И просіялъ въ Конрадовыхъ очахъ
Духъ радости съ какой-то тайной злостью,
И на его замѣтили устахъ
Дотоль еще невиданную гостью —
Улыбку.... но она чуть-чуть свѣтла,
Мгновенна и двусмысленна была.
Такъ утра лучъ изъ области лазурной
Сквозь облако сомнительно глядитъ,
И прячется мгновенно, и сулитъ,
Богъ знаетъ что, день ясный или бурной.

Кипучій нравъ магистра, грозный взглядъ,
И этотъ духъ воинственно-суровой,
Всѣмъ рыцарямъ надѣяться велятъ,
Что орденъ ихъ возблещетъ славой новой.
Ужъ мысленно они, ликуя, вновь
Обильно льютъ языческую кровь.
И дѣлятся, при громозвучномъ кликѣ,
Добычею, плодами грабежа,
И кто бы могъ, отъ страха не дрожа,
Противостать подобному владыкѣ?
Кто встрѣтилъ бы и мечъ его, и взоръ
Безъ трепета? Литва! твой приговоръ
Произнесенъ, и скоро крестъ всесильный
Блеснетъ со стѣнъ предъ нимъ поникшей Вильны!

Напрасная надежда! Вотъ ужъ годъ
Прошелъ спокойно, тихо. Валленродъ, —
Ни съ мѣста; спитъ, и ничему не внемлетъ;
А между тѣмъ Литва грозитъ: онъ дремлетъ.

Когда же онъ предприметъ что, начнетъ,
То весь порядокъ старый извернетъ;
Кричитъ, что орденъ развращёнъ, оставилъ
Путь истины, отсталъ отъ чистыхъ правилъ,
Священные обѣты позабылъ;
„Молиться надо,“ братьямъ онъ твердилъ:
„Отбросьте духъ стяжанья ненавистный!
„Предайтесь жизни кроткой, безкорыстной!“
И братія глядятъ со всѣхъ сторонъ
На своего властителя, а онъ,
Имъ воспретивъ малѣйшія забавы,
Усугубляетъ строгіе уставы,
Велитъ поститься, умножаетъ трудъ,
За малый грѣхъ творитъ жестокій судъ,
И ихъ казнитъ мечомъ иль истязаньемъ,
Педземною темницей иль изгнаньемъ.

И тотъ литвинъ, что прежде убѣгалъ
Боязненно отъ орденской столицы,
Теперь терзалъ и рвалъ ея границы,
Во тмѣ ночной селенья поджигалъ,
Въ тяжелый плѣнъ хваталъ народъ сосѣдній,
И хвасталъ передъ замкомъ у воротъ,
Что онъ къ магистру ордена идетъ,
Чтобъ у него быть въ храмѣ за обѣдней,
И дѣти дома, полныя тревогъ,
Дрожали, слыша звонкій жмудскій рогъ.

Теперь ли часъ для нѣмцовъ неудобный?
Литва полна вражды междоусобной;

Тамъ къ ней русинъ, тамъ ляхъ съ грозой идетъ;
Тамъ — крымскій ханъ свои войска ведетъ,
А Витольдъ сбитъ съ престола Ягеллономъ,
Защиты проситъ орденской: тевтонамъ
Въ награду зѐмли, зàмки отдаетъ,
И помощи досель напрасно ждетъ.

Всѣ ропщутъ на магистра; видятъ: надо
Собрать совѣтъ. Сбираютъ. Что-жъ Конрада
Не видно? Гдѣ? Гальбанъ искать пошелъ;
Онъ вѣдаетъ весь бытъ его домашній;
Обѣгалъ онъ весь замокъ: не нашелъ,
И думаетъ: а! вѣрно тамъ — у башни!...

Всѣ братія замѣтили: всегда
По вечерамъ онъ въ сумракѣ уходитъ,
И къ озеру направитъ путь, и бродитъ
По берегамъ. Тамъ, къ башенной стѣнѣ
Припавъ челомъ, склоняетъ онъ колѣни,
И такъ, пока лежатъ ночныя тѣни,
Недвижимый, не думаетъ о снѣ,
И міръ пока не озаренъ денницей,
Онъ видится, какъ мраморъ надъ гробницей,
Стоящій тамъ въ могильной тишинѣ.
Лишь иногда онъ на призывный голосъ,
Изъ башни имъ услышанный, встаетъ,
И свой отвѣтъ таинственно даетъ.
Не слышно словъ, но, кажется, боролась
Съ напоромъ чувствъ душа его тогда,
И былъ онъ весь въ волненьѣ. Иногда
Замѣтно было по его движеньямъ,
По взблескамъ шлема, сильнымъ мановеньямъ
Простертыхъ рукъ, что это былъ иль споръ,
Иль шелъ о чемъ-то важномъ разговоръ.

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

(пѣснь.)

Кто исчислитъ слезы, что въ тоскѣ я трачу?
Или ужъ такъ долго я въ семъ мірѣ плачу,
Иль такая горечь въ тѣхъ слезахъ разлита,
Что отъ нихъ рѣшетка ржавчиной покрыта?
Хоть падетъ на камень слезный дождь, а канетъ
Словно въ сердце друга: камень другомъ станетъ.

Въ замкѣ Свенторога вѣчный огнь пылаетъ:
Жрецъ своею вѣрой тотъ огонь питаетъ.
Есть источникъ вѣчный на горѣ Мендога:
Этому для пищи льдовъ и снѣгу много.
Пищи только нѣту для моихъ слезъ вѣчныхъ,
А онѣ все льются изъ-подъ ранъ сердечныхъ.

Гдѣ отецъ? гдѣ ласки матери безцѣнной?
Гдѣ богатый замокъ? край тотъ незабвенный?
Гдѣ тѣ дни безъ горя, ночи безъ тревоги?
Гдѣ покой, хранившій комнатъ тѣхъ пороги,
Словно стражный ангелъ, другъ неутомимый,
Бывшій днемъ и ночью близко, хоть незримый?

Три сестры насъ было, три въ красѣ являлось;
Только выйти замужъ первой мнѣ досталось.
Молодость, богатство, общее участье!...
Но сказалъ мнѣ кто-то про иное счастье:
О, зачѣмъ пришлецъ мнѣ тотъ невѣдать не далъ
Тайнъ, никто которыхъ на Литвѣ не вѣдалъ?

Онъ вѣщалъ о Богѣ, ангелахъ небесныхъ,
Городахъ великихъ, алтаряхъ чудесныхъ,
Какъ священныхъ гимновъ тамъ гремятъ напѣвы,
Какъ князей тамъ юныхъ, покоряютъ дѣвы,
Какъ въ князьяхъ тѣхъ каждый—смѣлый рыцарь кровью,
И смиренный пастырь сердцемъ и любовью!

Онъ вѣщалъ, какъ люди, міръ бросая дольный,
Тамъ взлетаютъ духомъ въ міръ богопрестольный.
Вѣрила всему я, небо предвкушала
На землѣ, когда я здѣсь тебѣ внимала,
И съ тѣхъ поръ — въ минуту добрую и злую,
Только все о небѣ, да тебѣ тоскую.

Крестъ на мощныхъ персяхъ—влилъ мнѣ въ сердце
сладость;
Крестъ твой обѣщалъ мнѣ будущую радость:
Молнія сверкнула — мракъ насталъ за нею,
И опять я плачу, но роптать не смѣю.
У меня ты отнялъ все, что было прежде,
Но и подъ слезами мѣсто есть надеждѣ.

„Надеждѣ!“ пронеслось чрезъ берегъ весь
Отзвучье это, глухо разстилаясь.
Конрадъ возсталъ, и дико усмѣхаясь,
Воскликнулъ: „Гдѣ я? Что я слышу? Здѣсь
Надежда есть? И знаютъ это слово?
Къ чему всѣ эти пѣсни? Мнѣ не ново
Ихъ содержанье. Свѣтлой той поры
Я не забылъ. Васъ было три сестры,
И первая ты вышла замужъ.... Горе!
О горе вамъ, прелестные цвѣты!
Змѣя вползла въ цвѣтущій садъ, и вскорѣ
Весь садъ поблекъ, желтѣютъ розъ кусты
И травка чахнетъ стеблемъ помертвѣлымъ,
Гдѣ вредный гадъ коснулся скользкимъ тѣломъ.
Теперь горюй, да дни воспоминай,
Которые и нынѣ-бъ ясны были,
Когда бы.... Ты молчишь.... О, проклинай!
Пусть слезы тѣ, которыя пробили
Холодный камень, даромъ не текутъ!
Пусть падаютъ мнѣ на чело и жгутъ!
Прочь этотъ шлемъ! Сюда, сюда пусть канутъ!
Я выдержу. Я за-живо пройду
Сквозь муки тѣ, что послѣ вѣчно станутъ
Тамъ жечь меня, терзать меня въ аду!

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

Прости мнѣ, другъ, прости! Я виновата.
Пришелъ ты поздно; грустно было ждать;
Я стала пѣть—такъ.... дѣтскій бредъ.... Мнѣ свято
Все прошлое. Мнѣ-ль на судьбу роптать?
Съ тобой мгновенье вмѣстѣ прожила я,
Но и за мигъ, что провела съ тобой,
Я не взяла-бъ всей жизни вѣковой,
Которую влачитъ толпа пустая.
Ты-жъ говорилъ, что этотъ жалкій людъ
Житьемъ похожъ на раковинъ въ болотѣ.
Что изрѣдка поднимутся, всплывутъ
На верхъ, и то не по своей охотѣ,
А какъ ихъ вскинетъ въ бурный часъ волна,
Откроютъ ротъ, дохнутъ они минутно
На воздухѣ — и снова ищутъ дна,
Гдѣ въ тинной мглѣ и грязно все, и мутно.
Не для такой я жизни создана.
На родинѣ, между подругъ, бывало,
О чемъ-то я невольно тосковала;
Тѣ весело рѣзвились, а во мнѣ
Такъ сердце чѣмъ-то билось, волновалось....
Бывало я на холмъ крутой взбиралась
И становилась тамъ на вышинѣ —
И думала: какъ грустно въ дольномъ свѣтѣ!
Вотъ если бы хоть жаворонки эти
По перышку изъ крыльевъ мнѣ своихъ
Въ даръ принесли, и я тогда межъ нихъ
Далеко унеслась бы въ ту жъ минутку,
А съ этого холма, что такъ высокъ.

Взяла бы я съ собой одинъ цвѣтокъ,
Одинъ цвѣтокъ мнѣ милый — незабудку;
Потомъ, средь быстрыхъ жаворонковъ тѣхъ,
За облакомъ помчалась бы сначала,
Въ полетѣ ихъ обогнала бы всѣхъ,
Потомъ все выше выше — и пропала!
Тѣхъ мелкихъ птичекъ вѣтромъ унесло,
Но ты, орелъ, изъ громоносной тучи
Ко мнѣ простеръ широкое крыло,
И взялъ меня на свой полетъ могучій!
Не пташкамъ тѣмъ мнѣ перышки дарить!

Теперь они мнѣ были бы къ чему же?
Орелъ былъ тутъ, меня чтобъ научить
Тамъ — нà небѣ величье въ Богѣ чтить,
А здѣсь его любить — въ великомъ мужѣ!

КОНРАДЪ.

Величіе! Мой ангелъ! Намъ оно
На горе и страданіе дано
Еще терпѣть, еще молчать намъ строго
Осталося дней нѣсколько.... немного....
Духъ мщенія ужъ не на долго сжатъ.
Поплачемъ!... Но пускай враги дрожатъ!
Ни ропота, ни жалобъ здѣсь не надо;
Не надо ихъ напрасно расточать;
Я плакалъ самъ.... Но смерть въ слезахъ Конрада:
Я плакалъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ умерщвлять.

О, для чего на это заточенье
Ты промѣняла монастырскій кровъ,
Гдѣ посвятилъ я Богу на служенье
Тебя, мой ангелъ? Лучше-бъ въ отдаленьѣ
Отъ глазъ моихъ, среди молитвъ, трудовъ
Ты умерла, перебирая четки,
Чѣмъ здѣсь, въ коварномъ, вражескомъ краю,
Замуровавъ навѣки жизнь свою,
Даянія сбирать изъ-за рѣшетки,
Гдѣ видѣть самъ, гдѣ слышать долженъ я,
Какъ длится пытка смертная твоя.
Гдѣ я готовъ, чуть Божій день явился,
Не уповая въ мірѣ ни на что,

Самъ душу проклинать свою за то,
Что чувства въ ней остатокъ сохранился.

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

Упрекъ? Укоръ? Не приходи-жъ сюда!
А если и прійдешь — твоимъ призваньямъ,
Твоимъ мольбамъ и даже заклинаньямъ
Я отвѣчать не буду никогда.
Закрывъ окно, я въ мракъ глубокой башни
Спущусь на вѣкъ, на скорбь и плачъ всегдашній.
Прости жъ, о мой единый, навсегда!
Да сгибнетъ память этого мгновенья,
Когда ко мнѣ ты чуждъ былъ сожалѣнья!

КОНРАДЪ.

И ты, мой ангелъ, сжалься надо мной:
Останься тутъ! Не то — самъ адъ порукой —
Здѣсь объ уголъ я грянусь головой,
Тебя чтобъ тронуть каиновской мукой!

ГОЛОСЪ ИЗЪ БАШНИ.

О да, подумай: двое насъ всего
Среди земли обширнѣйшаго круга!
Жалѣть, жалѣть намъ надобно другъ друга.
Міръ — океанъ песчаный; средь него
Мы, какъ росы двѣ капли: мигъ приспѣетъ,

И вѣтерокъ съ лица земли насъ свѣетъ,
А погибать, такъ вмѣстѣ погибать!

Я, монастырь оставивъ, съ тою-ль цѣлью
Сюда пришла, чтобы тебя терзать?
О нѣтъ! Хотѣла-бъ заточиться въ келью,
Желала-бъ я принять обѣтъ святой,
Но ввѣрить сердце, полное печали,
Я жениху небесному могла ли,
Когда виталъ любимецъ въ немъ земной?
О, рада-бъ я монашескаго лика
Сподобиться!... Но розно быть съ тобой
Казалось мнѣ такъ странно и такъ дико!
Я вспомнила, что ты въ Маріинъ градъ
Намѣренъ былъ прійти и поселиться,
Чтобъ мстителемъ со временемъ явиться
Своимъ врагамъ, и, какъ литовцамъ братъ,
За страждущихъ собратій заступиться.
Кто ждетъ, да ждетъ, и дни и годы ждетъ,
Тотъ сокращаетъ время ожиданья
Хоть мыслями. Быть можетъ, онъ идетъ
Обратно ужъ! шептали мнѣ мечтанья,
А, можетъ быть, ужъ тамъ онъ! И теперь
Какъ за́живо я въ гробовую дверь
Навѣкъ иду изъ этой жизни круга,
Уже-ль нельзя мнѣ и взглянуть на друга,
Хоть разъ взглянуть, и умереть при немъ?
Пойду! себѣ сказала я потомъ,
И гдѣ-нибудь, отъ жизненной тревоги
Уединясь, въ пустынѣ, на скалѣ,
Иль въ хижинѣ безвѣстной близъ дороги
Найду пріютъ послѣдній на землѣ

И ежели.... о небо всеблагое!
Какъ воины тамъ будутъ проходить,
Мимоидущій рыцарь, можетъ быть,
Произнесетъ то имя дорогое!
А можетъ быть, какъ шлемы заблестятъ,
Знакомый гербъ увижу я.... Мой взглядъ
Мнѣ не солжетъ.... Пускай онъ тамъ надѣнетъ
Не ту броню! Пускай онъ перемѣнитъ
Оружіе и надпись на щитѣ!
Пусть будутъ всѣ черты его не тѣ!
Пусть вдалекѣ идетъ, съ другаго краю!
Его узнаю — сердцемъ я узнаю!
И если онъ, обѣтъ свой соверша,
Покроетъ міръ весь прахомъ, пепломъ, кровью,
И будетъ всѣми проклятъ — все-жъ съ любовью
Его одна благословитъ душа.
Здѣсь я нашла, къ успокоенью духа,
Свой домъ — свой гробъ: я избрала его
Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ тихо все и глухо,
Чтобъ никогда до проходящихъ слуха
Не долетало стона моего.
Я знала, что, въ часы отдохновенья,
Въ прогулкахъ ты искалъ уединенья:
Вотъ, думала я, позднею порой,
Товарищей оставивъ, стороной,
Здѣсь къ озеру пойдетъ онъ подъ стѣнами
Бесѣдовать иль съ вѣтромъ, иль съ волнами,
И обо мнѣ случайно вспомнитъ онъ,
И въ этотъ мигъ вдругъ мой услышитъ стонъ!
Услышано затворницы моленье:
Ты здѣсь, мое уразумѣлъ ты пѣнье.
Молилась я, бывало, чтобы мнѣ

Увидѣть милый образъ хоть во снѣ,
Хоть бы безъ словъ, безъ голоса, безъ вѣсти
Изъ милыхъ устъ — отрадно бы и то!
И вдругъ — какое счастье! — можемъ вмѣстѣ
Мы плакать здѣсь....

КОНРАДЪ.

А выплачемъ мы что?
Ты помнишь: я слезами заливался,
Когда, рѣшась покинуть край родной,
На вѣки я отъ счастья отрекался,
И изъ твоихъ объятій вырывался,
Чтобъ выполнить кровавый замыслъ свой;
И что-жъ? когда я мысли той свершенья
Почти достигъ, и, послѣ долгихъ мукъ,
Готовъ схватить вѣнецъ побѣды, мщенья —
Ты изъ моихъ его уносишь рукъ!
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты изъ-подъ затвора
Для моего страдальческаго взора
Блеснула вновь, мнѣ видится одно,
Всегда одно — на всемъ пространствѣ свѣта:
Лишь озеро мнѣ видѣть суждено,
Въ моихъ глазахъ все только башня эта,
Да съ черною рѣшеткою окно.
Гдѣ все вокругъ войной оглашено,
Средь грома трубъ, среди оружій стука,
Всей жадностію слуха моего
Въ томленіи ищу я одного —
Твоихъ рѣчей плѣнительнаго звука.

Весь день я жду и мучусь цѣлый день;
Я времени того все жду, какъ тѣнь
Вечерняя отбросится горами;
Мнѣ вечеръ — жизнь, могу лишь имъ дохнуть,
Его въ мечтахъ хочу я растянуть,
И жизни счетъ веду я вечерами.
А между тѣмъ весь орденъ ропщетъ, ждетъ,
Чтобъ я войну предпринялъ, негодуетъ;
Онъ самъ своей погибели не чуетъ;
А тутъ Гальбанъ покою не даетъ:
Меня, что мигъ, торопитъ онъ на мщенье,
Напоминаетъ клятву, расхищенье
Домовъ родныхъ, пожары городовъ,
Весь ужасъ, павшій на родную землю;
Когда же я словамъ его не внемлю,
Тогда меня онъ разжигать готовъ
Хоть знаками, движеньями, глазами. —
И близокъ часъ: совѣтными главами
Ужъ рѣшено итти — Литву громить;
Пылъ ордена нѣтъ средства укротить.
Вчера здѣсь былъ гонецъ изъ Рима съ вѣстью,
Что тамъ усердьемъ къ вѣрѣ, къ благочестью
Воздвигнута безчисленная рать —
Хотятъ итти язычниковъ карать,
И требуютъ, чтобъ спѣшно, безъ отмѣны,
Я велъ войска подъ виленскія стѣны.
А я.... о стыдъ! позоръ и верхъ стыда!
Я все еще бездѣйственъ, и когда
Рѣшаются здѣсь участи народовъ,
Я все ищу предлоговъ, да отводовъ,
Я медлю все развѣдаться съ судьбой,
И день за днемъ не начинаю дѣла,

Чтобъ вечеромъ побыть еще съ тобой!
О молодость! Ты жертвовать умѣла
Всѣмъ въ мірѣ, всѣмъ — для блага той страны,
Гдѣ я рожденъ. Средь жизненной весны
Пожертвовалъ я счастьемъ, упоеньемъ,
Любовью, небомъ.... правда, съ сожалѣньемъ,
Но съ мужествомъ; и вотъ, когда ужъ старъ,
Когда моя отчаянная доля,
И долгъ святой, и честь, и Божья воля
Меня зовутъ на дѣло, на ударъ,
Что̀ мнѣ и долгъ, что̀ мнѣ и воля Божья?
Не въ силахъ я отъ этихъ стѣнъ подножья
Отторгнуться сѣдою головой!
Почти старикъ, я, какъ ребенокъ, плачу,
Утратить я боюсь.... А что утрачу?
Звукъ словъ твоихъ, да милый образъ твой!...

Умолкъ. Лишь стонъ изъ башни былъ отвѣтомъ
На эту рѣчь. Въ молчаньѣ время шло.
Уже востокъ подернулся разсвѣтомъ;
Румянилось озерныхъ водъ стекло;
Ужъ вѣтерокъ шумливо межъ кустами
О чемъ-то съ ихъ заговорилъ листами;
Проснулись птички — пѣнье пронеслось.
Но робкое, и вскорѣ прервалось,
Какъ будто бы пѣвицъ пернатыхъ племя
Одумалось, что пѣть еще не время,
Что рано слишкомъ. Тихо всталъ Конрадъ.
Онъ медленно возвелъ на башню взглядъ.
И на рѣшетку грустно засмотрѣлся.
Свѣтлѣло утро. Соловей распѣлся.

Былъ Валленроду часъ — итти назадъ:
Онъ взорами окрестность всю окинулъ,
Забрало шлема на глаза надвинулъ,
Въ широкій плащъ свой завернулся онъ,
Рукой къ окну прощальный свой поклонъ
Онъ выразилъ, и межъ кустами сгинулъ.
Такъ адскій духъ, заслышавъ ранній звонъ,
Что въ Божій храмъ людъ вѣрующій вводитъ,
Ото дверей отшельника уходитъ.

Выходъ изъ стараго замка.

Столовая.

IV.

ПИРЪ.

Патрона день! Его тевтоны чтятъ
И празднуютъ. Весь замокъ изукрашенъ.
Стремится все на съѣздъ въ Марінинградъ.
И бѣлыя знамена вѣютъ съ башенъ.
Для рыцарства устроилъ пиръ Конрадъ.

Сто бѣлыхъ мантій съ черными крестами
Блистаютъ здѣсь за праздничнымъ столомъ.
То — рыцари, а тамъ, за ихъ мѣстами,
Стоятъ пажи съ прислугою кругомъ.

И Витольдъ здѣсь, налѣво отъ Конрада,
Сидящаго на тронѣ, во главѣ:
Онъ изъ врага сталъ другомъ нѣмцевъ; рада
Его душа отмститъ теперь Литвѣ.

Магистръ встаетъ: „возвеселимся въ Богѣ!“
И общимъ кликомъ то-жъ возглашено.
„Возвеселимся!“ раздалось въ чертогѣ.
Пошелъ звонъ чашъ и полилось вино.

Сѣлъ Валленродъ, и говору хмѣльному
Своихъ гостей презрительно внималъ —
И стихло все, и сталъ одинъ другому
Едва шептать; звонъ кубокъ рѣже сталъ.

„Я вамъ сказалъ: возвеселимся братья!
А здѣсь — то крикъ, то шопотъ! странный пиръ!
Вѣдь на него не думалъ приглашать я
Ни буйный сбродъ, ни иноческій клиръ.

Не такъ мы пили съ прежними бойцами,
Обсѣвъ кругомъ бивачный свой костеръ,

Межъ мертвыхъ тѣлъ, окружены лѣсами
Финляндіи, иль средь Кастильскихъ горъ!

Тамъ пѣснь гремѣла. Бардовъ, менестрелей
Мы развѣ здѣсь въ народѣ не найдемъ?
Вино — услужникъ сердцу въ часъ веселій,
А пѣсня служитъ разуму виномъ."

И разные пѣвцы на приглашенье
Явились въ мигъ, и началося пѣнье.
Вотъ итальянецъ тучный соловьемъ
Сталъ храбрость пѣть и набожность Конрада.
А трубадуръ гаронскихъ рощъ потомъ
Запѣлъ романсъ пастушескаго склада.
О рыцаряхъ звучалъ его напѣвъ,
О волшебствѣ и плѣнѣ юныхъ дѣвъ.

Магистръ заснулъ, и прекратилось пѣнье;
Наставшая-жъ за этимъ тишина
Его и разбудила... Въ то-жъ мгновенье
Швырнулъ онъ деньги итальянцу: „На!"
Ты гимны пѣлъ лишь одному Конраду:
Какую-жъ я иную дамъ награду?

Возьми — и прочь! Ты, нѣжный трубадуръ,
Пѣлъ о любви: да наградитъ Амуръ
Тебя за пѣснь! Прости, что между нами
Красавицы нѣтъ съ ясными очами.

Которая-бъ могла тебѣ на грудь
Съ улыбкой розу бренную приткнуть!

Здѣсь — розы всѣ увяли; намъ не надо
И слышать здѣсь о женственной красѣ.
Здѣсь рыцари монашествуютъ всѣ.
Намъ пѣснь нужна воинственнаго склада,
Суровая. Пускай она звучитъ,
Какъ мѣдь трубы, какъ въ рубкѣ мечъ объ щитъ!
Намъ нужны гимны ужаса и страха,
Намъ пѣснь нужна пѣвца-богатыря,
Угрюмая, какъ видъ монастыря,
И пылкая, какъ пылъ рѣчей монаха.

Мы людямъ смерть и Божій крестъ несемъ:
Такъ пѣснь убійствъ пускай святыней дышитъ!
Пусть сердце злобой, гнѣвомъ раскольшитъ;
Сперва тоску, тамъ страхъ подыметъ въ немъ!
И если мы такую жизнь ведемъ,
То каждый пусть по жизни пѣснь услышитъ!
Кто-жъ намъ споетъ такую пѣсню?“

„Я,“
Одинъ старикъ могильно отозвался.
Доселѣ себя вдали отъ всѣхъ тая,
Онъ за толпой прислужниковъ скрывался.
По виду былъ прусакъ онъ иль литвинъ;
Густая борода его бѣлѣла;
На головѣ жъ лишь нѣсколько сѣдинъ
Разбросанныхъ и рѣдкихъ уцѣлѣло;

Морщинами былъ лобъ его изрытъ,
И, съ частью глазъ, накидкою прикрытъ.

Онъ выступилъ передъ лицо собранья,
И лютню онъ въ одной рукѣ держалъ,
Другую же къ сидящимъ простиралъ,
Какъ бы прося всеобщаго вниманья.
Всѣ стихли. „Я спою вамъ,“ — онъ сказалъ —
„Я встарь пѣвалъ и пруссамъ, и литвинамъ.
Одни изъ нихъ средь честныхъ битвъ легли
При оборонѣ ихъ родной земли.

Которой всякъ изъ нихъ былъ вѣрнымъ сыномъ;
Другіе же, упавъ на трупъ нѣмой
Отечества, ждутъ смерти. Такъ порой,
Вслѣдъ за своимъ властителемъ, толпами
Идутъ сжигаться слуги на костеръ.
Иные-жъ бѣгству предались.... позоръ!
Или — живутъ, какъ Витольдъ, между вами!

Но, нѣмцы, вы такимъ скажите сами —
Измѣнникамъ ихъ отческой странѣ,
Что ждетъ ихъ — тамъ! Въ мученіяхъ, въ огнѣ
Они тамъ будутъ вѣчномъ! А изъ рая
На помощь станутъ предковъ вызывать —
Тѣмъ варварской ихъ рѣчи не понять!
Усвоили они языкъ чужаго края
Нѣмецкаго, а съ этимъ языкомъ
И сынъ отцу тамъ будетъ не знакомъ.

О дѣти! Верхъ стыда Литвѣ и срама!
Никто меня — никто не защитилъ,
Какъ вайделотъ сѣдой тогда изъ храма
Вдругъ нѣмцами въ цѣпяхъ отправленъ былъ
Въ ихъ сторону, далеко, на чужбину.
Вотъ здѣсь теперь живу, дряхлѣю, гину....
Пѣвецъ!... А пѣть кому бъ я сталъ? Слеза
Бьетъ изъ очей, взоръ на Литву лишь кину,
И въ горѣ я ужъ выплакалъ глаза.
То вздохъ, то стонъ домой послать желаю,
Да какъ послать? Я — гдѣ мой домъ — не знаю.

Все милое, всѣ грезы о родномъ
Теперь хранятся въ сердцѣ лишь моемъ.
Пусть память, всѣ собравъ свои усилья,
Здѣсь вытряхнетъ изъ старой головы
Остатокъ жалкій прежняго обилья
Предъ вами, нѣмцы! Все возьмите вы!

Какъ рыцарь, побѣжденный на турнирѣ,
Утративъ честь и жить оставшись въ мірѣ
Лишь на позоръ, что дни его гнететъ,
Обратно къ побѣдителю идетъ,
И самъ себя терзая униженьемъ,
У ногъ его, съ послѣднимъ напряженьемъ
Всѣхъ силъ своихъ, ломаетъ мечъ, копье —
Такъ я теперь хватаю лютню эту,
Послѣднее оружіе мое,
И вдохновенье чувствую, и свѣту
Послѣдній здѣсь литовскій вайделотъ
Пусть нынѣ пѣснь послѣднюю споетъ!"

Сказалъ; умолкъ, и вмѣстѣ онъ съ гостями
Магистрова отвѣта тихо ждалъ.
Межъ тѣмъ Конрадъ хитрѣйшими глазами
На Витольда произительно взиралъ.
Всѣ видѣли, что громомъ укоризны
Когда разилъ измѣнниковъ отчизны
Въ своей рѣчи тотъ вайделотъ, тогда
Князь Витольдъ вдругъ въ лицѣ перемѣнился.
И поблѣднѣлъ, и вновь воспламенился
Весь краскою и гнѣва и стыда.

И, стиснувъ саблю, просверкавъ глазами,
Онъ сквозь толпу строптивыми шагами
Пошелъ, на старца косо посмотрѣлъ,
И, къ своему вернувшись мѣсту, сѣлъ.
Тутъ гнѣвъ его, что тучей взгромоздился,
И ужъ висѣлъ у князя надъ челомъ,
Потокомъ слезъ внезапно разразился,
И онъ, закрывъ лицо свое плащемъ,
Въ невѣдомыя думы погрузился.

Межъ нѣмцевъ шопотъ: какъ впускать на пиръ
Подобныхъ нищихъ? Онъ убогъ и сиръ.
Какую тутъ онъ пѣсню намъ за́тянетъ?
Кто здѣсь пойметъ? Да кто и слушать станетъ?
Сквозь этотъ шопотъ громче, громче смѣхъ
Все слышится; пажи свистятъ въ орѣхъ:
Ну вотъ, кричатъ, что̀ можетъ быть прелестнѣй?
Вотъ музыка къ его литовской пѣснѣ!

Магистръ поднялся съ рѣчью: „Господа!
Обычай есть старинный между нами:
Въ день нынѣшняго праздника, дарами
Насъ чествуютъ князья и города.
Какъ подданный, свою сгибая шею,
Властителю приноситъ свой оброкъ,
Пришелъ къ вамъ нищій съ пѣснію своею:
Ну, кто-бъ теперь его отринуть могъ?
Вы пѣснь его, пируя средь столицы,
Должны принять, какъ лепту отъ вдовицы.
Литовскій князь теперь у насъ въ гостяхъ;
Его вожди, подъ тѣмъ же пирнымъ кровомъ:

Восчествуемъ ихъ угощеньемъ новымъ,
Литовской пѣснью о былыхъ дѣлахъ,
Что скажутся для нихъ роднымъ ихъ словомъ!
Кто понимать не можетъ, удались!
А мнѣ подчасъ пріятно слушать было,
Какъ звуки этихъ чуждыхъ словъ лились
Таинственно, угрюмо и уныло.
Казалось, слышишь говоръ волнъ морскихъ
И дикія ихъ по скаламъ удары,
Иль шумъ дождя межъ листьевъ молодыхъ....
Тутъ дремлется такъ сладко!... Пой же, старый!"

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА.

Когда къ Литвѣ идетъ зараза,
Для проницательнаго глаза
Она ужъ издали видна:
Тогда, коль вѣрить вайделотамъ,
По рвамъ, кладбищамъ и болотамъ
Шагаетъ дѣва: то — она!
Вся въ бѣломъ; ростъ—подъ ростъ дубравамъ;
Та дѣва, въ огненномъ вѣнкѣ,
Идетъ, летитъ съ платкомъ кровавымъ,
Широко вѣющимъ въ рукѣ.
И часовой у замка кроетъ
Глаза подъ шлемъ тяжелый свой,
И песъ, врывъ морду въ землю, воетъ,
Почуявъ запахъ смерти злой.
А та надъ зàмками, дворцами
Проходитъ лютыми шагами.

Pauli

И гдѣ платкомъ своимъ махнетъ,
Дворецъ становится оврагомъ;
Гдѣ ступитъ, подъ тлетворнымъ шагомъ
Могила новая растетъ.
Всезлая мощь! Однако сила
Другая злѣй Литвѣ грозила:
Та шла съ нѣмецкой стороны,
Въ блестящихъ шишакахъ высокихъ....
Идетъ, а на плащахъ широкихъ
Кресты, кресты начернены.
Видали мы въ Литвѣ заразу:
Отъ ней страна не гибла сразу.
Гдѣ несся моръ, гдѣ шла бѣда,
Тамъ тлѣли села, города;
Гдѣ-жъ сила нѣмцевъ проходила,
Тамъ цѣлый край былъ вдругъ — могила....
Ахъ, въ комъ досель Литвой дыша
Жива литовская душа!
Прійди, да доблестно наладимъ
Сердца на ладъ былыхъ временъ,
И съ горькой думою возсядемъ
На гробъ народовъ и племенъ,
И вмѣстѣ старое вспомянемъ,
И думать, пѣть и плакать станемъ!

Родное слово, рѣчь народа!
Языкъ средь жизненнаго хода
Стоишь ковчегомъ ты святымъ,
И служишь сводомъ сопряженья,
Завѣтомъ вѣчнаго сближенья
Между отжившимъ и живымъ.

Въ твои хранительныя грани
Народъ слагаетъ, въ видѣ дани,
Всю жизнь свою, свои мечты,
Геройскій мечъ питомца брани,
Понятій нити, мыслей ткани
И чувства свѣжіе цвѣты.
Никто не сломитъ, не раздавитъ
Ковчегъ сей дивный, этотъ сводъ,
Никто, покуда самъ народъ
Скрижалей слова не безславитъ.
О пѣснь народная! ты стражъ
У алтаря преданій, нашъ
Крылатый ангелъ судный! Вержешь
Ты трубный звукъ, родная рѣчь,
И иногда въ десницѣ держишь
Архангела разящій мечъ.
Огнемъ писанье истребится,
Казну злой хищникъ разнесетъ,
Но пѣсня... пѣсня сохранится,
Уйдетъ, и міръ весь обойдетъ.
Когда же низкіе невѣжды
Не захотятъ ее хранить,
Ее поить питьемъ надежды,
И грусти пищею кормить,
Она уйдетъ въ пещеры, въ горы,
Найдетъ въ развалинахъ пріютъ,
Чтобъ съ настоящимъ въ разговоры
Вступать о славномъ прошломъ тутъ.
Такъ соловей взлетаетъ выше,
Гдѣ зданье обнято огнемъ.
Прошла пора, виталъ онъ въ немъ:
Теперь едва присѣлъ на крышѣ...

Мгновенно рухнула и та:
Летитъ онъ въ чуждыя мѣста,
Лѣсовъ, пустыни ищетъ дальной,
И, средь могилъ подъемля стонъ,
Своею пѣснію печальной
Прохожимъ жалуется онъ.

Видалъ я пахаря, бывало,
Когда средь хода своего
За кости мертвыхъ задѣвало
Желѣзо плуга у него;

Вздохнувъ, онъ бралъ свирѣль простую
И пѣснь наигрывалъ святую:
Онъ этой пѣснью поминалъ
Героевъ, родинѣ служившихъ,
Отцовъ бездѣтныхъ, здѣсь почившихъ,
И эхо вторило. Стоялъ
Одинъ я, издали внимая
Сей грустный прадѣдовъ поминъ.
Тѣмъ глубже грусть была нѣмая,
Что былъ одинъ я, былъ одинъ!

Какъ ангелъ все въ день оный, судный
Трубой воздвигнетъ всепробудной,
Такъ пахарь сей, казалось, тутъ,
Звукъ вызвавъ изъ свирѣльной трости,
Живитъ, подъемля эти кости:
Тѣ изъ-подъ ногъ моихъ встаютъ,
И дивно образы пріемлютъ,
И замки изъ руинъ растутъ,
И воды озера не дремлютъ:
По нимъ живыя весла бьютъ;
Чертоги свѣтлые открыты,
Вѣнцы сіяніемъ облиты,
Доспѣхи блещутъ, вайделотъ
Святую пѣснь свою поётъ....
Какъ чудно было то видѣнье!
И какъ печально пробужденье!

Родные горы и лѣса
Исчезли. Мысль, что въ небеса

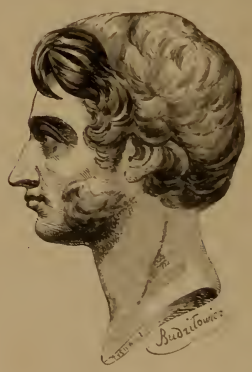
Стремилась, опустила крылья
И пала съ блѣдностью безсилья
Во мракъ домашняго гнѣзда;
Рука ослабла, помертвѣла;
Родная лютня онѣмѣла;
Тускнѣетъ память: иногда,
Средь стоновъ общей братней муки,
Прошедшаго теряешь звуки.

Но все душа еще таитъ
Ту искру жара молодаго,
Что часомъ вспыхиваетъ снова,
И память старика живитъ;
А память, что хрусталь мудреный
Лампады расписной, граненой,
Гдѣ пыли, въѣвшейся давно,
И пятенъ много; но и нынѣ
Оправь свѣтильню посрединѣ,
Зажги, и все озарено,
И даже то плѣняетъ взоры,
Что въ граняхъ лучъ дробится тамъ,
И разноцвѣтные узоры
Идутъ, хоть тускло, по стѣнамъ.

О, если-бъ пѣснопѣвца слово
Могло вамъ пламя сообщить,
Съ которымъ въ васъ воскресло-бъ снова
Все то, что перестало жить!
О, если-бъ вы хоть на мгновенье,
Пока васъ трогаетъ пѣвецъ,

Въ себѣ почуяли біенье
Старинныхъ, доблестныхъ сердецъ,
На этотъ мигъ хотя усвоивъ
Духъ славныхъ предковъ, духъ героевъ —
Мгновенно-бъ каждый сталъ великъ,
И также славно, знаменито.
Провелъ бы хоть единый мигъ,
Какъ предками вся жизнь изжита!

Но для чего издалека
Будить минувшіе вѣка?
Пѣвецъ напрасно не обидитъ
Текущихъ дней, присущихъ душъ;
Намъ близокъ здѣсь великій мужъ:
Его уже-ль никто не видитъ?



О немъ — угодно-ль — вайделотъ
Въ урокъ литовцамъ пѣснь споетъ?“

Старикъ умолкъ, и ждетъ онъ позволенья
Отъ рыцарей на продолженье пѣнья:
Все было тихо; слухъ былъ напряженъ
Еще у всѣхъ; пѣвецъ былъ ободренъ,
И началъ онъ, но взялъ размѣръ длиннѣе,
Понизилъ голосъ къ облегченью силъ,
Касался струнъ и рѣже, и слабѣе,
И, вмѣсто гимна, повѣсть возгласилъ.

ПОВѢСТЬ ВАЙДЕЛОТА

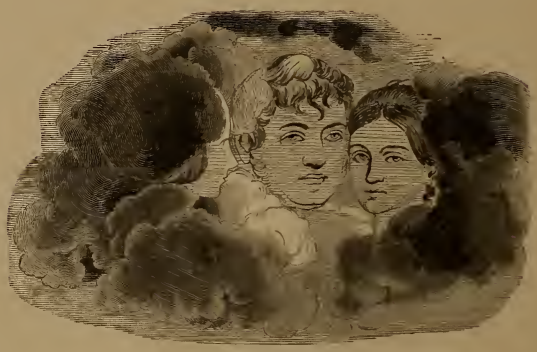
Это откуда литовцы?—Съ набѣга домой воротились,
Славной добычей отъ замковъ и храмовъ они поживились.
Плѣнные нѣмцы толпою бѣгутъ за литовцевъ конями;
Вервіемъ стянуты руки, на шеяхъ же петли съ узлами;

Въ сторону Пруссіи взглянутъ, и слезы изъ глазъ у нихъ канутъ,
Ковно глазами встрѣчаютъ, и Богу свой духъ поручаютъ.
Города Ковна средина, то бога Перуна долина:
Тамъ властелины литовцевъ порою костры воздвигали,
Рыцарей плѣнныхъ нѣмецкихъ на этихъ кострахъ сожигали.
Плѣнные Ковна боялись. Но только изъ нынѣшнихъ двое
Плѣнниковъ въ городъ вступаютъ безъ страха, въ душевномъ покоѣ:
Молодъ одинъ и прекрасенъ, другой ужъ преклоненъ годами.
Оба отъ нѣмцевъ къ литвинамъ тѣ всадники прибыли сами;
Князь же Кейстутъ, ихъ принявши, къ нимъ вѣрную стражу приставилъ,
И за собою во слѣдъ ихъ обѣихъ въ свой замокъ отправилъ.
Тамъ онъ ихъ спрашивалъ: „Кто вы? и родомъ съ какого вы краю?
Съ цѣлью какою явились?“ — И младшій отвѣтилъ: „Не знаю,
Какъ мое имя съ рожденья, и кто мнѣ родители были.
Былъ я ребенкомъ, какъ нѣмцы меня въ свой полонъ захватили.
Помню, что гдѣ-то въ Литвѣ надъ холмами былъ городъ пространный:
Отческій домъ тамъ стоялъ, а тотъ городъ былъ весь деревянный.
Только родительскій домъ отъ другихъ былъ особый, отличный:
Тѣ всѣ изъ дерева просто, а этотъ былъ красный кирпичный.
Возлѣ холмовъ была роща, стояли высокія ели.
А въ отдаленьѣ лѣсистомъ озерныя воды блестѣли.
Ночью однажды проснулись мы: крики и грохотъ ударовъ
Слышимъ, а зарево въ окнахъ, какъ будто отъ сотни пожаровъ;
Лопаясь, сыплются стекла; дымъ клубомъ. Дрожа отъ испуга,
Мы за ворота: на улицахъ — пламя, — а искры, какъ вьюга,

Такъ и мелькаютъ. Къ оружью! къ оружью! крикъ долго тянулся.
Въ городѣ нѣмцы! Родитель мой вышелъ съ мечомъ: не вернулся!
Нѣмцы въ нашъ домъ ворвались, и одинъ, живо я вспоминаю,
Взбросилъ меня на коня, а что далѣе было — не знаю.
Только, средь грома валившихся зданій, и треску, и стуку,
Бряканья стали объ сталь, къ одному я прислушался звуку:
Это былъ вопль моей матери! Долго я вопль этотъ слышалъ,
Долго, и даже досель у меня онъ изъ сердца не вышелъ.

Если и нынѣ кричатъ, а строенье объято пожаромъ,
Матери вопль все я слышу, какъ вторящій грома ударамъ

Мрачныхъ пещеръ отголосокъ. Вотъ все, изъ Литвы что съ собою
Вывезъ я въ край иноземный. Въ мечтаніяхъ сонныхъ порою
Вижу отца я, и братьевъ, и матери образъ почтенной;
Но ихъ черты дорогія, съ теченіемъ дней постепенно



Кроясь, тѣмъ больше тускнѣютъ, чѣмъ далѣе возрастъ тотъ дѣтской.
Выросъ межъ нѣмцами я, сталъ я жить по методѣ нѣмецкой:
Вальтеромъ названъ я былъ, а прозваніе Альфа мнѣ дали;
Имя нѣмецкое принялъ я: нѣмцомъ меня и считали,
Но въ моемъ сердцѣ литовскомъ и вѣрномъ съ рожденья до гроба,
Все оставалась тоска по отчизнѣ, къ врагамъ ея злоба.
Винрихъ, тевтонскій магистръ, воспиталъ меня въ домѣ какъ сына;
Самъ окрестилъ меня, тѣшилъ, ласкалъ; но и въ дѣтствѣ кручина

Въ сердцѣ моемъ завелась и расла. Возъимѣлъ я охоту
Бѣгать изъ Винраха замка тайкомъ къ старику вайделоту.
Жилъ въ это время литовскій одинъ вайделотъ между нѣмцевъ,
Взятый въ полонъ, и давно водворенный въ краю иноземцевъ.
Былъ толмачемъ онъ при войскѣ нѣмецкомъ. Лишь онъ стороною
Свѣдалъ, что я изъ Литвы, и остался одинъ сиротою,
Сталъ зазывать онъ меня, о Литвѣ заводить сталъ бесѣду,
Пѣсни литовскія пѣть; я внималъ вдохновенному дѣду;
Слушалъ я съ жадностью звуки родимаго, милаго слова.
Къ берегу Нѣмана свелъ онъ меня, приводилъ туда снова,

Горы отчизны моей мнѣ указывалъ: чудныя горы!
Часто сквозь слезы горячія къ нимъ я стремилъ мои взоры;
Видѣть ихъ было такъ грустно и вмѣстѣ такъ сладко, утѣшно!
И на обратномъ пути моемъ къ замку мой старецъ поспѣшно

Слезы мои отиралъ, чтобы всѣ отклонить подозрѣнья,
Но распалялъ между тѣмъ мое сердце всѣмъ пламенемъ мщенья.
Помню, какъ въ замокъ вернувшись, свой ножикъ точилъ я украдкой,
Какъ я имъ рѣзалъ ковры, и съ какою свирѣпостью сладкой
Билъ зеркала у магистра, какъ щитъ его свѣтлый засунуть
Въ уголъ я пыльный любилъ и, швырнувши пескомъ въ него, плюнуть.

Послѣ-жъ, какъ выросъ я, съ пристани, часто случалось, клейпедской
Плылъ я со старцемъ чрезъ Нѣманъ, оставивши берегъ нѣмецкой:
Тамъ, на литовскомъ прибрежьѣ, срывалъ я цвѣты полевые;
Запахъ ихъ, видъ возбуждали завѣтное чувство: родные!
Мнилось, я къ дѣтству вернулся, и съ братьями дома въ саду я
Бѣгаю. Старецъ подшептывалъ мнѣ, чего самъ не могу я
Вспомнить, бывало. Такими цвѣтными, живыми словами,
Что и цвѣтовъ всѣхъ прекраснѣе, онъ, предъ моими глазами,
Счастіе то рисовалъ, что въ кругу лишь родимомъ дается,
Какъ благодатно тамъ сердце младое межъ кровными бьется,
Сколько дѣтей есть литовскихъ!... какъ дни ихъ печальны и тяжки!
Счастья того не дано имъ: въ неволѣ у нѣмцевъ, бѣдняжки!

Помню прибрежье Полонги; тамъ, съ берегомъ въ пѣнистомъ спорѣ,
Грудью гремящею бьется въ него посѣдѣлое море.
Рѣки песку извергая изъ волнъ своихъ зѣвомъ мятежнымъ.
Взоръ обрати, говорилъ вайделотъ мнѣ, къ коврамъ тѣмъ прибрежнымъ:

Ихъ ужъ песокъ застилаетъ. Тамъ травкѣ душистой охота
Жить еще; выбиться хочетъ она изъ-подъ смертнаго гнёта:
Тщетно! Песчаная гидра какъ разъ подойдетъ, подоспѣетъ,
Бѣлыя лапы наложитъ, и берегъ живой одолѣетъ,
И водворитъ она дикое царство пустыни безплодной.
Сынъ мой! Цвѣтущая зелень, въ песокъ что зарыта холодный,
Это литовцы несчастные, братья ихъ, дѣти и жены.
Сынъ мой! песокъ, наметаемый бурею съ моря, — тевтоны.

Сердце болѣло внимая. Ударилъ бы въ нѣмцевъ съ-налету!
Или-бъ въ Литву убѣжалъ!... Но внималъ старику-вайделоту:
Рыцари, онъ говорилъ, избираютъ оружье по волѣ;
Надобно съ равными силами выйти на спорное поле;
Съ нѣмцами здѣсь поживи! Поучись у нихъ ловкимъ быть, смѣлымъ!
Вѣрнымъ слугой ихъ прикинься! А послѣ смекнемъ ужъ мы дѣломъ.

Былъ старику я послушенъ, и выступилъ въ войскѣ тевтона;
Но лишь увидѣлъ я въ первомъ сраженьѣ родныя знамёна,
Пѣсню литовцевъ услышалъ, родную, зовущую къ бою,
Быстро я кинулся къ нашимъ, и старца увлекъ за собою.

Соколъ былъ взятъ изъ гнѣзда; въ тѣсной клѣткѣ его воспитали;
Разными пытками ловчіе память его отбивали:
Вотъ и пустили его на другихъ соколовъ въ боевую
Схватку; окинулъ онъ глазомъ отчизну свою голубую,
Небо, безмѣрное небо, понесся въ гуляющихъ тучахъ,
Волю почуялъ, услышалъ своихъ онъ шумъ крыльевъ могучихъ:
Ловчіе въ клѣтку назадъ сокола по напрасну ужъ ждали.“

Юноша кончилъ. Кейстутъ и Альдона разсказу внимали.
Дщерь молодая Кейстута, Альдона, богини милѣе!
Мрачная осень пришла. Вечерà все длиннѣе, длиннѣе.
Сядетъ Альдона за пяльцы иль прялку, въ томъ избранномъ кругѣ,
Что составляютъ всѣ близкія къ ней, ея сестры, подруги;
Иглы мелькаютъ и весело ходятъ кругомъ веретёна.
Вальтеръ стоитъ, повѣствуя о дивахъ въ отчизнѣ Тевтона
И о годахъ своей юности: слухомъ Альдона хватала
Каждое слово, а мыслію каждое слово глотала;
Все наизустъ зазубрила, не разъ и во снѣ повторила.

Вальтеръ разсказывалъ, что̀ тамъ, за Нѣманомъ, замки какіе,
Какъ въ городахъ тамъ живутъ, веселятся, пируютъ; лихіе
Рыцари какъ на турниры съѣзжаются, копья ломаютъ,
И отъ красавицъ, смотрящихъ съ балконовъ, вѣнки принимаютъ.
Вальтеръ объ истинномъ Богѣ вѣщалъ потомъ рѣчью цвѣтистой,
Рекъ и о Матери Божьяго сына, о Дѣвѣ Пречистой;
Даже и образъ ея показалъ онъ въ сіяньѣ и славѣ,
Образъ, который носилъ на груди онъ въ блестящей оправѣ.

Отдалъ его онъ Альдонѣ, въ ту-жъ вѣру ее посвящая;
Вмѣстѣ и самъ съ ней молился, Альдону всему научая;
Самъ, что онъ зналъ лишь да вѣдалъ, Альдонѣ онъ все заповѣдалъ;
Въ знанье и то онъ ей предалъ, чего прежде самъ онъ не вѣдалъ.
Дивное знанье открылъ ей: любви научилъ онъ Альдону;
А научая и самъ научался: по звуку, по тону

Слышанныхъ имъ отъ Альдоны рѣчей понималъ ужъ онъ снова
Имъ позабытый языкъ и значеніе каждаго слова;
Каждое слово родимое съизнова въ памяти крѣпло,
Новое чувство собой вызывая, какъ искру изъ пепла.
Сладостны были для сердца изъ чуднаго словъ тѣхъ богатства
Родственной теплой пріязни названіе, дружества, братства,
И.... есть одно еще лучшее, наисладчайшее слово,
Слово такое, что высшаго нѣтъ уже въ мірѣ другаго,
Кромѣ лишь слова: отчизна.... Смекнули? *Любовь* — это слово.

„Что это значить? Кейстутъ помышлялъ, что̀ съ Альдоною сталось?
Гдѣ ея дѣтскія игры? Гдѣ прежняя рѣзвость дѣвалась?
Въ праздникъ всѣ дѣвушки пляшутъ, всѣ въ обществѣ, въ радостномъ сборѣ:
Та одиноко сидитъ, иль проводитъ часы въ разговорѣ
Съ Вальтеромъ; въ будни дѣвицы сидятъ за обычной работой,
Иглы и прялки въ ходу: у нея жъ все не ладится что-то;
Путаетъ нитки она, и роняетъ иглу поминутно.
Всѣ замѣчаютъ, и самъ я замѣтилъ, что дѣло непутно.
Розанъ вчера вышивала: что-жъ? Вышелъ цвѣтокъ премудреный,
Розовый листъ оказался въ шитьѣ, а самъ розанъ зеленый!

Словно не видитъ! Да какъ ей и видѣть узоръ свой рабочій?
Слушаетъ Вальтера только, да видитъ лишь Вальтера очи.

Какъ ни спрошу я: куда она вышла? Отвѣтъ мнѣ: въ долину.
Это откуда идетъ? Изъ долины. Какую-жъ причину
Этихъ прогулокъ открылъ я? Къ нимъ поводъ для дочери важенъ;
Вальтеромъ садъ для нея въ этой самой долинѣ насаженъ.
Будто ужъ садъ тотъ дворцовыхъ садовъ моихъ лучше, пышнѣе?
(Пышные были сады у Кейстута: алѣя и спѣя
Яблоки, груши тамъ ковенскихъ дѣвъ привлекали собою.)

Это не садъ ее манитъ! Взглянулъ я на окна зимою
Въ комнатѣ дочери: стекла тѣхъ оконъ, которыя съ края
Къ Нѣману вышли, чистехоньки, словно средь яснаго мая,
Льдинки на нихъ не замѣтно; тамъ Вальтеръ ходилъ то и дѣло;
Дочь же моя подъ окномъ тѣмъ иль этимъ приникнувъ сидѣла,
Тяжко вздыхала, конечно, и вздоховъ горячихъ тѣхъ сила
Скоро на стеклахъ, морозомъ подернутыхъ, ледъ растопила.

Слыша, что нынѣ князья обучаютъ дѣтей своихъ, внучатъ,
Думалъ я: пусть и читать и писать онъ Альдону научитъ!
Малый онъ добрый и храбрый, а въ грамотѣ съ ксендзомъ сравнится.
Какъ удалить его изъ дому? Нѣтъ, онъ Литвѣ пригодится.
Онъ и окопы насыплетъ, онъ къ бою и рати устроитъ,

Сладитъ съ оружіемъ огненнымъ, цѣлаго войска онъ стоитъ:
Будь же мнѣ зятемъ, о Вальтеръ, и бей за Литву иноземцевъ!“

Вальтеръ Альдонѣ сталъ мужемъ. У васъ, романическихъ нѣмцевъ,
Тѣмъ бы и кончилась повѣсть. У васъ ужъ никакъ продолжать бы
Нити романса не сталъ трубадуръ, какъ довелъ ужъ до свадьбы:
Развѣ прибавилъ бы только, что жили, да счастливы были.
Но моя повѣсть продлится. Другъ друга сердечно любили
Вальтеръ съ Альдоной, но, съ пылкой любовію къ милой отчизнѣ.

Истинный рыцарь не полнится счастьемъ домашней лишь жизни:
Дома какое же счастіе, если отчизна несчастна?

Снѣгъ уже таетъ. Сталъ вешній пѣвецъ напѣвать сладкогласно.
Пѣніе это, звучащее міру отрадой, любовью,
Бѣдной Литвѣ угрожаетъ всегда и пожаромъ и кровью.
Двинулись рати тевтоновъ, всѣ нѣмцы идутъ поголовно;
Эхо отъ самыхъ за-нѣманскихъ высей доноситъ до Ковно
Войска несмѣтнаго клики, стукъ брòней и конское ржанье.
Лагерь ихъ стелется пò полю, словно туманъ. Какъ сверканье
Молній предъ страшною бурей, идетъ чрезъ пригорокъ сосѣдній
Отблескъ, бросаемый ярко значками ихъ стражи передней.
Къ берегу нѣмцы прихлынули, блещутъ сквозь облако пыли;
Мостъ черезъ Нѣманъ накинули, Ковно кругомъ обступили.

Утромъ подкатятъ тараны, громятъ — и стѣна за стѣною
Падаетъ; ночью-жъ копаются, словно кроты, подъ землею.
Каждая бомба, что сòколъ лихой средь охотничьей ловли,
Огненнымъ взвившись полетомъ, съ высотъ ударяетъ на кровли.

Ковно разрушилось, пало: литовцы въ Кейданы уходятъ.
Пали Кейданы: литовцы въ лѣсахъ и въ ущеліяхъ бродятъ,
Борются. Нѣмцы впередъ все — и грабятъ, и жгутъ, по привычкѣ.
Съ Вальтеромъ вмѣстѣ Кейстутъ. Впереди онъ при схваткѣ, при стычкѣ;
Сзади — когда отступаютъ. Всегда онъ и твердъ и спокоенъ;
Съ нѣмцемъ въ борьбѣ имъ обычный порядокъ усвоенъ:
Бей, нападай, побѣждай, уходи подъ конецъ — напослѣдкѣ.

Такъ воевали когда-то его достославные предки.
Вальтеръ не такъ разсуждалъ: въ томъ краю получивъ воспитанье,
Зналъ онъ могущество ордена; зналъ, что магистра воззванье
Въ цѣлой Европѣ имѣетъ свой вѣсъ, и вотще обороны
Пруссы отъ нѣмцевъ искали: ихъ сплошь покорили тевтоны.
Эта же участь постигнетъ литовцевъ иль рано, иль поздно.
Пруссіи явенъ примѣръ. На Литву смотритъ будущность грозно.
Такъ разсуждая, и въ будущемъ гибель предвидя, угрюмый
Вальтеръ Кейстуту свои сообщилъ безотрадныя думы.
„Сынъ мой!“ Кейстутъ возопилъ, „ты пророчишь бѣду роковую.
Снялъ ты съ очей мнѣ повязку, чтобъ бездну увидѣлъ я злую.
Всю мою бодрость убилъ своей рѣчью ты въ этой бесѣдѣ.
Руки мои опустились. Нельзя и мечтать о побѣдѣ!

Что тутъ намъ дѣлать?“ — „Отецъ мой! Къ отмщенью есть способъ отмѣнный,“
Вальтеръ отвѣтствовалъ, „способъ ужасный, за то несомнѣнный:
Послѣ тебѣ я открою.“ — Такъ рѣчи вели межъ собою
Вальтеръ и князь послѣ бою, покуда воинской трубою
Снова не звали ихъ къ бою. Кейстутъ на печаль преклонился,
Пуще и пуще горюетъ, и Вальтеръ совсѣмъ измѣнился:
Былъ хоть и прежде онъ склоненъ къ какой-то заботѣ угрюмой,
И при счастливыхъ минутахъ туманился тайною думой,
Все же онъ прежде бывалъ, видя образъ Альдоны прекрасной,
Миренъ, спокоенъ, доволенъ, и взоръ и чело были ясны;
Нынѣжъ все время онъ преданъ глубокимъ, душевнымъ истомамъ:
Цѣлое утро онъ, руки скрестивши, одинъ передъ домомъ

LAICHOM.

Смотритъ, какъ дымъ отъ пожарищъ вдали еще тянется, вьется;
Дико глядитъ онъ, и ночью вдругъ вскочитъ, съ постели рванется,
И на кровавое зарево взоръ устремляетъ съ балкона.

„Что съ тобой? что?“ обращалась къ супругу съ вопросомъ Альдона. —
„Какъ, что со мною? Могу-ли же спать я? Вдругъ нѣмцы нахлынутъ,
Соннаго свяжутъ, да такъ палачамъ на терзанье и кинутъ!“
— „Боже избави! Да развѣ при замкѣ съ оружьемъ нѣтъ стражи?“ —
„Есть. Да и самъ я при саблѣ, и сна я не вѣдаю даже,
Но.... коль и стража погибнетъ, притупится сталь моей сабли....
Слушай! Представь себѣ: я ужъ состарѣлся, силы ослабли...“
— „Богъ въ подкрѣпленье пошлетъ намъ дѣтей...“ — „А какъ нѣмцы нагрянутъ!
Нѣмцы зарѣжутъ жену, а дѣтей всѣхъ къ себѣ и потянутъ,
Да и научатъ, быть можетъ, стрѣлять тамъ въ отца ихъ роднаго!
Самъ я, пожалуй, убилъ бы изъ кровныхъ того иль другаго,
Если-бъ не добрый старикъ, вайделотъ!“ — „Такъ уѣдемъ отсюда
Дальше въ Литву, чтобъ укрыться отъ нѣмцевъ жестокихъ покуда
Въ темныхъ лѣсахъ, межъ горами.“ — „Уѣхать? А прочихъ оставить
Всѣхъ матерей и дѣтей ихъ? Прусакъ себя думалъ избавить
Бѣгствомъ отъ нѣмцевъ въ Литву, да настигли: вотъ нынче и стонетъ!
Нѣмецъ и въ темныхъ лѣсахъ, межъ горами, насъ также догонитъ.“

— „Ну, такъ мы далѣ уѣдемъ!“ — „Все далѣ! Несчастная! Далѣ!
Что же? ты хочешь, чтобъ мы за предѣлы Литвы ускакали?
Къ русскимъ, къ татарамъ уѣдемъ?“ — Сраженная силой отвѣта,
Смолкла Альдона. Ей мнилось: съ обширностью цѣлаго свѣта
Можетъ равняться Литва, и теперь лишь Альдона узнала,
Что для спасенья отъ нѣмцевъ въ Литвѣ ея мѣста ужъ мало.
— „Что же намъ дѣлать?“ она говоритъ при отчаянномъ стонѣ. —

„Способъ одинъ лишь остался,“ такъ Вальтеръ отвѣтилъ Альдонѣ:
„Страшный сей способъ тевтонскую мощь уничтожить я знаю,
Только не спрашивай! Здѣсь я заранѣ стократъ проклинаю
Часъ тотъ злосчастный, въ который, быть можетъ, стремясь къ моей цѣли,
Вынужденъ буду я самъ испытать этотъ способъ на дѣлѣ.“
Съ этой поры онъ молчалъ и не слушалъ моленій Альдоны,
Видѣлъ Литву лишь въ страданьяхъ, и слышалъ страдающей стоны.
Пламя ужаснаго мщенья, что долго въ молчаньѣ питалось
Зрѣлищемъ бѣдствій отчизны, росло все, росло и прорвалось;
Дико бушуя, все Вальтера сердце оно обхватило,
Чувства въ душѣ всѣ повыжгло, и даже то чувство, что было
Жизни его услажденьемъ, нѣжнѣйшее чувство къ Альдонѣ.

Такъ на верху бѣловѣжскаго дуба, подобно коронѣ,
Держится кустикъ омелы; но если охотникъ разводитъ
Тайный близъ дуба огонь, и палящая сила восходитъ
Съ корня на верхъ, въ сердцевину, то дубъ и одежду всю
сброситъ,
Вѣтви и листья сухіе окрестъ его вѣтеръ разноситъ,
А наконецъ ужъ и то, чѣмъ такъ красился дубъ посѣдѣлый,
Сохнетъ и падаетъ: сброшенъ съ вершины вѣнецъ изъ омелы!

Долго литовцы по замкамъ, въ горахъ и дубравахъ блуждали,
Гдѣ на враговъ нападали, гдѣ сами себя ограждали.

Бой совершился кровавый потомъ на равнинахъ Рудавы
Тысячъ десятки, безглавы, легли тамъ на поприщѣ славы, —
Многіе тысячъ десятки; чуть живы вернулись остатки.

Къ нѣмцамъ изъ-за̀ моря прислано войско еще для подпоры.
Съ горстію храбрыхъ пробился Кейстутъ, съ своимъ Вальтеромъ, въ горы;
Сабли иззубрены въ сѣчахъ; щиты ихъ измяты, избиты.
Въ домъ свой они воротились, и прахомъ и кровью покрыты,
Сумрачны. Вальтеръ съ женою и слова не молвилъ, а что-то
Сталъ говорить по-нѣмецки съ Кейстутомъ, да съ тѣмъ вайделотомъ.
Не понимала Альдона, но нѣжное сердце въ ней билось
Тайнымъ, тяжелымъ предчувствіемъ. Вотъ наконецъ прекратилось
То совѣщанье, и взоръ устремили печальный всѣ трое
Вдругъ на нее, а особенно мужъ: выраженье нѣмое
Страшной, отчаянной скорби въ лицѣ его видимо было;
Слезы изъ глазъ его хлынули вдругъ съ необузданной силой;
Бросился онъ на колѣни предъ нею въ томленіяхъ муки;
Къ сердцу, что въ немъ разрывалось, онъ сталъ прижимать ея руки
Съ просьбой: простить ему все, что она для него претерпѣла.

„Горе страдалицамъ!“— онъ говоритъ—„нѣтъ злосчастнѣй удѣла
Тѣхъ погибающихъ женщинъ, что любятъ скитальцевъ безумныхъ;
Эти мечтатели ищутъ все бурь лишь, да подвиговъ шумныхъ;
Мало имъ тихаго счастья, имъ мало семейнаго крова!
Мысль, какъ надъ кровлею дымъ, у нихъ вѣчно взвиваться готова.

Сердце великое улью большому, о другъ мой, подобно:
Медъ гдѣ его не наполнитъ, тамъ гадамъ селиться удобно.

Ангелъ, Альдона, прости! На сегодня мы все позабудемъ!
Чѣмъ мы бывали другъ другу всегда, тѣмъ и нынче мы будемъ.
Завтра-жъ"…. Окончить не смѣлъ онъ. Альдона, бѣдняжка, и рада;
Думаетъ: вотъ перемѣнится Вальтеръ! Крушиться не надо.
Будетъ онъ веселъ, спокоенъ. И видитъ она, что во взорахъ
Жизнь у него проявилась, румянецъ въ лицѣ; въ разговорахъ
Съ нею онъ вечеръ проводитъ: у ногъ ея онъ удаляетъ
Мысль о Литвѣ, о тевтонахъ, о битвахъ, и вотъ вспоминаетъ
Время прибытья въ Литву и начальной съ Альдоною встрѣчи,
Первыя съ нею свиданья въ долинѣ и сладкія рѣчи,
Даже тѣ малые случаи, дѣтскія тѣ приключенья,
Что для любовниковъ только исполнены смысла, значенья.

Но для чего между словъ, гдѣ видна ихъ вся нѣжность другъ къ другу,
Вдругъ произноситъ онъ: „завтра!" и долго глядитъ на супругу,
Слезы хотятъ навернуться въ глазахъ у него…. онъ блѣднѣетъ….
„Завтра"…. еще что-то хочетъ сказать онъ — и медлитъ, не смѣетъ?

Развѣ онъ къ прежнимъ тѣмъ чувствамъ и счастью тому обращаться
Памятью сталъ бы, коль думаетъ съ ними на вѣки разстаться?
Развѣ всѣ ласки въ тотъ вечеръ и нѣжнаго знаки участья
Были послѣднимъ ужъ отблескомъ прежняго чувства и счастья?

Этихъ вопросовъ Альдона рѣшить не могла, не умѣла.
Вальтеръ молчалъ. Она вышла, но все черезъ щелку глядѣла:
Вальтеръ вино наливалъ и все пилъ, и потомъ для чего-то
Онъ во всю ночь продержалъ у себя старика-вайделота.

Утро едва показалось — чу! брякнули створы, затворы;
Шопотъ и ржаніе слышны; пустились два всадника въ горы.
Стражу могли обмануть они всякую, только не стражу
Зоркой и чуткой любви: та откроетъ побѣгъ и пропажу!
Мигомъ Альдона вскочила, почуяло сердце тревогу:
Вкось по долинѣ она пробѣжавъ, пересѣкла дорогу
Всадникамъ. Грустная встрѣча! „Куда ты? вернись, дорогая!
Да, воротись, моя радость, въ объятья родимаго края!
Сгибни, вся память минувшаго! Ты еще счастлива будешь
Ты молода и прекрасна, найдешь утѣшенье.... забудешь!...
Много князей къ тебѣ сваталось, чувства любви обнаружа:
Ты же отнынѣ свободна; вдова ты великаго мужа!
Видишь: для блага отчизны разстался онъ даже съ тобою!
Другъ мой! Прости! Позабудь!... Но хоть изрѣдка теплой слезою
Память мою ты почти! Ужъ для Вальтера въ мірѣ отнынѣ
Нѣтъ ничего: одинокъ онъ, какъ вѣтеръ въ песчаной пустынѣ;
Долженъ онъ вѣчно скитаться, носиться заразой тлетворной,
Вѣдать измѣну, убійство, и смертью сгибнуть позорной.

Но перекатятся годы: по цѣлой Литвѣ разнесется
Альфа забытое имя — и сердце твое встрепенется!
Вальтера подвиги станутъ потомъ воспѣвать вайделоты:
Пѣсни ты эти услышишь, и вспомнишь, быть можетъ, его ты,
Вспомнишь, что рыцарь тотъ страшный, задернутый облакомъ тайны,
Лично тебѣ былъ извѣстенъ, что этотъ знакомецъ случайный

Былъ тебѣ другомъ, супругомъ, и въ гордомъ сознаніи этомъ
Сыщешь отраду, хоть будь ты забыта, оставлена свѣтомъ!“

Не понимала Альдона, хоть слушала чутко, казалось.
„Ѣдешь ты? ѣдешь?“ вскричала она, и сама испугалась
Словъ этихъ страшныхъ; одни въ ея слухѣ слова тѣ гремѣли;
Мыслить и помнить она ни о чемъ не могла; что̀ доселѣ
Мыслила, помнила, все, что о будущемъ даже гадала, —
Все для ней вмѣстѣ слило̀сь, и хаосомъ безсмысленнымъ стало.
Сердцемъ лишь только она поняла, что уже невозможно
Ни воротиться домой, ни забыть.... И очами тревожно
Нѣсколько разъ она дикія Вальтера очи встрѣчала;
Въ нихъ ужъ давно она тщетно себѣ утѣшенья искала;
Нынѣ, знать, думала встрѣтить, чего не встрѣчала донынѣ!
Вновь озиралась кругомъ, но вокругъ — только лѣсъ и пустыня.

Глядь! А за Нѣманомъ—храмикъ, и съ маковки льется сіянье:
Дѣвъ то обитель была, монастырское мирное зданье.
Очи и мысли Альдоны туда устремились. Такъ злою
Бурей захваченный голубь надъ ярой пучиной морскою
Хочетъ прильнуть корабля незнакомаго къ мачтѣ высокой.
Вальтеръ все понялъ, и, молча поникнувши въ думѣ глубокой,
Онъ за Альдоною слѣдовалъ, и лишь за мигъ до прощанья
Замыселъ свой ей открылъ, но подъ строгимъ обѣтомъ молчанья.
И у воротъ наконецъ попрощались.... разстались.... Ужасно!
Альфъ съ вайделотомъ поѣхалъ, и нынѣ о нихъ все безгласно.

Горе, коль клятвы своей онъ доселѣ не сдержалъ по закону!
Счастье свое погубилъ онъ, отъ счастья отторгнулъ Альдону:
Жертвы такія ужели напрасны? А клятва? а совѣсть?
Впрочемъ что будетъ, увидимъ. Ну нѣмцы, окончена повѣсть!"

„Ужъ кончено?" собранье зашумѣло:
А что же этотъ Вальтеръ? Кто такой?
Гдѣ-жъ подвиги его? И местью злой
Кому грозилъ онъ? Совершилъ ли дѣло?"
Одинъ вопросъ въ другой переходилъ.
Но Валленродъ — ни слова; наклонилъ
Чело свое, и въ видимомъ волненьѣ
Онъ чашу вслѣдъ за чашей наливалъ,
Бралъ со стола и разомъ выпивалъ.
Въ его чертахъ замѣтно измѣненье:
Ужъ молніи изъ глазъ его летятъ,
И взрывы чувствъ лицо его крестятъ,
И онъ, чело все больше, больше хмуря,
Сидитъ; уста синѣютъ и дрожатъ,
И мечутся въ разлетъ за взглядомъ взглядъ,
Какъ ласточки, когда ихъ гонитъ буря.
Вдругъ, сбросивъ плащъ, онъ кинулся къ пѣвцу.

„Конецъ гдѣ-жъ пѣсни? Пой! Иди къ концу!"
Онъ закричалъ: „Чего дрожишь? Робѣешь?
Зачѣмъ конца у пѣсни нѣтъ твоей?
Дай лютню мнѣ, да чашу мнѣ налей!
Самъ допою, самъ, если ты не смѣешь.

Я знаю васъ. Какъ полуночный вой
Инаго пса, такъ пѣсня вайделота
Вѣщаетъ зло, и намъ грозитъ бѣдой.
Пожары, кровь — вотъ что вамъ пѣть охота!
А намъ — мученье вмѣстѣ съ похвалой.
Иную пѣснь еще ребенку пѣли,
Когда лежалъ онъ мирно въ колыбели,
И пѣснь, какъ змѣй, успѣла проскользнуть,
И въ нѣжную младенческую грудь
Влила свой ядъ. И плодъ такой отравы —
Любовь къ отчизнѣ и желанье славы!

За юношей все та же пѣсня вслѣдъ,
Какъ тѣнь врага убитаго мелькаетъ,
Является порой среди бесѣдъ,
И пирный кубокъ кровью разбавляетъ.
Наслушался я пѣсень, и — увы! —
Свершилось! Всѣ поэты таковы!
Ихъ торжество — война огонь, удары.
Ты мнѣ знакомъ давно, обманщикъ старый!
Вина мнѣ дать! Ты выигралъ, поэтъ.
Еще вина! Исполнится обѣтъ.

Конецъ той пѣсни знаю я; другую
Я вамъ спою. Въ ту пору боевую,
Какъ съ маврами въ кастильскихъ я горахъ
Встрѣчался, пѣть баллады на пирахъ
Я перенялъ, и помню ихъ донынѣ.
Сыграй, старикъ, пѣснь дѣтскую мою,
Любимую, ты помнишь, что въ долинѣ....
Авось ее по-старому спою!

Тѣ времена все у меня въ поминѣ.
Ну, что-жъ? Играй! Ты видишь: я готовъ.
Ко временамъ тѣхъ вдохновеній дѣтскихъ
Ворòтимся!... Иль, именемъ боговъ
Тебѣ клянусь всѣхъ прусскихъ и нѣмецкихъ...."

И съ лютнею приблизился старикъ:
Перебирать онъ струны началъ вмигъ;
Но звуки шли не смѣло. Передъ львинымъ
Могуществомъ владыки своего,
Онъ слѣдовалъ за пѣніемъ его,
Какъ тихій рабъ за гнѣвнымъ властелиномъ.

А между тѣмъ на праздничномъ столѣ
Свѣтильники ужъ гасли. Въ полумглѣ
Собраніе дремало; но возстали
Всѣ рыцари, когда запѣлъ Конрадъ;
Вокругъ сомкнулись тѣсно, съ рядомъ рядъ,
И жадно слову каждому внимали.

АЛЬПУХАРА.

Смерть маврамъ! Испанцы, разбивъ ихъ ограды.
Ихъ давятъ подъ гнетомъ ярма.
У мавровъ остались твердыни Гренады,
Но — горе! Въ Гренадѣ — чума.

Еще въ Альпухарѣ геройски безстрашенъ
Защитникъ ея — Альманзоръ,
Но врагъ подступилъ ужъ къ пятамъ ея башень,
И завтра — послѣдній напоръ.

Чуть утро настало: испанцы напали —
Твердыни разсыпались въ прахъ;
Съ чела минаретовъ кресты засверкали,
И замокъ — въ испанскихъ рукахъ.

Все пало: одинъ Альманзоръ не свалился
Съ врагами въ упорномъ бою;
Сквозь лѣсъ ихъ мечей онъ и копій пробился,
И бѣгствомъ спасъ душу свою.

Испанцы, справляя воинскій обычай,
Пируютъ; все взрыли до дна;
Средь падшаго замка живятся добычей,
Купаются въ морѣ вина.

И вдругъ ихъ начальникамъ стража доноситъ,
Что прибылъ какой-то посолъ
Съ дарами, и въ замокъ ихъ допуска проситъ.
„Впустить!“ И посланникъ вошелъ.

То былъ Альманзоръ, то былъ царь мусульманской.
Покорный верховной судьбѣ,
Онъ самъ предаетъ себя власти испанской,
И проситъ пощады себѣ:

„Испанцы!“ — взываетъ — „въ смиреньѣ глубокомъ
Готовъ я главу низложить,
Увѣровать вашимъ великимъ пророкамъ,
И вашему Богу служить.

Весь свѣтъ пусть узнаетъ, что царь побѣждённый,
Своихъ побѣдителей зря,
Ихъ братомъ быть хочетъ въ странѣ ихъ законной,
Вассаломъ другаго царя!“

Того, кто явилъ средь недавняго боя
Всю силу меча своего,
Узнали испанцы, и чтятъ въ немъ героя;
Ихъ вождь обнимаетъ его;

И всѣмъ Альманзоръ имъ лобзаньями платитъ,
Отъ этого рвется къ тому,
И снова вождя ихъ то за руку схватитъ,
То прянетъ на шею къ нему,

Упалъ на колѣни къ его онъ подножью,
Развитымъ тюрбаномъ своимъ
Обвилъ его ноги съ болѣзненной дрожью,
И тянется въ прахѣ за нимъ,

И всталъ, и ужасенъ испанцамъ явился.
Весь синій, взглянулъ на враговъ.
Средь адскаго хохота ротъ искривился,
Изъ глазъ его брызнула кровь.

„Взгляните, гяуры: каковъ я! Предъ вами,
Въ лицѣ моемъ, гибель сама.
Я къ вамъ изъ Гренады посланникъ съ дарами:
Гяуры! мой даръ вамъ — чума.

Я къ вамъ простиралъ зараженныя руки;
Мой ядъ будетъ васъ пожирать.
Мои изучайте вы корчи и муки:
Вѣдь въ нихъ же и вамъ умирать!“

Онъ ринулся наземь, и, кажется, хочетъ
Обнять всѣхъ испанцевъ, сводя
Средь судорогъ руки кольцомъ, и хохочетъ,
Хохочетъ, смотря на вождя,

И стынетъ, и взоръ онъ свой, кровью налитый,
Со злобой на вѣкъ закатилъ;
И рта не сомкнулъ онъ, и смѣхъ ядовитый
Къ устамъ искривленнымъ пристылъ.

Испанцы отъ горъ Альпухары въ тревогѣ
Помчались, и войска ихъ тма,
Средь страшныхъ мученій, легла на дорогѣ:
Ихъ всѣхъ доконала чума.

„Такъ нѣкогда умѣлъ отмстить на славу
Суровый мавръ. А развѣ сынъ Литвы
Не можетъ мстить? Какъ думаете вы?
Не можетъ онъ вмѣшать въ вино отраву?
Нѣтъ? Вѣкъ другой — обычай сталъ не тотъ,
Князь Витольдъ! Нынче изъ Литвы приходятъ
Князья въ нашъ край, насъ во владѣнье вводятъ
Своей землей, на свой родной народъ
Насъ кличутъ, мстятъ своимъ же кровнымъ братьямъ.

Но есть.... Перунъ! Внемли моимъ заклятьямъ!...
Есть и въ Литвѣ.... Не всѣ же таковы!
Я вамъ спою.... Хотите-ль слушать вы?

Нѣтъ! Лютня — прочь! Всѣ струны оборвались.
Не будетъ пѣсень!... Но потомъ.... остались
Завѣтныя.... Сегодня черезчуръ
Я выпилъ. Пейте! Всѣхъ васъ угощу я.
Ты-жъ, Аль...манзоръ!... Прочь, старый балагуръ!
Прочь! И съ Аль...баномъ! Быть одинъ хочу я!"

Сказалъ, и шаткой онъ стопой побрелъ
На мѣсто, сѣлъ, и все грозилъ, и двинулъ
Ногою такъ съ приборами весь столъ,
Что съ громомъ все мгновенно опрокинулъ....
Хотѣлъ было подняться онъ сперва,
Но вдругъ ослабъ, свалилась голова
На спинку креселъ, очи потускнѣли,
Запѣнились уста, и посинѣли:
Магистръ уснулъ....

И зрѣлищемъ такимъ
Поражены, стояли всѣ въ раздумьѣ.
Извѣстно было о Конрадѣ имъ,
Что, упоенъ напиткомъ огневымъ,
Порой впадалъ онъ въ ярость и въ безумье;

За нимъ давно всѣ знали этотъ грѣхъ,
Да онъ пивалъ одинъ, вдали отъ всѣхъ;
Но на пиру, средь полнаго собранья —
Какой позоръ и посрамленье званья!

Разгнѣванъ.... Кѣмъ? Гдѣ тотъ сѣдой поэтъ?
Гдѣ вайделотъ? — Пропалъ его и слѣдъ.

Носился слухъ, что пѣснь для Валленрода
Одѣтый вайделотомъ пѣлъ Гальбанъ,
Что противу языческаго рода
Хотѣлъ къ войнѣ возжечь онъ христіанъ.

Но отчего былъ тотъ порывъ Конрада?
Князь Витольдъ отчего такъ гнѣвенъ былъ!

Что значитъ та магистрова баллада?
Загадки все — и кто-бъ ихъ разрѣшилъ?

Входъ въ старый замокъ.

V.

ВОЙНА.

Война! Война! Превыше силъ Конрада —
Противиться. Совѣтныя главы
Рѣшили такъ: измѣнникъ — Витольдъ; надо
Ему отмстить и не щадить Литвы.

Месть Витольду! Чтобъ подъ свою десницу
Взять Вильно, онъ къ тевтонамъ, въ ихъ столицу,
Пріѣхалъ самъ, и помощи просилъ;
Но свѣдавши на пирѣ, у магистра,
Что рать тевтоновъ скоро грянетъ, — быстро
Намѣренье свое перемѣнилъ.
То другъ, то врагъ, онъ, съ хитростью змѣиной,
Тихонько, вмигъ, ушелъ съ своей дружиной.

Въ нѣмецкіе онъ замки сталъ входить
Съ поддѣланнымъ магистровымъ приказомъ:
Велитъ сперва оружіе сложить,
А тамъ давай все жечь или рубить,
И истребить, опустошить все разомъ.
Тевтонъ, подвигнутъ гнѣвомъ и стыдомъ,
Возсталъ, карать язычниковъ готовый,
И объявилъ походъ на нихъ крестовый.

Выходитъ булла. Встало все кругомъ.
Идутъ, плывутъ — и сушей, и морями,
Подвижники, несмѣтными роями,
Могучіе князья изъ разныхъ мѣстъ
Съ вассалами; на латахъ красный крестъ.
И каждый жизнью поклялся своею
Язычнику — иль смертью отомстить,
Или его сдать Богу — окрестить.

Пошли. И что жъ Литва? Что сталось съ нею?
Хотите знать? Какъ день пошелъ на склонъ,

Взойдите вы на валъ, на бастіонъ,
И киньте взглядъ: предъ вашими очами
Небесный сводъ, какъ будто весь горитъ,
Изрѣзанный кровавыми ручьями —
Пожарнымъ такъ онъ заревомъ облитъ.

Гдѣ мстительной войны подъято знамя,
Тамъ — вѣчно такъ; не трудно очеркнуть:
Разбой, грабежъ, убійство, кровь и пламя —
И пламя — да! вѣдь надо-жъ чѣмъ-нибудь
Потѣшить взоръ безумцевъ: ну — огнями!
А въ тѣхъ огняхъ, віющихся змѣями,
Мудрецъ со страхомъ голосъ узнаетъ,
Что къ Господу о мщеньи вопіетъ.

Все далѣе пожаръ шелъ быстро, сильно;
Вошла въ Литву глубоко рать враговъ.
Былъ слухъ, что обложили Ковно, Вильно,
И нѣтъ потомъ ни вѣсти, ни гонцовъ;
И пламени ужъ стало не замѣтно,
И зарево блѣднѣетъ.... Дни идутъ,
А въ Пруссіи, въ странахъ нѣмецкихъ, тщетно
Трофеевъ ждутъ, добычи, плѣнныхъ ждутъ.
Тевтоны шлютъ гонцовъ освѣдомляться,
Но тѣ гонцы не ѣдутъ ужъ назадъ,
И нѣмецъ, чѣмъ въ безвѣстности теряться,
И вѣсти ждать, и вѣсти не дождаться,
Отъ всѣхъ надеждъ былъ отказаться радъ.
Зима идетъ и снѣжной вьюгой вѣетъ.
Въ горахъ мятель; дороги занесло.

Вотъ зарево ночное пламенѣетъ:
Не войско-ль вновь все выжигать пошло?
День ото дня огонь пожаровъ злѣе,
И зарево все ближе и краснѣе.

Вперилъ глаза марiенбургскiй людъ
На снѣжную въ литовскiй край дорогу....
Тамъ, кажется, вдали — идутъ, бредутъ.. .
„Не наши ли?“ Вотъ ближе по-немногу....
Какъ встрѣтить ихъ? Какую вѣсть несутъ?
Ихъ мало такъ!... Побили, иль побиты?
Что возвѣститъ магистръ ихъ знаменитый?
„Гдѣ жъ прочiе?“

Въ отвѣтъ на то Конрадъ
Лишь указалъ на жалкiе остатки,
Что издали тянулись въ безпорядкѣ,
И стоило на нихъ лишь бросить взглядъ,
Чтобъ все понять: они въ пучинахъ снѣга
Тонули тамъ, и, при усильяхъ бѣга,
Вдругъ падали другъ на друга горой,
А черезъ нихъ ползла толпа иль груда:
Казалось, насѣкомыхъ сжатый рой
Вращается средь тѣснаго сосуда,
Въ которомъ заключили ихъ. Порой
Всѣ впереди свалившiеся трупы
Для слѣдующихъ строились въ уступы:
Когда-жъ на нихъ иные поднялись,
То заднiе ихъ сталкивали внизъ.

Одни едва-едва тащили ноги;
Другіе же, замерзнувъ на дорогѣ,
Дорожными столбами стали въ рядъ,
И, крытые мятели пылью бѣлой,
Подъятою рукой, окоченѣлой,
Указывали путь въ Маріинградъ.

Изъ города толпы людей являлись:
Хотѣлось знать.... Но и спросить боялись.
Что спрашивать? На лицахъ и въ глазахъ
У рыцарей изображалось ясно,
Какъ та война была для нихъ несчастна;
Въ ихъ скорченныхъ, промерзнувшихъ костяхъ
Гнѣздилась смерть; предъ тусклымъ взоромъ холодъ
Ужъ простиралъ свой гробовой покровъ,
И гарпія язвительная — голодъ
Высасывалъ ихъ остальную кровь.

Чу! трубный звукъ!... То мчится роковая
Погоня вслѣдъ литовская, а тутъ
Подъ вихремъ пыль крутится снѣговая;
Здѣсь воютъ псы, а враны пищи ждутъ,
И, хлопая по воздуху крылами,
Подъемля крикъ, кружатъ надъ головами.

Все кончено! Все погубилъ Конрадъ!
Онъ — этотъ вождь, чей мечъ досель былъ славенъ,
Чей мѣткій умъ во всѣхъ дѣлахъ былъ явенъ,
Тутъ дѣйствовалъ такъ вяло, не впопадъ,

Несмѣло такъ! Онъ Витольдомъ былъ втянутъ
Въ его силки: былъ, какъ дитя, обманутъ.
Зачѣмъ онъ въ степь, въ конецъ Литвы зашелъ?
Былъ жаждой мести увлеченъ, конечно!
Зачѣмъ же онъ такъ плохо, такъ безпечно,
Такъ медленно осаду Вильны велъ?

Потомъ, когда запасы истощились,
И голодъ угрожалъ, и прекратились
Къ подвозамъ, къ сообщеньямъ всѣ пути,
Когда тевтонъ ужъ гибъ отъ изнуренья,
Когда ему осталось для спасенья
Или на штурмъ, или назадъ итти,
Тогда магистръ, чѣмъ подвигать работу,
Спокойно спалъ иль ѣздилъ на охоту,
Слегка смотрѣлъ на смерть своихъ людей,
Какъ будто-бъ онъ и не желалъ побѣды,
Въ своемъ шатрѣ велъ тайныя бесѣды,
И на совѣтъ не приглашалъ вождей.

Въ немъ до того остыло рвенье къ бою,
Что, братій онъ не трогаясь мольбою,
Защитнаго меча не поднималъ,
И цѣлый день, предъ всѣмъ нѣмецкимъ станомъ,
Скрестивши руки, одинокъ, мечталъ,
Иль разсуждалъ о чемъ-нибудь съ Гальбаномъ.

А между тѣмъ зима копила снѣгъ,
И Витольдъ шелъ на нѣмцевъ съ силой новой.

На лагерь ихъ онъ сдѣлалъ ужъ набѣгъ,
И что-жъ? Позоръ! Вмигъ уступить готовый,
Магистръ бѣжалъ, не убоясь молвы!
Трофеевъ ли, добычи-ль орденъ спроситъ?
Въ замѣну ихъ, магистръ ему приноситъ
Извѣстіе о торжествѣ Литвы!

И послѣ всѣхъ постыдныхъ похожденій —
Вы видѣли — съ толпою привидѣній
Вернулся онъ. Чело омрачено;
Какимъ-то гнетомъ сердце стѣснено.
Но иногда въ Конрадовы зѣницы
Вглядитесь вы, когда изъ-подъ рѣсницы
Онъ вполовину ихъ откроетъ: въ нихъ
Сверкаетъ лучъ таково злаго свѣта,
Какой намъ льетъ зловѣщая комета,
Что, измѣняясь въ образахъ своихъ,
Грозитъ войной; при каждомъ оборотѣ
Его очей, кровавые зрачки
Вамъ, кажется, бросаютъ огоньки,
Мелькающіе ночью на болотѣ,
Какъ адскій знакъ, которымъ, врагъ небесъ,
Прохожаго заманиваетъ бѣсъ.
Конрада взглядъ, горящій всесожженьемъ
Души его, злорадостно сіялъ
Какимъ-то сатанинскимъ выраженьемъ.

Роптало все. Народъ негодовалъ.
Что-жъ Валленродъ? Ему и горя мало!

Онъ на совѣтъ всѣхъ рыцарей созвалъ —
И тѣ сошлись, и все ему внимало:
Согласны всѣ принять за Божью казнь
Все бывшее. Склонила всѣхъ боязнь.

Стой, властелинъ надменный! Стой! Судьбою
Такъ рѣшено: есть судъ и надъ тобою!
Въ Маріенбургѣ есть подземный ходъ:
Тамъ мѣсто есть, гдѣ тайный судъ идетъ.

И день и ночь лампады лишь довольно
Для свѣту тамъ. Посереди — престолъ.
Вокругъ — двѣнадцать креселъ. Напрестольно
Лежитъ устава письменный глаголъ.
На креслахъ тѣхъ двѣнадцать засѣдаютъ
Ночныхъ судей, въ одеждѣ гробовой;
Лицо имъ маски черныя скрываютъ;
Другъ друга даже судьи тѣ не знаютъ;
А кто-бъ проникъ въ пещеру къ нимъ чужой?
Подъ клятвою тѣ судьи дали слово,
Что будетъ казнь владыкамъ ихъ готова
Всегда, вездѣ, за преступленья ихъ,
Свершенныя иль тайно или явно.

Судъ долженъ былъ твориться равноправно,
Карать отца, и братьевъ, и родныхъ,
Измѣною иль силой, какъ лишь можно.
И исполненье было непреложно:

У всѣхъ судей, для должности такой,
Кинжалъ въ рукѣ и шпага подъ рукой.
Одна изъ масокъ подошла къ престолу,
И предъ уставомъ, надъ главой своей,
Подъемля мечъ, челомъ склоняясь долу,
Произнесла:

„О грозный сонмъ судей!
Сокрытаго изслѣдованья ходомъ
Всѣ подозрѣнья подтвердились; тотъ,
Кого зовутъ Конрадомъ Валленродомъ,
Не Валленродъ.
Кто онъ таковъ? Невѣдомо донынѣ.
Пришелъ въ нашъ край, тому двѣнадцать лѣтъ.
Графъ Валленродъ когда былъ въ Палестинѣ,
Тогда пажомъ онъ былъ въ его дружинѣ,
Но Валленрода тамъ пропалъ и слѣдъ.
Былъ слухъ, что графъ пажомъ убитъ былъ тайно;
Потомъ бѣжалъ изъ Палестины онъ
Въ Испанію, и въ войско тамъ включенъ;
Тамъ мавровъ билъ, былъ храбръ необычайно,
И на турнирахъ былъ превознесенъ;
А между тѣмъ въ войскахъ и межъ народомъ
Повсюду слылъ Конрадомъ Валленродомъ.
Вступивъ въ нашъ орденъ, онъ въ могистры избранъ былъ
И всѣхъ сгубилъ.

Какъ правилъ онъ, извѣстно всѣмъ. Зимою,
Среди борьбы со стужей и съ Литвою,

И съ голодомъ, онъ, хитростью влекомъ
Злодѣйскою, ѣзжалъ въ лѣса, въ дубравы,
И совѣщался съ Витольдомъ тайкомъ.
Его моихъ шпіоновъ глазъ лукавый
Давно слѣдилъ. Подъ башней угловой
Подслушано, вечернею порой,
Что велъ онъ рѣчь тамъ, на глухомъ безлюдьи,
Съ затворницей, отъ братій вдалекѣ,
И разговоръ тотъ шелъ — внимайте судьи!
На чуждомъ намъ литовскомъ языкѣ.

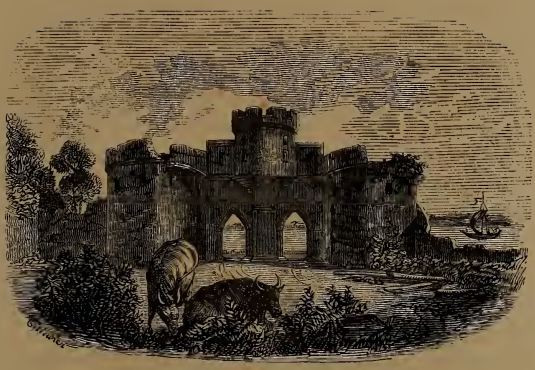
И такъ, за всѣмъ, что отъ судовъ намъ тайныхъ
Объ этомъ человѣкѣ знать дано,
Что свѣдано при розыскахъ случайныхъ,
И частію вездѣ оглашено, —
О судьи! я виню магистра: онъ — убійца,
Онъ еретикъ, злодѣй, измѣнникъ, кровопійца.
Да будетъ рѣшено!"

Тутъ, преклонивъ колѣни предъ уставомъ.
Рукою обвинитель до креста
Коснулся и поклялся въ честномъ, правомъ
Своемъ доносѣ, язвами Христа.

Умолкъ доносчикъ. Судьи разбираютъ
Доносъ его, и судятъ, но молчатъ;
Въ безмолвіи лишь знакомъ выражаютъ
Что̀ думаютъ и что̀ сказать хотятъ;

То головой таинственно качаютъ,
То изъ-подъ масокъ грозно мечутъ взглядъ.
Во глубинѣ судебной ихъ темницы
Къ престолу каждый подходя потомъ,
Вскрывалъ уставъ кинжала остріемъ,
И про себя читалъ его страницы,
И мыслію лишь совѣсти внималъ,
И кисть десницы къ сердцу прижималъ.
Всѣ наконецъ единогласно: „горе!“
Воскликнули, и трижды раздалось

Отзвучіе въ подземномъ ихъ затворѣ
Подъ сводами. Тутъ все произнеслось
Въ единомъ словѣ. Судъ, не тратя взгляда
Излишняго, безъ толковъ, безъ рѣчей,
Взнесъ лезвея двѣнадцати мечей,
Направленныхъ незримо въ грудь Конрада.
Изъ подземелья сборище судей
Выходитъ молча. На глухомъ просторѣ
Тамъ эхо лишь еще звучало: „горе!“



Водяныя врата.

VI.

ПРОЩАНІЕ.

За долго передъ утреннимъ лучемъ,
Сквозь зимнюю мятель, по многоснѣжью,
Конрадъ летитъ къ озерному прибрежью,
У башни сталъ — и въ стѣну — брякъ мечемъ.

„Альдона!“ восклицаетъ онъ, „Альдона!
Живи! Я живъ. Исполненъ мой обѣтъ.
Нѣтъ болѣе несмѣтныхъ силъ Тевтона;
Полки враговъ истреблены: ихъ нѣтъ!“

Затворница.

„Не Альфъ ли здѣсь? Да! Это — Альфа голосъ.
Ты кончилъ все? Довольно я боролась
Съ сомнѣньями. Ты не уѣдешь вновь?
Мой другъ! Мой Альфъ!“

Конрадъ.

„Не трать напрасно словъ!
Не спрашивай! Я все тебѣ открою,
Но слушай всѣмъ — и сердцемъ и душою!
Взгляни: кругомъ сводъ неба какъ багрянъ!
Литовцы то въ край нѣмцевъ пламя мечутъ
И жгутъ его. Своихъ глубокихъ ранъ
И во сто лѣтъ тевтоны не залечатъ.
Стоглавый змѣй мной въ сердце пораженъ;
Источникъ силъ — казна его — въ растратѣ;
Вся въ жилахъ кровь изсякла; край сожженъ;
Уплаченъ долгъ мой — я былъ щедръ въ уплатѣ.
Страшнѣй тѣхъ язвъ, что я умѣлъ нанесть,
И самый адъ не могъ бы изобрѣсть.

Такого мщенья для меня довольно:
Я — человѣкъ. Ахъ! мнѣ и вспомнить больно,
Какъ молодость провелъ я: вѣдь разбой,
Подъ маскою — тогдашній промыслъ мой.
Теперь я старъ; не для моей ужъ груди
Военный пылъ; не прежній я боецъ!
Мстить, измѣнять, не полно-ль наконецъ?
Всему есть мѣра. Нѣмцы — тоже люди.

Господь сподобилъ: вновь я былъ въ Литвѣ,
И замокъ твой я видѣлъ; былъ печаленъ
Тотъ видъ: чертогъ, когда-то въ торжествѣ
Сіявшій, сталъ лишь грудою развалинъ.

Отворотясь, я мимо пробѣжалъ,
Какъ шелъ туда — къ завѣтной той долинѣ:
Она, какъ встарь, явилась мнѣ и нынѣ
Цвѣтущею; лѣсокъ благоухалъ,
И тѣ-жъ цвѣты, пестрѣя, красовались,
Что въ вечеръ тотъ, какъ молвивши: „пора!“
Мы навсегда съ долиной той разстались.
Казалось — это было лишь вчера.
А камень тотъ.... ты помнишь? Какъ гуляли —
Мы тутъ предѣлъ прогулкамъ назначали:
Все тамъ онъ — цѣлъ, но такъ покрылся мхомъ, —
Кустовъ, травы такъ много ужъ кругомъ,
Что я едва узналъ его: глазами
Къ нему приникъ, и, отклонивъ кусты,

Да ощипавъ докучныхъ травъ листы,
Облилъ его горячими слезами.

А помнишь — та дерновая скамья,
Гдѣ ты сидѣла въ жаркую погоду
Межъ яворовъ тѣнистыхъ, близъ ручья?...
А тотъ ручей серебряный, гдѣ я,
Бывало, для Альдоны черпалъ воду?...
Все я нашелъ, все обглядѣлъ, узналъ.

А садикъ твой, гдѣ вербы я втыкалъ?...
Припомни: вербы жесткія, сухія —
Въ сухой песокъ.... Ну кто-бъ предполагалъ?
Вѣдь вербы тѣ — деревья ужъ большія!
Я видѣлъ ихъ; весенній, свѣжій листъ
На нихъ дрожалъ, и цвѣтъ былъ такъ пушистъ!

Видъ этихъ вербъ, съ прохладой мирной тѣни,
Меня какъ будто къ счастью призывалъ;
Увидя ихъ, упалъ я на колѣни,
Тянулся къ нимъ и вѣтви цѣловалъ.
О Боже мой! — я съ чувствомъ восклицалъ —
Когда-бъ твоей угодно было волѣ,
Чтобъ мы опять вернулись къ прежней долѣ —
Въ свою Литву! Воскреснуть, возъюнѣть
Могли бы мы, жить счастливо, какъ прежде.
Позволь, судьба, какъ вербамъ тѣмъ, надеждѣ,
На вѣткѣ нашей жизни, зеленѣть!

Воротимся къ прошедшему, Альдона!
Твоя стѣна и башня — не препона.
Ты знаешь: я — владыко; я велю —
И все падетъ, по моему приказу.
Да что приказъ? Не нужно! Самъ я сразу
Дверь расшибу, и стѣну проломлю,
Хоть будь она стократно крѣпче стали!
Я вынесу оттуда на рукахъ
Тебя, мой ангелъ. Мы умчимся далѣ —
Какъ можно далѣ: въ нашихъ сторонахъ
Найдемъ себѣ убѣжище — въ лѣсахъ,
Въ мѣстахъ глухихъ, гдѣ тѣнь темнѣй и гуще,
Въ пустыняхъ, въ дебряхъ, въ Бѣловѣжской пущѣ,
Гдѣ чуждъ огонь и грохотъ боевой,
Не вѣютъ гдѣ кровавыя знамена,
Гдѣ страждущихъ не раздается стона:
Къ тебѣ на грудь склонюсь я головой;
Тамъ, близъ тебя, въ объятіяхъ природы,
Хочу забыть, что въ мірѣ есть народы.

Что есть еще какой-то свѣтъ.... Любя,
Мы будемъ жить для счастья, для себя.
Прошу, молю: позволь мнѣ!“

Но Альдона
Не отвѣчала Альфу. Ждетъ онъ: нѣтъ!
Все нѣтъ отвѣта, а межъ тѣмъ разсвѣтъ
Ужъ обагрилъ закрайну небосклона.

„Альдона! Другъ! Внемли моимъ мольбамъ!
Ужъ утро: стража помѣшаетъ намъ.
Рѣшайся!“

Альфъ, дрожа отъ нетерпѣнья,
Ужъ чувствовалъ, что голосъ мретъ въ груди,
И взорами къ ней возсылалъ моленья,
И судорожно руки вверхъ свои
Протягивалъ, и посреди моленій,
Въ рыданіяхъ онъ къ башнѣ подползалъ,
Въ отчаяньѣ склонялъ предъ ней колѣни,
И камень стѣнъ безчувственныхъ лобзалъ.

„Ужъ поздно.“

Такъ отвѣтила Альдона,
И голосъ твердъ, хоть и печаленъ былъ.

„Отъ искушенья Богъ мнѣ оборона.
При помощи его достанетъ силъ

Еще во мнѣ — не совершить измѣны.
Я выдержу. Послушай: въ эти стѣны
Вступивъ, дала я клятву — до конца
Остаться въ нихъ. Что-жъ? Противу Творца
Меня ты возмущаешь.... Альфъ, мой милый:
На жизнь меня зовешь ты изъ могилы,
А если ты увидишь мертвеца?
Подумай ты: рѣшилась бы принять я
Такой призывъ, и съ увлеченьемъ вдругъ
Къ тебѣ, мой Альфъ, я-бъ кинулась въ объятья --
А ты-бъ меня и не узналъ, мой другъ!
И, ощутивъ невольно отвращенье:
„Откуда вдругъ такое привидѣнье?“
Спросилъ бы ты, и тутъ въ моихъ глазахъ,
Въ лицѣ моемъ изсохшемъ, ты напрасно
Высматривать, искать бы началъ.... Ахъ!
Нѣтъ! Не хочу и думать я.... Ужасно!
Нѣтъ! Остова Альдоны жалкій видъ,
Завѣщанный могилы мрачной, лону,
Пусть въ памяти твоей не омрачитъ
Ту прежнюю прекрасную Альдону!

Сама тебѣ признаться я должна....
Прости меня!... Какъ полная луна
Сильнѣй блеснетъ, и голосъ твой со мною
Бесѣдуетъ — я прячу за стѣною
Свои глаза; мнѣ бросить изъ окна
Взглядъ на тебя, безцѣнный Альфъ, опасно.
Боюсь тебя я видѣть слишкомъ ясно:
Быть можетъ, ты въ теченье многихъ дней
Сталъ ужъ не тотъ; ты, вѣрно, измѣнился

И постарѣлъ, а въ памяти моей
Ты молодымъ, прекраснымъ сохранился,
Такимъ же все, какимъ ты былъ для глазъ,
Когда въѣзжалъ въ нашъ замокъ въ первый разъ,
Межъ воиновъ литовскихъ—съ тѣмъ же взглядомъ,
Огнемъ лица и боевымъ нарядомъ.
Такъ мотылекъ, однажды въ янтарѣ
Какъ затонулъ, хранится тамъ вѣками
Все, какъ живой, все, какъ въ одной порѣ.
Не лучше ли пусть будетъ такъ и съ нами?
Не лучше-ль въ мысли оставаться намъ,
Какъ знали мы другъ друга, молодыми,
Какъ видѣлись, бывало, и какими
Вновь свидимся, но ужъ не здѣсь, а тамъ?

Оставимъ мы счастливцамъ тѣ долины!
Мнѣ нравится мой каменный пріютъ.
Мнѣ только-бъ знать, что живъ ты, мой единый!
Довольно мнѣ твой голосъ слышать тутъ.
Я сча́стлива и этимъ. Эти стѣны
Не помѣшаютъ намъ.... Ты мой всегда.
Брось, Вальтеръ, путь убійства и измѣны,
И раньше, чаще приходи сюда!

Вотъ, если-бъ ты предъ башнею моею
Провелъ такую-жъ крытую аллею,
Какую тамъ, въ долинѣ, проводилъ;
Кусты, цвѣты, все перенесъ сюда же,
И вербы тѣ свои пересадилъ,
Которыя тебѣ такъ милы, даже

И камень тотъ сюда перемѣстилъ!
Изъ селъ сосѣднихъ дѣти, для забавы,
Пускай сюда съ ихъ играми прійдутъ,
Здѣсь для вѣнковъ найдутъ родныя травы,
И пѣсни пусть литовскія поютъ!
Въ мечтахъ объ Альфѣ, объ отчизнѣ милой,
При пѣсняхъ тѣхъ, усну на вѣки я,
А тамъ.... а тамъ они, отпѣвъ меня,
Пускай поютъ надъ Альфовой могилой!"

Но Альфъ уже не слушалъ. Онъ ходилъ
Вдоль береговъ безъ мысли и безъ цѣли....
Тамъ — снѣжные холмы предъ нимъ бѣлѣли;
Тамъ — видъ пустынь къ себѣ его манилъ.
Отраду онъ средь празднаго движенья
Вкушалъ одну — отраду утомленья.
Средь зимней стужи зной душилъ его:
Онъ сбросилъ плащъ и панцырь, облегчая
Тѣмъ грудь свою, — все сбросилъ, исключая
Сердечнаго грызенья своего.

Наставшій день ужъ былъ довольно свѣтелъ,
И высыпа̀лъ румяные лучи.
Вдругъ Вальтеръ тѣнь какую-то замѣтилъ,
По городскимъ окопамъ идучи....
Онъ сталъ, и тѣнь прошла, исчезла вскорѣ,
Лишь троекратно было слышно: „горе!"

И Вальтеръ былъ какъ-будто пробужденъ...
Потомъ, на мигъ, онъ въ мысли углубился.

И, разгадавъ, что́ это значитъ, онъ
Стремительно за мечъ свой ухватился,
Глядитъ.... Но — пустота со всѣхъ сторонъ:
Лишь вѣтръ шумитъ, да пухъ валится снѣжный...
Альфъ повернулся къ сторонѣ прибрежной,
Взглянулъ туда, и шагъ невѣрный свой
Опять направилъ къ башнѣ угловой,
Опять къ своей возлюбленной Альдонѣ.

Онъ издали увидѣлъ, что она
Еще была все тутъ же, у окна.

„Альдона! съ добрымъ утромъ! Только въ лонѣ
Ночей нѣмыхъ мы видѣлись досель,
И вдругъ теперь — свиданіе дневное;
Но отгадай: что-бъ значило такое
Явленіе? зачѣмъ? какая цѣль?

Альдона.

Я не хочу отгадывать. Простимся!
Увидятъ.... День накличетъ намъ бѣду.
Настанетъ ночь — мы вновь соединимся.
Прости! Теперь я отъ окна уйду.

Альфъ.

Ужъ поздно!... Стой! Хоть брось сквозь эту клѣтку
Мнѣ что-нибудь на память! Ну, хоть вѣтку

Или цвѣтокъ! А если нѣтъ — увы!
Готовъ тебя, мой ангелъ, умолять я —
Хоть нитку брось изъ своего мнѣ платья,
Тесьму съ волосъ, завязку съ головы!
Хоть камень брось отъ стѣнъ темницы этой,
Хоть что-нибудь, что было бы согрѣто
Твоею грудью, другъ мой, ангелъ мой,
Что было бы увлажено твоею
Недавнею жемчужною слезой!...
Я эту вещь.... предъ смертію своею
Прижму къ груди, и ей скажу: прости!
О, если-бъ вмѣстѣ, вмѣстѣ намъ уйти
Отъ этой жизни! Я ужъ у границы....
Ты видишь ли отверзтье той бойницы,
Въ стѣнѣ, напротивъ? Тамъ я буду жить;
Тамъ цѣлый день — въ окнѣ платокъ мой темный,
А съ вечера — огонь лампады скромной
Тебѣ пусть будетъ знаменьемъ служить,
Что живъ твой Альфъ! Когда же лучъ лампады
Померкнетъ тамъ, и станетъ вдругъ темно,
Иль днемъ платка твои не встрѣтятъ взгляды,
Тогда, мой другъ, закрой свое окно!
Быть можетъ, намъ ужъ не видать другъ друга.

Прости!— И онъ исчезъ. Полна испуга.
Альдона въ слѣдъ смотрѣла все. .. Она
Не отходила долго отъ окна.
Ужъ вечеръ былъ: тамъ все мелькала платья,
Волнуемаго вѣтромъ, бѣлизна,
И видѣлись простертыя объятья....

Безоблачно день Божій догаралъ,
„Ужъ закатилось!“ наконецъ сказалъ
Гальбану Альфъ, на тихій склонъ денницы
Уныло глядя сквозь прорѣзъ бойницы,
Гдѣ онъ съ утра весь этотъ день сидѣлъ,
И на окно затворницы глядѣлъ.

„Дай саблю мнѣ и плащъ, слуга мой честный,
Да и прощай! Я къ башнѣ тороплюсь.
Увидимся-ль еще мы — неизвѣстно:
Навѣкъ прости! Когда я не явлюсь
Сюда назадъ обычно, въ часъ разсвѣта —
Не жди меня! Оставь жилище это!
Хотѣлъ бы я еще препоручить
Тебѣ кой-что.... Охъ, тяжко жизнь влачить
Мнѣ было, другъ! Подобенъ ношѣ, гирѣ,
Тяжелый бытъ скитальца-сироты.
Вѣдь я—одинъ... Ни въ томъ, ни въ этомъ мірѣ
Нѣтъ никого... одна она, да ты!
Прости, Гальбанъ! Въ тебѣ я видѣлъ друга:
Коль не прійду въ извѣстный утромъ срокъ,
Прошу тебя — послѣдняя услуга! —
Ты снимешь прочь условный тотъ платокъ:
Она пойметъ.... Но, чу! я слышу что-то....
Ты слышишь ли, Гальбанъ? Стучатъ въ ворота.“

Тамъ часовой окликнулъ: кто идетъ?
И трижды повторилъ свой окликъ. Вскорѣ
Отвѣтъ могильный былъ услышанъ: „горе!“
И двинулись затворы у воротъ:

Нельзя, знать, было отказать въ отпорѣ!
Идутъ.... Внизу шаговъ раздался звукъ.
Чу! Вверхъ идутъ по лѣстницѣ желѣзной,
И брякаютъ.... оружья слышенъ стукъ....
Сопротивляться было бъ безполезно.
Но чтобъ замедлить палачей приходъ,
Задвижкой дверь защелкнулъ Валленродъ.
Мечъ обнажилъ и налилъ кубокъ полный.
Приблизился къ окну — и осушилъ.
„Свершилось!“ произнесъ онъ: „Я свершилъ.“
Оторопѣвъ, стоялъ Гальбанъ безмолвный:
А Валленродъ, ужъ чуя смерть въ себѣ,
Сказалъ: „Ну, что-жъ, старикъ? Теперь — тебѣ!“
И протянулъ къ Гальбану съ чашей руку.
Тотъ поблѣднѣлъ.... пролить намѣренъ былъ....
Но — ближе все шаги: онъ внемлетъ стуку,
И — „вотъ они!“ — и руки опустилъ.

„Ну что-жъ, Гальбанъ? Мной кубокъ смерти начатъ.“
Промолвилъ Альфъ, „что стукъ задверный значитъ —
Ты вѣрно понялъ. Видишь: выпилъ я.
Чего-жъ тутъ думать? Очередь твоя.“

—„Нѣтъ,“ рекъ Гальбанъ, съ отчаяньемъ взирая,
„Нѣтъ, я тебя, мой сынъ, переживу,
Чтобъ подвигъ твой великій въ край изъ края
Провозгласить. Я обойду Литву,
Я обѣгу всѣ города, селенья:
Куда-жъ я самъ, несчастный, не дойду.

Я пѣснь пошлю, и эти пѣснопѣнья
Я сквозь вѣка къ потомству проведу,
И будетъ пѣсню ту передъ бойцами
Потомокъ-бардъ торжественно гремѣть,
И будетъ мать ее передъ птенцами,
Ихъ утѣшая, съ умиленьемъ пѣть,
И мститель нашъ изъ той же пѣсни встанетъ,
И мщеніемъ за наши кости грянетъ!"

Тутъ Альфъ прилегъ, на поручни окна
Облокотясь, и долго, со слезами,
Все въ башню ту впивался онъ глазами,
Какъ будто бы насытиться сполна
Хотѣлъ онъ этимъ видомъ, уходящимъ
Уже навѣкъ отъ потемнѣвшихъ глазъ.
Потомъ Гальбана онъ въ послѣдній разъ
Такъ крѣпко, крѣпко обнялъ, и скорбящимъ
Друзьямъ дано, передъ разлукой ихъ,
Въ одну слезу слить капли слезъ своихъ;
Другъ къ другу ихъ главы на плечи никнутъ....
Вотъ сталь звучитъ у самыхъ ужъ дверей,
Вошли — и Альфъ по имени окликнутъ.

— „Измѣнникъ грѣшный! кайся поскорѣй!
Здѣсь смерть твоя вѣрна. Ты жилъ невѣрно.
Клади главу подъ мечъ! Остался мигъ;
Нашъ орденскій готовъ здѣсь духовникъ:
Очисти душу, и умри примѣрно!" —

Съ мечемъ въ рукѣ Альфъ ждалъ ужъ встрѣчи, но,
Вдругъ поблѣднѣвъ, онъ весь заколебался,
Чуть на ногахъ дрожащихъ удержался,
И, опершись рукою объ окно,
Презрительно и гордо озирался;
И мантію онъ съ плечъ своихъ сорвалъ,
И знакъ магистра сталъ топтать ногами:
„Вотъ всѣ мои грѣхи!“ онъ восклицалъ,
„Я попираю здѣсь ихъ передъ вами.

„Что надо вамъ? Я умереть готовъ.
Отчета-ль вы въ дѣлахъ моихъ хотите?
На тысячи погибнувшихъ взгляните,
На пепелъ селъ, на пламя городовъ!
Прислушайтесь, какъ въ полѣ вихри стонутъ:
Тамъ вашихъ войскъ въ снѣгахъ остатки тонутъ!
Вы слышите ли псовъ протяжный вой?
На мѣстѣ битвъ, подъемля вой отъ злости,
Тѣ псы за миръ тамъ остальной — за кости
Нѣмецкія — грызутся межъ собой.

„И я горжусь мной наведеннымъ страхомъ.
Я все свершилъ: я гидру повстрѣчалъ,
Но го́ловы всѣ снесъ однимъ размахомъ.
Я, какъ Самсонъ, колонны раскачалъ,
Обрушилъ храмъ, и самъ тутъ легъ подъ прахомъ.“

Сказалъ, взглянулъ въ окно, и рухнулъ вдругъ.
И сброшенная имъ съ окна лампада,

Три раза очертивъ блестящій кругъ
По воздуху, упала близъ Конрада,
Передъ его закинутымъ челомъ;
Свѣтильня глубже, глубже все потомъ
Тонула, никла въ розлитомъ елеѣ,
Какъ Альфа жизнь, едва замѣтно тлѣя,
И, наконецъ, всѣмъ остальнымъ огнемъ
Вдругъ просіявъ среди глубокой ночи,
Какъ будто возвѣстила смертный часъ:
Послѣдній лучъ упалъ на Альфа очи —
Они ужъ побѣлѣли.... свѣтъ угасъ.

И въ то-жъ мгновенье башню крикъ потрясъ—
Крикъ, сердце раздирающій, ужасный.
Чей то былъ крикъ? Вопросъ почти напрасный!
Кто слышалъ бы его въ тотъ страшный мигъ,
Тотъ понялъ бы, что грудь, гдѣ онъ возникъ,
Отколь исторгся онъ въ порывѣ дикомъ,
Впредь никакимъ не отзовется крикомъ:
Вся жизнь была тутъ вылитая въ крикъ.

Такъ иногда струна вдругъ зарокочетъ —
И лопнетъ вдругъ у барда подъ рукой.
Казалось, пѣснь еще вамъ что-то хочетъ
Сказать.... но — нѣтъ.... звукъ прерванъ. Пѣсня, стой!

Начало есть, а ждать конца напрасно!
Такъ объ Альдонѣ пѣснь моя пойдетъ:

Ее въ раю — самъ ангелъ сладкогласной,
А слушатель — въ душѣ пусть допоетъ!

A. MICKIEWICZ.

ГРАЖИНА.

ГРАЖИНА.

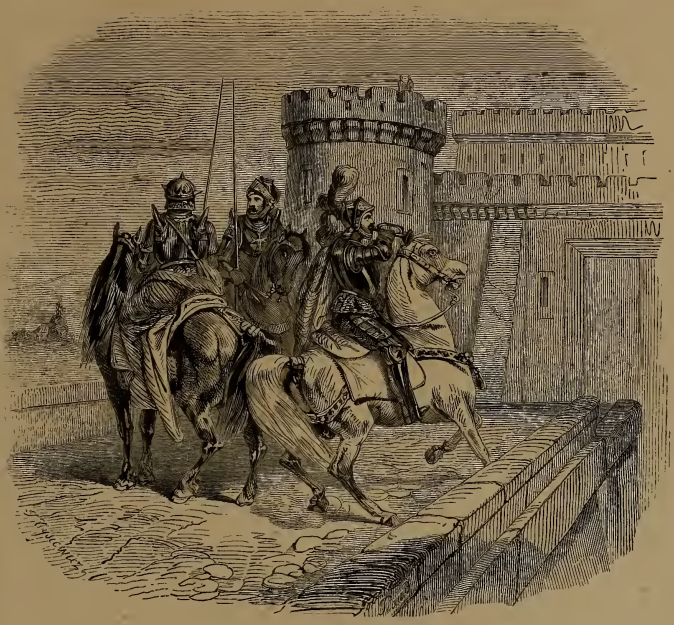
ПОВѢСТЬ ЛИТОВСКАЯ.

Ночь ужъ наступила. Свѣжій вѣтеръ вѣетъ.
Долъ покрытъ туманомъ. Съ горней вышины,
Трепетно въ пол-глаза смотритъ и блѣднѣетъ,
Перерѣзанъ тучей, томный ликъ луны.

Міръ весь — точно храма портикъ тріумфальный;
Тамъ — густыя тѣни, тамъ — озарено;
Небо же съ луною — куполъ каѳедральный,
Гдѣ мерцаетъ тускло круглое окно.

И, при лунномъ свѣтѣ, замокъ возвышался
На одной изъ злачныхъ новогрудскихъ горъ.
Мракъ широкой тѣни съ башенъ низвергался
И чрезъ валъ дерновый, гдѣ ходилъ дозоръ,
Падалъ, опрокинутъ, прямо въ ровъ бездонный,
Гдѣ дремала плѣсень надъ водою сонной.

Тишина повсюду; огоньки угасли;
Сномъ объятъ весь замокъ, и пора! Не часъ ли
Полночи глубокой? Стражи лишь не спятъ,
И, перекликаясь, съ валу вдаль глядятъ.
Тамъ имъ смутно видны, въ родѣ привидѣній,
Люди, и за каждымъ снопъ бѣгущей тѣни.
Ихъ движенье быстро: вѣрно: на коняхъ!
Отъ фигуръ ихъ отблескъ: знать, тѣ люди въ латахъ!
Подъѣзжаютъ. Точно! въ шлемахъ, при булатахъ,
Рыцари. Ихъ трое. Кони въ запыхахъ —
Ржатъ. И старшій рыцарь, озираясь строго,
Грянулъ троекратно мощнымъ звукомъ рога.
Съ башни рогъ отвѣтный протрубилъ — и вотъ
Вспыхнулъ встрѣчный факелъ, и сѣдыхъ воротъ
Петли завизжали; крюкъ съ кольца свалился:
Брякъ — и мостъ подъемный съ громомъ опустился.



Многіе изъ замка къ всадникамъ толпой
Вышли, знать желая: кто тамъ? что такое?
Видятъ: главный рыцарь, въ полномъ бранномъ строѣ,
Смотритъ истымъ нѣмцемъ, выряженнымъ въ бой.
Грозныя движенья онъ даетъ десницѣ:
При копьѣ онъ длинномъ и стальномъ мечѣ;
Виденъ крестъ нагрудный въ золотой петлицѣ,
Бѣлый крестъ на черной вышитъ епанчѣ,
И при всемъ, что нужно воину для битвы:
Подъ рукою четки, знакъ святой молитвы.

Рыцаря литвины изъ примѣтъ узнали
И потомъ со злостью межъ собой шептали:
„Вотъ съ тевтонской псарни песъ негодный! Вотъ!
Тученъ прусской кровью, что вседневно пьетъ.
Эхъ, когда-бъ не стража!... Чтó стоять въ разсчетѣ?
Подъ мостъ бы собаку! Сгнилъ бы тамъ въ болотѣ!
Рыцарь словъ обидныхъ будто-бъ не слыхалъ,
Но челомъ склонился и задумчивъ сталъ.
Отчего-жъ онъ разомъ въ думу впалъ такую?
Слышалъ! И, хоть нѣмецъ, понялъ рѣчь людскую!

„Князь вашъ въ замкѣ, дома?“ вдругъ онъ крикнулъ грозно.
— „Дома,“ отвѣчаютъ, „но теперь ужъ поздно,
Полночь! Въ это время онъ не приметъ васъ.
Завтра, можетъ статься.“ — „Я хочу сейчасъ!“
— „Но тревожить князя въ этакую пору....“ —
„Мигомъ донесите князю Литавору
О моемъ прибытьѣ! Вотъ вамъ перстень мой!
Ктò мы, этотъ вензель Литавору скажетъ,
И въ своемъ пріемѣ онъ мнѣ не откажетъ:
Я вамъ отвѣчаю этой головой!“

Тихо все той ночи на спокойномъ лонѣ.
Осенью лучъ утра выйти не спѣшитъ.
Что жъ у Литавора, въ правомъ павильонѣ.
И теперь свѣтильникъ звѣздочкой горитъ?
Онъ далеко ѣздилъ, вóротился къ ночи:
Сна просить должны бы княжескія очи!

Но не спитъ, не спитъ онъ. Сбѣгали, узнали,
Что не спитъ — и только. Слуги не дерзали
Къ князю въ это время позднее войти;
Страшно то казалось и дворцовой стражѣ;
И къ кому князь близокъ, тѣ не смѣли даже;
А посолъ торопитъ: надо донести!
Наконецъ рѣшились — разбудить Рымвида:
Онъ на все имѣетъ полныя права;
Онъ въ бояхъ при князѣ — щитъ его, эгида;
Въ княжескомъ совѣтѣ — съ толкомъ голова,
И, всю цѣну зная таковымъ заслугамъ,
Литаворъ Рымвида называетъ другомъ,
И, бывая въ духѣ, онъ о немъ порой
Говоритъ съ улыбкой: „Это — я второй.“
Спитъ ли князь, не спитъ ли, и здоровъ иль боленъ —
Всюду для Рымвида входъ къ нему дозволенъ.

Тотъ пошелъ. У князя — полумракъ Лампада,
Кажется, сейчасъ бы и погаснуть рада:
Литаворъ, шагами возбуждая гулъ,
Тамъ ходилъ по плитамъ комнаты пустынной,
И по серединѣ этой залы длинной
Вдругъ остановившись, въ мысляхъ утонулъ.

Вдругъ — Рымвидъ! Но взоромъ князь его не встрѣтилъ,
Выслушалъ о нѣмцахъ, только — не отвѣтилъ;
То краснѣлъ, то снова страшно блѣденъ былъ,
Быть себя спокойнымъ онъ не могъ заставить,
Подошелъ къ лампадѣ, будто бы оправить,
И свѣтильню пальцемъ ко дну придавилъ;

Впрочемъ неизвѣстно — пусть то будетъ тайна —
Съ умысломъ то было, или такъ, случайно.
Можетъ быть, хотѣлъ онъ мрака для того,
Чтобъ лицомъ незримымъ предстоять Рымвиду,
Чтобы тотъ, догадкой, по чертамъ, по виду,
Не проникъ въ мышленья тайныя его;
И пошелъ онъ снова бурною походкой,
Но когда достигнулъ до окна съ рѣшеткой,
Гдѣ лучами мѣсяцъ въ комнату проникъ,
Видны стали — лобъ тотъ, сходный съ мракомъ ночи,
Стиснутыя губы, огненныя очи
И суровый, грозный, воспаленный ликъ.

Вдругъ оборотился, зашагалъ проворно,
Приказалъ Рымвиду на-глухо для всѣхъ
Дверь замкнуть, усѣлся, и, смѣясь притворно,
Произнесъ сквозь горькій, судорожный смѣхъ:

„Ну, Рымвидъ, не самъ ли ты привезъ изъ Вильны
Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ всесильный,
Лидскую мнѣ область вздумалъ даровать?
Мнѣ мое-жъ дать хочетъ — то, что Литавору
За женой приданымъ шло по договору!
Правда-ль это?“ — „Правда!“ — „Надобно-жъ принять
Намъ теперь по-царски новую державу.
Прикажи-ка нашимъ выступить на славу!
Трубачей! штандарты! и огней! огней!
Пусть идутъ на Лиду и пируютъ въ ней!
Съ торжествомъ побѣднымъ пусть на рынкѣ станутъ,
Разовьютъ знамена, звучно въ трубы грянутъ.

И неугомонно пусть трубятъ, трубятъ!
Да пускай исправно сабли навострятъ!
Пусть надежны будутъ панцыри, кирасы!
Фуражу и пищи добрые запасы
Надо взять въ дорогу. Да огня! огня!
Факеловъ! Пусть будетъ ночь яснѣе дня!
Ты, Рымвидъ, веди ихъ! Въ Лиду — вамъ дорога.
Утро чуть освѣтитъ славный гробъ Мендога, —
Въ полномъ ратномъ строѣ ждите тамъ меня!"

Такъ распоряжаться князю Литавору
Было ужъ не ново; только отчего
Весь онъ такъ встревоженъ? Вдругъ, въ такую пору,
Отправляетъ въ Лиду! Голосъ у него
Такъ звучитъ неровно! Рѣчь его сурова!
Это ничего бы: онъ теперь сердитъ;
Но онъ какъ-то страненъ: выпуститъ пол-слова,
А пол-слова въ сердцѣ, кажется, сидитъ.
Онъ иное мыслитъ, говоря про Лиду!
Такъ, по всѣмъ примѣтамъ, думалось Рымвиду.

Литаворъ молчаньемъ долгимъ выражалъ,
Что Рымвидъ отпущенъ съ боевымъ народомъ
Въ путь. Чего-жъ онъ медлитъ? Но своимъ уходомъ
Тотъ не торопился: онъ соображалъ
Тѣ слова, что слышалъ, и въ умѣ предвидитъ,
Что изъ словъ столь легкихъ толкъ нелегкій выдетъ.

Такъ! Но что-жъ тутъ дѣлать? Знаетъ онъ, что князь,
Если ужъ однажды мысль въ немъ родилась,

Стоекъ, и не внемлетъ ничьему совѣту,
Разсужденій длинныхъ онъ не терпитъ; свѣту
Цѣлому пошелъ бы онъ на перекоръ.
Что-жъ? вступать Рымвиду съ княземъ въ разговоръ?
Иль смолчать ужъ лучше? Умъ его двоился:
Такъ и эдакъ — плохо! Но Рымвидъ рѣшился.

„Князь!“ сказалъ онъ твердо: „Что ни повелитъ
Намъ твое драгое княжеское слово,
Наши люди, кони — все сейчасъ готово:
Въ дѣлѣ не послѣднимъ будетъ и Рымвидъ.
Но есть разность въ людяхъ: тѣ къ повиновенью
Рождены слѣпому, эти — къ разсужденью.
Твой отецъ покойный собиралъ совѣтъ
Изъ мужей достойныхъ. Самъ я „да“ иль „нѣтъ“
Въ важномъ томъ собраньи говорить могъ смѣло,
Разумомъ спокойнымъ обсуждая дѣло.
Такъ позволь же старцу, что такъ много лѣтъ
Служитъ, весь израненъ, нажилъ бѣлый волосъ,
Предъ тобой впервые здѣсь возвысить голосъ!
Если ты на Лиду намъ итти велишь,
Ты своей же власти тамъ и здѣсь вредишь:
При завоеваньяхъ, грабежи — обычай;
Изъ людей ты нашихъ сдѣлаешь волковъ:
Этимъ — дашь ты случай тѣшиться добычей,
Тѣмъ — ты угрожаешь тяжестью оковъ.

„Слухъ пойдетъ по краю: „Это что за чудо!
Это что за диво!“ скажутъ тамъ и тутъ:

„Плодъ намъ выросъ горькій: сѣмена откуда?
Это, видишь, нынче славою зовутъ!
Литаворъ, тамъ скажутъ, водворилъ тиранство!
Сѣлъ вдругъ панъ незваный на чужое панство!

„Нѣтъ, не такъ водилось прежде, встарину,
У князей литовскихъ: тѣ въ свою страну
Не вносили, помню, вреднаго насилья,
А несли порядокъ, благость, изобилье.
Рѣчь моя простая опытомъ крѣпка!
Князь! Уважь холодный разумъ старика!

„Мы отправимъ прежде въ Лиду приглашенье
Къ рыцарству и разнымъ городскимъ властямъ,
Къ гражданамъ знатнѣйшимъ: пусть на совершенье
Праздничнаго пира соберутся тамъ!
Пригласимъ къ собранью всѣхъ владѣльцевъ мѣстныхъ:
Пусть прибудутъ въ городъ и изъ селъ окрестныхъ!
Я-жъ съ разсвѣтомъ утра поспѣшу туда,
Чинно съ капеланомъ, понабравъ народу
И припасовъ разныхъ, вдоволь дичи, меду.

„Знаешь, угощаться любятъ господа,
Такъ же точно любятъ, какъ простые люди.
Этимъ ты задобришь многихъ напередъ.
Разспроси, коль хочешь, пожилой народъ!
Ужъ таковъ обычай на Литвѣ, на Жмуди;
Скажутъ: „Панъ-то славный!“—и молва пойдетъ.“

Кончилъ; подошелъ къ окошку, и прибавилъ:
„Вѣтряно. Чтобъ къ утру тучъ не нанесло!
Эва! Что за рыцарь тамъ коня поставилъ
И стоитъ, накинувъ руку на сѣдло?
А другіе двое, вонъ, коней проводятъ!
А! Да это — нѣмцы, тѣ послы! Походятъ
По всему на нѣмцевъ. Ихъ позвать иль нѣтъ?
Иль черезъ меня ты дашь имъ свой отвѣтъ?“

Съ этими словами, будто бы случайно
Сказанными кстати, онъ прижалъ окно,
Въ щель не дулъ чтобъ вѣтеръ; самъ же жаждалъ тайно
Слышать о посольствѣ: для чего оно?

Всталъ нетерпѣливо Литаворъ съ отвѣтомъ
И сказалъ: „Гдѣ будутъ мнѣ для дѣлъ моихъ
Надобны совѣты, тамъ твоимъ совѣтомъ,
Вѣрь, подорожу я больше всѣхъ иныхъ.
Моего довѣрья ты вполнѣ достоинъ,
Старый мужъ въ сужденьяхъ, въ полѣ — юный воинъ!

„Правда, не люблю я, чтобъ предузнавалъ
Кто нибудь заранѣ, что̀ я замышляю,
И чтобъ разныхъ толковъ шумъ предупреждалъ
Будущее дѣло. Что подготовляю,
Послѣ вдругъ увидятъ. Молніи блестятъ
Прежде, чѣмъ намъ слышенъ громовой раскатъ.
А свершилось дѣло — пусть тамъ каждый судитъ!
Приказалъ — и полно: люди, кони! въ путь!“ —

„Какъ? Сейчасъ?“ — „Въ минуту!“ — „Но куда?“ — „На Жмудь!“ —
„Странно! Быть не можетъ!“ — „Можетъ быть, и будетъ!
Вотъ какъ я съ другими, но передъ тобой
Я, Рымвидъ, открою планъ завѣтный мой.

„Для того велѣлъ я въ боевомъ порядкѣ
Выступить на Лиду, что готовлюсь къ схваткѣ.
Витольда я знаю; чай, ужъ онъ стоитъ
Съ войскомъ на дорогѣ, чтобъ меня тамъ встрѣтить,
Но на силу силой мы должны отвѣтить:
Иначе, въ плѣну я буду, иль убитъ.

Все давно предвидя, я входилъ въ сношенье
Съ орденомъ тевтонскимъ. Противъ козней злыхъ
Обѣщалъ гросмейстеръ дать мнѣ подкрѣпленье
И прислать на помощь рыцарей своихъ.
Имъ мы часть добычи отдадимъ въ награду.
Вотъ послы ихъ! Значитъ, дѣло наше къ ладу.

Глянь на звѣзды! Прежде, чѣмъ Гіады тамъ
Склонятся къ закату, подоспѣютъ къ намъ
Латниковъ нѣмецкихъ, въ ихъ тяжеломъ строѣ,
Тысячи три разомъ, да пѣхоты вдвое.
Самъ я выбиралъ ихъ: всадниковъ, коней
Взять мнѣ дали право лучшихъ, по-крупнѣй.
Наши передъ ними — мелочь; то — громады!

Всѣ они въ желѣзѣ, съ головы до ногъ.
Какъ напрутъ гдѣ массой, лопнутъ всѣ преграды;
Каждый, мнится, стѣну проломить бы могъ.
А копье, копье ихъ!... Этотъ змѣй желѣзной
Съ адскимъ свистомъ вьется: смерть тутъ не долга;
Жало такъ и свѣтитъ искоркою звѣздной;
Вытянута шея прямо на врага.
И едва лишь клюнетъ, тотъ свернется разомъ,
Какъ подъ бурей колосъ, не мигнетъ и глазомъ.
Такъ, оставивъ славный по себѣ поминъ,
Пораженъ когда-то былъ нашъ Гедиминъ.

Все ужъ на-готовѣ! Дѣло я заправилъ.
Боковой дорогой въ Лиду мы войдемъ:
Тамъ коварный Витольдъ войска не оставилъ,
Мы теперь подступимъ, грянемъ и возьмемъ!"

Сей необычайной вѣстью пораженный,
Весь въ слезахъ, въ волненьи, трепетный Рымвидъ,
Въ бездну горкихъ мыслей смутно погруженный,
Голосомъ дрожащимъ князю говоритъ:
„Князь и властелинъ мой! До чего я дожилъ?
Братъ пойдетъ на брата! Кто еще вчера
Иззубрилъ на нѣмцахъ отпускъ топора,
Тотъ чтобы, сегодня, силу ихъ умножилъ!
Бить иль быть побитымъ — гдѣ-жъ тутъ злѣй бѣда?
Нѣмцы и литвины — пламя и вода.

„Знаю я: случалось, что сосѣдъ къ сосѣду,
Въ комъ онъ видѣлъ прежде злѣйшаго врага,
Примирясь, шелъ въ гости, съ нимъ дѣлилъ бесѣду
И въ дѣлахъ житейскихъ былъ ему слуга.
Не смотря на злобу вѣковую нашу,
Ляхи и литвины заключали миръ,
И, одинъ къ другому приходя на пиръ,
Вмѣстѣ испивали дружескую чашу..
Отъ начала міра человѣкъ и змѣй
Крѣпки во взаимной нелюбви своей,
Но и между ними дружба ходъ имѣетъ:
Добрый землепашецъ иногда ужа
Принимаетъ въ домъ свой, кормитъ и лелѣетъ,
Какъ хозяинъ добрый, всѣмъ ему служа;
Змѣй ему сталъ гостемъ, гость же — милость неба;
Онъ ужу дастъ вдоволь молока и хлѣба,
И не разъ случалось: онъ и пить давалъ
Изъ своей же чашки гостю-поселенцу,
И съ дѣтьми нерѣдко гость сыту пивалъ,

И безвредно тихо сонному младенцу
Онъ, вѣнкомъ свернувшись, перси обвивалъ.

„Да! Но не поладишь со змѣей нѣмецкой!
Тутъ ничѣмъ бы въ мірѣ ты не угодилъ.
Мало ли народъ-то прусскій, мазовецкой
И земли и денегъ нѣмцу въ ротъ всадилъ?
Что ни съѣстъ, все мало. Силой жадной пасти
Насъ бы наконецъ онъ разорвалъ на части!

„Чтобъ спасти отчизну, надо всѣмъ возстать,
Надо вмѣстѣ грянуть. Ну, какая стать
Брать ихъ крѣпостишки, да палить селенья,
Какъ доселѣ было? Въ этомъ нѣтъ спасенья
Отъ тевтонской язвы; этотъ же народъ
Словно змѣй стоглавый, гидра вѣковая:
Голову отрубишь — глядь! растетъ другая.
Эту отрубилъ ты — десять ихъ растетъ!
Надо снять всѣ сразу. Намъ страшнѣе казни
Съ нѣмцами сближенье. Испытали мы.
Каковы тевтоны, и отъ ихъ пріязни
Всякій удалиться радъ, какъ отъ чумы.
Всякій взялъ бы лучше, не смотря на муку,
Уголь раскаленный, чѣмъ у нѣмца руку.
Пусть грозитъ намъ Витольдъ: съ нимъ домашній бой
Мы безъ этихъ нѣмцевъ кончимъ межъ собой.
Съ братомъ подеремся — и сойдемся дружно!
Гдѣ свои въ раздѣлкѣ, тамъ чужихъ не нужно.
Да еще и такъ ли? Точно-ль Витольдъ вновь,
Видя въ насъ честнѣйшихъ воиновъ суровыхъ,

Нарушаетъ вѣрность договорныхъ словъ?
Ты меня послалъ бы къ Витольду для новыхъ
Съ нимъ переговоровъ; можетъ быть, тутъ есть
Недоразумѣнье.“ — „Нѣтъ, Рымвидъ, довольно!
О переговорахъ мнѣ ужъ слышать больно
Съ этимъ милымъ братомъ. Что тутъ долгъ и честь?
Онъ — одно сегодня, завтра онъ — другое:
Согласился Лиду мнѣ отдать, а тамъ,
Только распустилъ я войско по домамъ,
Онъ съ своимъ подъ Вильной и запѣлъ иное:
Будто-бъ недовольны въ Лидѣ, — не хотятъ,
Чтобъ я былъ тамъ княземъ. Вотъ каковъ мой братъ!
Началъ пѣть, что Лиду за собой оставитъ,
Для меня-жъ достанетъ послѣ новый край;
Жди! Потомъ въ болота, можетъ быть, отправитъ,
Въ дичь, на Русь, къ варягамъ, къ финнамъ — и ступай!
Онъ туда ссылаетъ всѣхъ родныхъ и кровныхъ,
Чтобъ его лишь только гордой головѣ,
Утѣснивъ, унизивъ близкихъ всѣхъ и ровныхъ,
Властвовать по-царски на родной Литвѣ.

Мочи нѣтъ! Отъ брата что терпѣть досталось!
На конѣ будь вѣчно! Битвамъ нѣтъ числа.
Грудь, кажись, въ одно ужъ съ панцыремъ сковалась;
Кажется, ужъ ко̀ лбу каска приросла.
Всюду насъ гоняетъ: нѣтъ конца разгонамъ;
Міръ весь обошли мы: тамъ дерись съ тевтономъ;
Тамъ громи сарматовъ, тамъ руби татаръ!
Всюду за ударомъ наноси ударъ!
То по голой степи, по песчанымъ доламъ
Шлетъ онъ насъ подъ вѣтеръ, — гнаться за моголомъ.

Грабили мы села, замки, города:
Всѣ плоды хваталъ онъ нашего труда!
Если же чего тамъ голодъ не догубитъ,
Не повыжжетъ пламя, сабля не дорубитъ,
Все ему въ добычу шло тогда живьемъ;
Все мы отдавали Витольду, не споря:
У хазаръ, у финновъ — ѿтъ моря до мѡря —
Что мы ни забрали, все теперь при немъ.

Дворъ его, посмотришь: пышность-то какая!
Край его — да въ мірѣ нѣтъ такого края!
Былъ я у тевтоновъ: хорошо живутъ,
Прусакамъ на диво! Слова нѣтъ: обильно!
Но нейдетъ въ сравненье съ ихъ устройствомъ Вильно.
Витольда чертоги — вотъ гдѣ диво — тутъ!
Или, вонъ, на Троцкомъ озерѣ — взгляни-ка
На его столицу, гдѣ онъ панъ-владыка.

Да, своей землею счастливы литвины.
Видѣлъ я всю прелесть ковенской долины,
Ликъ небесъ въ хрустальномъ Нѣмана лицѣ;
Видѣлъ: тамъ русалки и весной, и лѣтомъ
Настилаютъ травку, сыплютъ цвѣтъ за цвѣтомъ.
Но — повѣрить трудно — въ Витольда дворцѣ.
Тамъ, гдѣ сынъ Кейстута гордый обитаетъ,
Мурава съ цвѣтами круглый годъ блистаетъ;
Чтобъ представить взору эти красоты
Серебро шло въ листья, золото — въ цвѣты;
Тамъ въ росу шелъ жемчугъ; перлами тамъ въ залѣ
Плѣнныя сарматки стѣны унизали.

Тамъ кристаллъ волшебный, за̀-моремъ что взятъ,
Вставленъ мастерами въ каждое оконце
И сверкаетъ, точно сталь литовскихъ латъ,
Иль какъ свѣтлый Нѣманъ на весеннемъ солнцѣ,
Гдѣ онъ изъ-подъ снѣгу выбьется — и радъ.

Что же пріобрѣлъ я? Видѣлъ лишь утраты.
Былъ я изъ пеленокъ прямо всунутъ въ латы;

Князь — я, какъ татаринъ, выросъ при конѣ:
Съ дѣтства пріучался я къ трудамъ, къ усильямъ;
Въ люлькѣ я кормился молокомъ кобыльимъ,
Цѣлый вѣкъ служила изголовьемъ мнѣ
Конская же грива. Я былъ въ дѣлѣ, въ свалкахъ,—
Равные-жъ мнѣ въ лѣтахъ тѣшились шутя
И верхомъ скакали въ комнатѣ на палкахъ,
Деревянной саблей какъ-нибудь вертя;
И когда по-дѣтски тѣ въ войну играли,
Забавляя старшихъ шумомъ дѣтскихъ дракъ —
Предо мной татары тучи стрѣлъ метали
Или саблей острой дѣйствовалъ полякъ;
Но къ землѣ, съизмлада гдѣ я жилъ и правилъ.
Я, при всѣхъ дѣяньяхъ, пяди не прибавилъ:
Все я въ томъ же замкѣ мрачномъ и глухомъ;
Ни колоннъ, ни арокъ, ни прикрасъ нѣтъ новыхъ:
Посмотри на сырость этихъ стѣнъ дубовыхъ!
Жалкій павильонъ мой ужъ подернутъ мхомъ.
Битвы были жарки, подвиги кровавы:
Что-жъ изъ нихъ я вынесъ, кромѣ славы.... славы!...

Да и славу Витольдъ принялъ въ обладанье:
Наша слава гаснетъ при его сіяньѣ.
Ударяя въ струны, вѣщій вайделотъ
Въ пѣснѣ вдохновенной славитъ и поетъ
Лишь его геройство; новаго Мендога
Въ Витольдѣ онъ видитъ, видитъ полубога;
Витольдово имя онъ къ потомству шлетъ.
Имя-жъ Литавора недостойно пѣнья
И умретъ, покрыто плѣсенью забвенья.

Но чужда мнѣ зависть: пусть онъ богатѣетъ
Въ почестяхъ и славѣ! Пусть онъ всѣмъ владѣетъ!
Но сдержи онъ звѣрской жадности порывъ:
Не бери онъ братій кровныхъ достоянья,
Не топчи ногами право обладанья!
Нѣтъ! Давно-ль, въ столицу онъ Литвы вступивъ,
Бѣднаго Скиргайлу, просто, яко сильный,
Вдругъ спихнулъ — и только: прочь съ престола Вильны!
Прочь! А самъ усѣлся. Такъ властолюбивъ,
Что черезъ гонца лишь броситъ повелѣнье,
Гдѣ князьямъ стать выше, гдѣ упасть подъ тронъ,
Да и ждетъ, чтобъ мигомъ было исполненье:
Не первосвященникъ, не кривейто жъ онъ!
Нѣтъ! пора покончить!... Нѣтъ! покуда бьется
Здѣсь, въ груди, духъ жизни.... кровь покуда льется
У меня по жиламъ, и моя рука
Для держанья сабли и щита крѣпка —
На себѣ мы ѣздить этакъ не позволимъ!
Нѣтъ! покуда конь мой.... конь съ крыломъ сокольимъ...
Конь, что взялъ когда-то съ крымскихъ я полей,
Давъ тебѣ, какъ другу, точно же такого....
Конь, какихъ съ десятокъ для моихъ людей
У меня на стойлахъ — для того, другаго....
Этотъ добрый конь мой.... онъ покуда живъ,
У него покуда ноги не ослабли,
Ржавчина не съѣла этой вѣрной сабли....
Конь мой.... конь мой.... сабля....“ Бѣшенства порывъ
Нѐ далъ кончить рѣчи, и съ крутымъ движеньемъ
Литаворъ вдругъ брякнулъ всѣмъ вооруженьемъ,
И своею саблей объ полъ такъ махнулъ,
Что, вспрыгнувъ высоко изъ-подъ звучной стали,

Какъ отъ звѣздъ падучихъ, искры засверкали,
И въ пустынной залѣ прокатился гулъ.

Сызнова настало мертвое молчанье,
Прерванное княземъ. „Праздное болтанье
Не пора ли кончить? Средь напрасныхъ словъ
Мы вторыхъ дождемся скоро пѣтуховъ,“
Онъ сказалъ Рымвиду: „Дѣло же не въ словѣ:
Ты все слышалъ, понялъ: будь же на-готовѣ!
Я три ночи нѐ-спалъ: лягу, отдохну,
Укрѣплюсь немного, чтобъ начать войну.
Знай, что дорогà намъ каждая минута.
Пусть считаетъ Лиду княжествомъ своимъ
Витольдъ! Но сказалъ я: пепелъ, прахъ и дымъ —
Вотъ найдетъ что въ Вильнѣ гордый сынъ Кейстута!
Поскорѣй! Дорога будетъ намъ видна:
Ночь свѣтла; на прибыль движется луна.“

Высказавъ, захлопалъ онъ рукою въ руку:
Звукъ слугамъ призывный! Тѣ вошли по звуку.
Онъ велѣлъ постелю приготовить имъ —
Явно, чтобъ разстаться поскорѣй съ своимъ
Неотступнымъ гостемъ, а не съ тѣмъ, чтобъ сонной
Нѣгѣ предаваться. Тотъ, какъ неуклонный
Исполнитель долга, вышелъ, затрубилъ,
Вызвалъ всѣхъ, и внятно, громко объявилъ
Княжескую волю; но потомъ обратно
Въ замокъ порывался онъ неоднократно
И стоялъ въ раздумьѣ. Кажется, ему
Вновь итти хотѣлось къ князю.... Но къ чему?

Нѣтъ: онъ шагъ въ другую сторону направилъ;
Устремясь на лѣвый замка павильонъ,
Чрезъ особый мостикъ переходитъ онъ
И идетъ къ княгинѣ. Князя онъ оставилъ.

Что была за прелесть юная Гражина,
Дочь вельможи въ Лидѣ! Какъ жива, ловка!
Нѣмана роднаго свѣтлая долина
Украшалась блескомъ этого цвѣтка;
Нынѣ-жъ, хоть къ другому возрасту склонялась,
Все въ ней свѣжесть дѣвы съ зрѣлостью жены
Такъ непостижимо, чудно съединялась!
Тутъ, при лѣтнемъ зноѣ, былъ снѣжокъ весны,

Былъ тутъ жгучій полдень съ алыми чертами,
Что проводитъ въ небѣ утренній восходъ;
Взглянешь: это — вѣтка съ вешними цвѣтами
И на той же вѣткѣ спѣлый, сочный плодъ.

Но лицо.... Не вся тутъ красота княгини,
Нѣтъ: она и ходитъ поступью богини.
Ростъ ея чудесный возвышалъ красу.
На нее да князя какъ, бывало, взглянутъ —
Всѣ кричатъ: „вотъ пара!“ А они, какъ встанутъ
Вмѣстѣ межъ народомъ, — кажется, въ лѣсу,
Лѣсъ тотъ перевысивъ, передъ общимъ взглядомъ,
Тополя два вмѣстѣ въ высь несутся рядомъ.

Одного съ нимъ роста, и лицомъ похожа
На него Гражина; даже суждено,
Чтобъ супруга князя духъ геройскій тоже
Царственно имѣла, съ княземъ за-одно.
Иглы, веретёна за ничто считала
И порою ловко острый мечъ хватала,
Или, давъ медвѣжьей грубой епанчѣ
Тяжело повиснуть на своемъ плечѣ,
Въ лѣсъ неслась, оставивъ замокъ новогрудской,
Съ бойкими стрѣльцами, на лошадкѣ жмудской,
И обратно съ поля, гордо избочась,
Какъ проселкомъ ѣдетъ съ смѣлостью не женской,—
Кланяется низко людъ весь деревенской
И несетъ ей дани: думаютъ, что — князь!

Съ княземъ все Гражина дѣлитъ — и забавы,
И заботы тягость и пріятность славы,
И его надъ краемъ княжескую власть.
Судъ, война, управа — часомъ то и это —
Отъ ея зависитъ тайнаго совѣта:
Князь во всемъ княгинѣ предоставилъ часть.

Но не проникали постороннихъ взгляды
Въ этотъ ладъ домашній, и не изъ такихъ
Женъ была княгиня, мелкихъ и пустыхъ,
Что своимъ вліяньемъ выказаться рады.
Все и было скрыто. Но теперь Рымвидъ,
Кое-что смекая умною догадкой,
Видѣлъ лучъ надежды, хоть надежды шаткой,
Въ помощи Гражины. Ей онъ и спѣшитъ
Высказать, какое угрожаетъ горе;
Что въ своемъ тяжеломъ съ княземъ разговорѣ
Онъ узналъ, увѣдалъ, ей передаетъ,
Чтобъ она спасала князя и народъ.

Эта вѣсть Гражину привела въ волненье,
Но она сдержала внутренній порывъ,
И свое смятенье предъ Рымвидомъ скрывъ,
Выразила только тихое сомнѣнье,
И ни видъ, ни голосъ ей не измѣнилъ.
„Можно ли — сказала — чтобы князь склонилъ
Къ женскому совѣту властное вниманье
Въ этомъ важномъ дѣлѣ? Знаю я, что онъ
Слишкомъ стоекъ въ мысляхъ. Что̀ мое вліянье?
Вздоръ! Своя лишь воля — у него законъ.
Впрочемъ, иногда онъ, вспыхнувъ, вдругъ рѣшится
И разгулъ дастъ полный гнѣву своему,
Но тогда не надо возражать ему:
Послѣ онъ утихнетъ самъ и вразумится;
Послѣ-жъ и забудетъ скоро обо всемъ.
Мы теперь оставимъ это: подождемъ!“

Нѣтъ, княгиня, это не такое слово
Вырвалось у князя, что потомъ готово
Скоро и забыться. Знаю я его.
Мнѣ ужъ не впервые! Было ясно слишкомъ,
Что нельзя причислить къ мимолетнымъ вспышкамъ
Этихъ словъ, столь рѣзкихъ. Я вѣдь у него
Лѣтъ двѣнадцать въ службѣ: никогда, ни разу
Не было такого грознаго приказу.
Тутъ не искры только, и не дымъ да паръ:
Тутъ — прямое пламя. Намъ грозитъ пожаръ!
Ждать ужъ я не смѣю. Приказалъ онъ строго
Выступить намъ ночью. Сборъ нашъ — гробъ Мендога.
Имъ рѣшенъ на Лиду роковой ударъ.
Ночь свѣтла, сказалъ онъ, и видна дорога.

„Какъ? Теперь же? Ночью? И пойдутъ литвины
Грудью братъ на брата? Понимаю я:
Дѣло о приданомъ тутъ идетъ Гражины,
И рѣзня межъ братьевъ будетъ за меня!
Я отправлюсь къ князю. Нѣтъ! онъ насъ не сгубитъ.
Я иду! Я брошусь къ княжескимъ стопамъ,
Я, его супруга! Онъ меня такъ любитъ!
Я во всемъ успѣю: ты увидишь самъ!“

Тутъ они разстались. И подъ темнымъ сводомъ
Та пустилась къ князю потаеннымъ ходомъ.
И невѣрный, робкій шагъ ея дрожалъ;
Тотъ дворомъ туда же; въ сѣни прибѣжалъ,
Въ дверь войти не смѣетъ, и, подкравшись глухо,
Къ щелкѣ приближаетъ онъ то глазъ, то ухо.

Не прошло минуты: щелкнуло въ замкѣ
Скрытой съ боку двери... кто-то входитъ въ бѣломъ....
„Кто тамъ?“ князь окликнулъ, вставъ съ мечемъ въ рукѣ.
„Я!“ отвѣтилъ кто-то голосомъ несмѣлымъ,
Но знакомымъ князю. Кажется, она!
И — потомъ не слышно: разговоръ сталъ тише;
Звуки, то глотала мертвая стѣна,
То они гасились глубью спальной ниши;
Иногда сильнѣе, ярче зазвучитъ
Голосъ тотъ иль этотъ, и промчится съ эхомъ;
Больше голосъ женскій слышенъ; тотъ молчитъ,
Или, какъ казалось, отвѣчаетъ смѣхомъ.

Словъ не слышно. Что же видно тамъ? Она
Стала на колѣни, трепетна, блѣдна.
Онъ ее скорѣе встать, казалось, проситъ,
Рѣчь свою съ движеньемъ жаркимъ произноситъ
И умолкъ. А бѣлый призракъ тотъ, въ рукѣ
Ключъ держа и къ тайной устремившись двери,
Тамъ исчезъ, и снова щелкнуло въ замкѣ.
Что-жъ? Успѣхъ тутъ дѣлу, или все въ потерѣ?
Смутный умъ Рымвида разгадать не могъ;
Все въ его мышленьѣ было такъ нестройно!
Отпустивъ княгиню, князь поспѣшно легъ
И уснулъ, казалось, крѣпко и спокойно.

Возвращаясь съ поста своего, Рымвидъ
Вдругъ случайно видитъ: въ лѣвомъ павильонѣ,
Гдѣ живетъ княгиня, стоя на балконѣ,
Пажъ съ посломъ нѣмецкимъ что-то говоритъ.

Вѣтеръ не давалъ хоть этой рѣчи звуку
Прилетать къ Рымвиду; но былъ внятенъ жестъ:
Пажъ стоялъ, къ воротамъ простирая руку.
Явно указуя рыцарю отъѣздъ.
Тотъ, въ порывѣ яромъ на коня кидаясь
И спѣша изъ замка, крикнулъ, обращаясь
Къ вѣстнику отказа: „Если-бъ не посломъ
Былъ я здѣсь тевтонскимъ, то, клянусь крестомъ,
Вмигъ я проучилъ бы здѣсь же Литавора!
Да, крестомъ клянусь я: этого позора
Не перенесла бы честь и кровь моя!
При посольствахъ выросъ межъ монарховъ я:
Но не смѣлъ ни цесарь, ни святѣйшій папа,
Чрезъ пажа простаго вдругъ сказать мнѣ: прочь!
Здѣсь, въ поганомъ замкѣ вашего сатрапа,
Подъ открытымъ небомъ я провелъ всю ночь!
И зачѣмъ вамъ было поднимать тревогу?
Съ умысломъ коварнымъ звать насъ на подмогу,
Въ Витольда чтобъ грянуть! Втайнѣ-жъ мысль у васъ
Вдругъ ударить вмѣстѣ съ Витольдомъ на насъ.
Нѣтъ! клянусь я: это не пройдетъ вамъ даромъ!
Сами подойдете къ нашимъ вы ударамъ,
Идолопоклонцы! Громъ нашъ васъ сразитъ,
И тогда самъ Витольдъ васъ не защититъ.
Ожидайте казней! Приготовьтесь къ карамъ!

Передай все князю! Самъ ему готовъ
Я сказать все то же, а изъ нашихъ словъ.
Рыцарскихъ, нельзя ужъ выбросить ни звука,
Словно изъ молитвы Божьей: „Отче нашъ;“

TRICHON.

До послѣдней буквы все ты передашь,
Я же все исполню: небо — въ томъ порука.
Въ яму, что копали для тевтонцевъ вы,
Вамъ же провалиться съ ногъ до головы!
Прежде, чѣмъ денница будетъ на восходѣ,
Это совершится. Я — не кто иной,
Какъ комтуръ тевтонскій, Дитрихъ фонъ-Книпроде.
Объяви же князю! Всадники! за мной!"

Но еще онъ медлилъ, словно ждалъ призыва...
Наконецъ пустился въ путь нетерпѣливо
И за нимъ тѣ двое. Издали, порой,
Ихъ вооруженья слышалось бряцанье,
Видѣлось на латахъ лунное мерцанье,
Дальше... меньше... тише... скрылись за горой.

„Убирайтесь!" молвилъ, глядя вслѣдъ за ними,
Нашъ Рымвидъ съ усмѣшкой: „И впередъ, чтобъ вы
Ввѣкъ не приближались къ рубежамъ Литвы!
Добрая княгиня! Это все твоими
Пьемъ мы медъ устами. Вотъ, поди-жъ, узнай
Сердце человѣка! Князь упорный, мнилось,
Ни за что не сдастся: прочь! не возражай!
А пошла княгиня — все перемѣнилось.
Эхъ, забылъ я, старецъ, міровой законъ:
Вѣдь она прекрасна, и вѣдь молодъ онъ!"

Ждетъ Рымвидъ и смотритъ: нѣтъ ли ужъ и свѣту
Въ павильонѣ князя? Онъ не всталъ ли? Нѣту.

Вотъ онъ къ павильону, въ сѣни, да къ дверямъ:
Ничего не слышно, все спокойно тамъ.
Тщетно напрягаетъ онъ и слухъ и око:
Князь угомонился, спитъ себѣ глубоко.

„Все тутъ непонятно—мыслитъ онъ—все диво!
Князь кричалъ и рвался такъ нетерпѣливо,
Чтобъ сбиралось войско, торопилъ всѣхъ насъ,
Самъ же спитъ такъ долго: что съ нимъ сталось нынѣ?
Нѣмцевъ звалъ на помощь, а послу отказъ
Чрезъ кого-жъ объявленъ? Чрезъ пажа княгини!
Въ сценѣ той, хоть словъ я слышать и не могъ.
Мнѣ казалось, были тщетны всѣ моленья
Плачущей княгини: князя видъ былъ строгъ...
Развѣ ужъ Гражина, всѣ его велѣнья
Преступивъ отважно, на себя взяла
Эдакую дерзость — отпустить посла,
Прелестію женской послѣ полагая
Князя гнѣвъ разнѣжить, тучи разогнать;
Ей ужъ не впервые смѣло поступать;
Но не черезмѣрна-ль смѣлость въ ней такая?"

И Рымвидъ терялся, въ думы погруженъ;
Все ему казалось странною загадкой...
Вдругъ ему киваютъ, знакъ даютъ украдкой,
Чтобы шелъ онъ замка въ лѣвый павильонъ.
Женщина, что въ близкой службѣ при княгинѣ,
Вводитъ старца... Что-то будетъ съ нимъ теперь!
Видитъ онъ, что снова предстоитъ Гражинѣ:
Ихъ осталось двое и закрылась дверь.

„Ну, почтенный другъ мой, намъ не удалось,“
Говоритъ Гражина: „Впрочемъ, дѣйствуй бодро!
Нынче непогда, завтра будетъ ведро.
Да смотри, тревоги чтобъ не поднялось
Въ войскѣ! Намъ здѣсь надо такъ распорядиться,
Чтобы князь отвѣта дать не поспѣшилъ
Нѣмцамъ чрезъ пословъ ихъ. Съ нѣмцемъ съединиться —
Онъ теперь, въ волненьи, дѣло такъ рѣшилъ,
А потомъ, быть можетъ, иначе разсудитъ,
Какъ поотдохнетъ онъ и спокоенъ будетъ.
Ничего не бойся! Что онъ повелѣлъ,
Послѣ то исполнимъ. Если въ прежнемъ словѣ
Будетъ князь упоренъ, войско на-готовѣ.
Но теперь же, ночью, онъ въ походъ хотѣлъ?...
Вѣрить невозможно! Съ разумомъ несходно!
Съ боя онъ явился въ замкѣ лишь своемъ,
Чуть лишь латы сбросилъ, чтобъ дохнуть свободно,
И опять на битву! Полно!.. Подождемъ!“

— „Добрая княгиня! Въ этомъ насъ обманетъ
Легкая надежда: ждать ужъ князь не станетъ.
„Дорога минута!“ мнѣ онъ прокричалъ,
Гнѣвно отвергая всѣ мои сужденья.
Но, моей княгини просьбы, убѣжденья...
Что на нихъ, не знаю, князь мой отвѣчалъ!“—

Только лишь Гражина говорить хотѣла,
Разговоръ былъ прерванъ... туча налетѣла.

Стукъ подковъ раздался: глядь! во весь опоръ
Юноша какой-то мчался черезъ дворъ.
То былъ пажъ княгини. Весь въ пыли, ворвался
Къ ней онъ съ донесеньемъ, что сейчасъ попался
Въ плѣнъ къ литвинамъ нѣмецъ; посланнымъ въ нарядъ.
Нѣмецъ тотъ литовскимъ былъ патрулемъ взятъ
По дорогѣ въ Лиду; отъ него-жъ узнали,
Что весь лѣсъ окрестный нѣмцы занимали,
Конница, пѣхота, — и при этомъ цѣль
Ихъ вождя, комтура, дерзкаго тевтонца,
Вдругъ на городъ хлынуть и на цитадель
Приступомъ ударить, при восходѣ солнца.

„Пусть Рымвидъ теперь же къ князю поспѣшитъ!"
Пажъ прибавилъ: „дѣло князь пускай рѣшитъ:
Ждать ли за стѣной намъ, иль, не медля болѣ,
Выходить и встрѣтить ихъ въ открытомъ полѣ.
Лучше-бъ до прибытья ихъ бомбардъ, стрѣльцовъ.
Такъ сказалъ начальникъ нашего отряда,
Къ нимъ на встрѣчу выйти; чтобъ со всѣхъ концовъ
Насъ не обступили, намъ ударить надо.
Тѣ не ожидаютъ, чтобъ мы вышли къ нимъ;
Вдругъ мы ихъ откинемъ конницу къ болоту,
А потомъ, всей силой грянувъ на пѣхоту,
Этихъ скорпіоновъ всѣхъ мы истребимъ!"

И Рымвидъ, какъ громомъ, пораженъ. Гражинѣ
Эта вѣсть ужасна по иной причинѣ.
„Пажъ!" она вскричала: „гдѣ же тѣ послы?"
Пажъ, не отвѣчая, съ явнымъ удивленьемъ

Смотритъ на княгиню. Не ея-ль велѣньемъ
Онъ же отпустилъ ихъ? Тѣ какъ были злы!

— „Но, княгиня, вы мнѣ, въ этой самой залѣ,“
Говоритъ онъ робко: „какъ второй ужъ разъ
Пѣтухи запѣли, сами приказали
Объявить тевтонцу княжескій отказъ.“

„Да!“ она сказала, видимо блѣднѣя,
„Да!“... ты правъ... забыла...“ и слова, коснѣя,
Какъ-то обрывались. „Да, ты правъ, мой другъ,
Такъ все это было... Я припоминаю...
Я пойду... Позвольте... Остаюсь... Не знаю...
Нѣтъ, нельзя остаться...“ и замолкла вдругъ;
Разъ еще тревожно взорами обводитъ
Сумрачную залу, и склоняетъ ницъ
Бахрому пушистыхъ, трепетныхъ рѣсницъ;
По челу, казалось, облако проходитъ;
На туманномъ склонѣ этого чела
Мысль, казалось, зрѣетъ... Вотъ яснѣе стало!
Вотъ еще яснѣе!... Мигъ — и засіяло:
„Рѣшено! Идите!“ и она пошла.

„Я иду, чтобъ мужа разбудить, и скоро
Войско поведетъ онъ. Пажъ! сѣдлать коня!
Быть сейчасъ, въ минуту, всѣмъ на мѣстѣ сбора!
Мигомъ! Это слово вамъ не отъ меня;
Знайте: это слово — князя Литавора!

И Рымвидъ отвѣтитъ послѣ головой
За неисполненье. Планъ у насъ какой,
Пусть никто не знаетъ, пусть никто не видитъ!
Ожидайте князя тамъ, въ сѣняхъ: онъ выйдетъ."

И Гражина вышла въ маленькую дверь,
А Рымвидъ: „что-жъ съ нами станется теперь?
И куда итти мнѣ?" смутно разсуждаетъ;
„Все въ походъ готово; войско ожидаетъ;
Но къ чему все это наконецъ ведетъ?"
Самъ въ раздумьѣ тихомъ онъ идетъ, идетъ...
Вдругъ остановился, и по мыслей склону
Поворотъ онъ сдѣлалъ къ князя павильону.

„Спитъ онъ тамъ, не спитъ ли, я къ нему войду:
Надо объясниться. Вѣдь ужъ утро скоро!"
Такъ Рымвидъ подумалъ. Но у всѣхъ въ виду
Вдругъ въ сѣняхъ явился образъ Литавора.
Золото и пурпуръ царственно блестятъ
На его прекрасной боевой одеждѣ;
Легкій панцырь занялъ мѣсто тяжкихъ латъ,
Что для битвъ опасныхъ надѣвалъ онъ прежде;
Плащъ немного спущенъ съ праваго плеча;
Перьями украшенъ шлемъ его батальный,
И, имѣя справа перевязь меча,
Лѣвою рукой онъ щитъ держалъ овальный.

Изнуренъ, казалось, гнѣвомъ иль трудами
Бывшаго похода, зыбкими шагами

Выступалъ онъ тихо. Гордо принялъ онъ
Войсковымъ начальствомъ сдѣланный поклонъ,
Слова не промолвилъ съ главными вождями,
И рукой невѣрной, и почти дрожа,
Лукъ съ колчаномъ принялъ онъ изъ рукъ пажа;
Даже мечъ свой славный, свой булатъ завѣтный,
По ошибкѣ странной, справа прицѣпилъ,
И хоть всѣмъ былъ явенъ промахъ столь замѣтный,
Но съ поправкой къ князю кто бы подступилъ?

Изъ сѣней онъ вышелъ. Знамя золотое
Поднято; несется передъ нимъ оно.
На коня вскочилъ онъ: войско въ ратномъ строѣ
Крикнуть ужъ готово, грянуть въ трубы... Но
Князь далъ знакъ рукою, что гремѣть не нужно.
Выступили тихо; у воротъ затворъ
За собой скрѣпили. Разный людъ прислужной
Выведенъ былъ зà мостъ, на отдѣльный дворъ.

Вышли, взяли вправо съ главнаго пути
И межъ горныхъ склоновъ скрылись за кустами;
Послѣ-жъ, чтобъ къ дорогѣ накось перейти,
Имъ пришлось тянуться узкими мѣстами;
Съ двухъ сторонъ давилъ ихъ тѣсный косогоръ,
Но, по мѣрѣ хода, ширился просторъ.

Вотъ уже отъ замка разстоянье это
Было на нѣмецкій выстрѣлъ изъ мушкета.
Тутъ, струею тонкой, незамѣтно текъ
Міру неизвѣстный свѣтлый ручеекъ,

Змѣйкой серебристой по лѣсу блуждая
И хрустальнымъ устьемъ въ озеро впадая;
Озеро-жъ блестѣло чище серебра,
Справа, слѣва — рощи, впереди — гора.

Глядь: кирасы, каски подъ горой мелькаютъ.
Отражая лунный серебристый свѣтъ.
Искры тамъ сверкнули, прогремѣлъ мушкетъ
И тевтонцевъ тучи, тучи выступаютъ;
Всадники и кони, въ массѣ ихъ сплошной
Всгромоздившись, стали мѣдною стѣной.
По брегамъ гористымъ Виліи лѣса
Такъ стоятъ во время лунной ночи хладной,
А на нихъ подмерзнувъ крупная роса
Нижется жемчужной бахромой нарядной,
И, какъ путникъ входитъ въ этотъ край чудесъ—
Глядь: окристаллованъ, высеребренъ лѣсъ.

Князь, воспламененный жаромъ боевымъ,
Съ поднятою сталью кинулся на встрѣчу
Конницы тевтонской; многіе — за нимъ.
Какъ же онъ такъ странно начинаетъ сѣчу,
Не раздавъ приказовъ по войскамъ своимъ?
Гдѣ сосредоточить главныя усилья?
Кто быть долженъ въ центрѣ? Въ чьей командѣ крылья?

Вѣрно, волю князя вѣдаетъ Рымвидъ. —
Старый вождь, кѣмъ нѣмецъ былъ не разъ ужъ битъ:

Боевымъ порядкомъ, точно, онъ и правитъ,
Предъ горой своихъ онъ въ полумѣсяцъ ставитъ,
Латниковъ — въ средину, по бокамъ — стрѣлковъ:
На Литвѣ обычай былъ всегда таковъ.
Данъ сигналъ: подъемлясь копья задрожали!
Засверкали сабли. Начинай! Пора!
Луки зазвенѣли, стрѣлы завизжали.
„Іисусъ! Марія!“ — Гопъ, гопъ, гопъ, ура! —

Всадники сцѣпились; копья на осадку
Къ стременамъ приткнули, и, грудь съ грудью въ схватку!
Все перемѣшалось, и со всѣхъ сторонъ
Звонъ и стукъ оружій, ломка сабель, стонъ.
Тѣ кричатъ въ паденьи, тѣ лежатъ ужъ нѣмы,
Сыплются, крутятся головы и шлемы;
Тотъ, кого безвредно обошелъ булатъ,
Конскими ногами стоптанъ и измятъ.

Князь гдѣ? Впереди онъ, въ свалкѣ самой бурной.
Вонъ, — врагами узнанъ плащъ его пурпурный,
Шлемъ его пернатый, и его девизъ, —
И назадъ отъ страха нѣмцы подались:
Онъ же все тѣснитъ ихъ, невоздержно пылокъ;
Тѣ бѣгутъ — онъ гонитъ, сѣвъ имъ на затылокъ...
Хлещетъ по кирасамъ саблей, но зачѣмъ
Безъ малѣйшей пользы тратитъ столько жара?
Мечъ свой только тупитъ; ни одинъ, межъ тѣмъ,
Врагъ еще не падалъ отъ его удара;
Сталь его то плашмя на врага падетъ,
То пустымъ размахомъ воздухъ разсѣчетъ.

И тевтоны, видя, что лишь страхъ великъ,
А вреда, нимало, ободрились вмигъ:
Съ крикомъ повернулись, стали, и всѣмъ вѣсомъ
Конницы тяжелой сдѣлали отпоръ,
Такъ-что былъ охваченъ тутъ же цѣлымъ лѣсомъ
Дротиковъ и копій слабый Литаворъ;
Страхъ иль утомленье эту слабость множитъ:
Ни мечемъ владѣть онъ, ни щитомъ не можетъ.

Тутъ бы и погибъ онъ, но одинъ отрядъ
Доблестныхъ литовцевъ врѣзался, вломился
Въ гущу этой свалки: быстро князь былъ взятъ
Ими въ охраненье, ими онъ прикрылся.
Тотъ свой щитъ подставилъ, чтобъ его сберечь;
Тотъ мечемъ проворно встрѣтилъ вражій мечъ.

Утро ужъ! Сквозь дымку утренняго пара
Рѣжутся съ востока первые лучи.
Битва роковая продолжалась яро;
Воины все были такъ же горячи.
Тѣ и эти — стойки. Богъ кровавой брани
Жертвы собираетъ тучныя со всѣхъ:
Ровно съ тѣхъ и съ этихъ требуетъ онъ дани;
Ровно тѣмъ и этимъ видится успѣхъ.

Такъ родной нашъ Нѣманъ, старецъ челноводный,
Повстрѣчавъ Румшиса вѣковой утесъ,

Прямо, снизу, съ боку, претъ волной холодной,
Но Румшисъ упорный крѣпко въ землю вросъ.
Нѣманъ съ напряженьемъ бьется грудью въ стѣну
Мощнаго утеса: но стоитъ скала,
И утесъ не сдался, и рѣка, вся въ пѣну
Съ шумомъ обратившись, русло сберегла.

Ужъ тевтонъ, измученъ битвою напрасной,
Чтобъ покончить участь боевой игры,
На литовцевъ двинулъ свой отрядъ запасной:
Самъ комтуръ отрядъ сей въ бой ведетъ съ горы.
Это силъ нѣмецкихъ явно къ перевѣсу
Послужило разомъ... Стойте! изъ-за лѣсу
Скачетъ новый рыцарь къ схваткѣ боевой.
Чу! Какъ мощно грянулъ голосъ громовой!
Спущено забрало. Кто онъ? Появленье
Грозно и внезапно. Всѣ въ недоумѣньѣ:
За кого онъ станетъ? Противу кого?
Широко развѣянъ черный плащъ его;
Онъ подъ шлемомъ чернымъ: цвѣта нѣтъ инаго;
Даже взялъ коня онъ къ бою воронаго;
Словно, весь одѣтъ онъ мракомъ. Такъ, порой,
Гдѣ покровомъ зимнимъ долы забѣлѣли,
Въ полѣ, надъ высокой снѣжною горой,
Стелется, чернѣя, тѣнь вѣтвистой ели.

Онъ летитъ на нѣмцевъ, прямо въ самый жаръ
Смертоносной битвы. Имъ — его ударъ!
Въ середину стычки не проникнешь глазомъ,
Многихъ сценъ кровавыхъ не обнимешь разомъ;

Только, гдѣ сильнѣе пораженныхъ стонъ
И гдѣ свалка гуще, тамъ ужъ вѣрно онъ!
Гдѣ валятся больше, при рѣзнѣ упорной,
Шлемы и штандарты — тамъ и рыцарь черный.

Такъ, порой, при рубкѣ, гордый лѣсъ трепещетъ,
Падаютъ — гдѣ сосны, гдѣ упрямый дубъ.
То топоръ тамъ звякнетъ, то пила скрежещетъ,
По стволамъ съ сучками проводя свой зубъ;
Послѣ-жъ въ прѣсѣкъ видно, гдѣ сѣкира блещетъ
И межъ падшихъ бревенъ видѣнъ древорубъ;
Такъ себѣ, средь нѣмцевъ, средь толпы ихъ тѣсной,
Рубитъ путь къ литвинамъ рыцарь неизвѣстный.

Подвизайся, рыцарь! Бейся! Поспѣшай!
Бѣдные собратья изнемогутъ скоро.
Въ помощь имъ, не медля, руку простирай!
Гибнутъ; не сдержать имъ вражьяго напора!
Самъ комтуръ тевтонскій здѣсь изъ края въ край
Носится, и взоромъ ищетъ Литавора...
Встрѣтилъ — и сглянувшись оба межъ собой,
Кинулись другъ къ другу на смертельный бой.

Князь лишь поднялъ мечъ свой, жребій совершился:
Нѣмецъ поражаетъ выстрѣломъ его;
Мечъ изъ длани выпалъ, шлемъ съ чела свалился,
И литовцы видятъ князя своего,
Какъ, съ сѣдла сползая, на бокъ онъ склонился,
Какъ всѣ ослабѣли члены у него,

И съ коня онъ долу навзничъ былъ низверженъ,
Поздно ужъ слугами вѣрными поддержанъ.

Черный рыцарь, страшнымъ ревомъ разразясь,
Вмигъ, подобно тучѣ, что въ догонку грому
Сыплетъ градъ свой крупный по лицу земному,
Бросился къ комтуру, кѣмъ низложенъ князь,
Съ градомъ злыхъ ударовъ... Мигъ — и вождь тевтонской
Раненъ, опрокинутъ, смятъ подковой конской.

И туда, гдѣ падшій князь со всѣхъ сторонъ
Окруженъ усерднымъ сборищемъ прислуги,
Какъ стрѣла, несется черный рыцарь. Онъ
Разрываетъ князю сѣть его кольчуги,
Прочь металлъ снимаетъ, гдѣ пристыла кровь,
Глубока ли рана — смотритъ осторожно,
Съ нѣжною заботой дѣлаетъ, что можно,
Раненому въ помощь. Но изъ раны вновь
Токъ кровавый хлынулъ, и отъ боли входитъ
Изнемогшій въ чувство: взорами обводитъ
Всѣхъ кругомъ стоящихъ, и наличникъ свой
На чело спускаетъ слабою рукой,

И потомъ, услуги прочихъ устраняя,
Старику Рымвиду руку протянулъ:
„Кончено! Умру я!“ старцу онъ шепнулъ:
„Грудь не открывать мнѣ, тайну сохраняя!

Но не здѣсь я душу небу поручу:
Въ замокъ! Тамъ я, въ замкѣ, умереть хочу!“

И Рымвидъ, внимая этой рѣчи звуку,
Вздрогнулъ, обезумѣлъ, потъ на лбу застылъ,
И ему предсмертно поданную руку
Онъ, обливъ слезами, тихо опустилъ.
Какъ же не узналъ онъ средь ночнаго сбора
Тамъ... вчера... То не былъ голосъ Литавора!

Между тѣмъ тотъ рыцарь, своего коня
Поручивъ Рымвиду и чело склоня,
Раненаго принялъ на руки, больное
Бремя это поднялъ, на обратный путь
Приказалъ Рымвиду къ замку повернуть,
И, усѣвшись, ѣдутъ съ поля битвы трое.
Ужъ окопы близко. Городской народъ
Къ нимъ идетъ на встрѣчу праздно-любопытный;
Тѣ же, сохраняя видъ возможно-скрытный,
Сквозь толпу проникли. Вотъ ужъ у воротъ!...
Въѣхали... замкнулись... Полно! Для народа
Стражей не дается выхода и входа.

Вотъ ужъ потянулось къ замку остальное
Княжеское войско, и хоть въ этомъ боѣ
Выиграно дѣло, но видна печаль
На туманныхъ лицахъ: людямъ князя жаль!
Воины въ тревогѣ, хлопцы ищутъ пана:
Что̀ онъ? Гдѣ онъ? Живъ ли? Не опасна-ль рана?

Какъ развѣдать? Замка недоступенъ дворъ:
Ровъ глубокъ, мостъ поднятъ, глухъ воротъ затворъ —
Между тѣмъ драбанты мрачно хлопотали,
И, вцѣпясь въ кустарникъ, опускались въ ровъ,
Къ лѣсу шли съ желѣзомъ пилъ и топоровъ,
Деревà рубили, хворостъ набирали
И переправляли сушей и водой
Тотъ запасъ горючій. Вѣяло бѣдой.

Гдѣ стоялъ богъ молній съ богомъ бурь шумливыхъ,
И на алтаряхъ, ихъ посреди жрецовъ,
Кровь лилась вседневно: то коней ретивыхъ,
То сереброрунныхъ агнцевъ, то тельцовъ,
Тамъ костеръ воздвигнутъ. Тотъ костеръ былъ важенъ:
Занялъ онъ пространства ровно двадцать саженъ.

Дубъ по серединѣ этого костра.
Кто же этотъ всадникъ, весь вооруженный
И тройною цѣпью къ дубу пригвожденный?
То комтуръ, который былъ посломъ вчера,
Дерзкій вождь тевтонцевъ, знаемый въ народѣ,
Злой убійца князя, Дитрихъ фонъ Книпроде.

Рыцари, мѣщане, весь народный сборъ —
Здѣсь. Но что-жъ здѣсь будетъ? Угадать боятся.
Страхъ, тоска, надежда, въ душу вдругъ тѣснятся.
Всѣ на замокъ грустный обращаютъ взоръ,

И тая волненье трепетнаго духа,
Напрягаютъ силу зрѣнія и слуха.

Чу! Гудитъ звукъ трубный съ башни замка дальной.
Мостъ опущенъ. Тихо выходъ погребальный
Движется, чернѣя, и героя прахъ
Воины выносятъ на своихъ щитахъ.
Ратное оружье праху служитъ рамой:
Мечъ, копье и стрѣлы падшаго бойца.
Это князь! Вотъ пурпуръ! Это плащъ тотъ самый...
Но наличникъ спущенъ: не видать лица.

„Это онъ!“ вскричали. „Равнаго подъ солнцемъ
Нѣтъ ему другаго. То нашъ князь младой,
Тотъ, что многократно былъ грозой тевтонцамъ
И не разъ съ нагайской вѣдался ордой,
Князь, водившій войско на погромъ и славу,
И творившій дома судъ намъ и расправу!
Отчего-жъ въ обрядѣ княжьихъ похоронъ
Дѣдовскій обычай здѣсь не соблюденъ?

Гдѣ конюшій князя? Трауромъ покрытый,
Всадника лишенный, гдѣ парадный конь?
Развѣ не пойдутъ съ нимъ на костеръ, въ огонь?
Гдѣ краса охоты, соколъ знаменитый?
Отчего не видно псовъ его лихихъ,
Этихъ вѣтрорѣзовъ, гончихъ и борзыхъ?“

Такъ толпа роптала. Смутный разговоръ
Вскорѣ и утихнулъ. Въ черныхъ одѣяньяхъ
Рыцари возносятъ тѣло на костеръ.
Вотъ ужъ, при протяжныхъ трубныхъ завываньяхъ,
Жертвенно ліется молоко и медъ.
Вотъ ужъ съ гимномъ смерти вышелъ вайделотъ!
Жрецъ взялъ ножъ и факелъ на обрядъ тлетворный...
Чу! остановитесь: Ѣдетъ рыцарь черный.

„Кто онъ?“ вопрошаютъ. „Это—да!—тотъ самый,
Что въ бою на нѣмцевъ громы низвергалъ,
Тотъ, подъ чьимъ ударомъ палъ комтуръ упрямый,
Тотъ, что такъ усердно князю помогалъ,
Онъ, что спасъ литовцевъ въ томъ бою упорномъ:
Конь и плащъ — все тѣ же; весь онъ также въ черномъ.
Только и узнали. Но отколь? Зачѣмъ?
Кто онъ? какъ зовется? Вотъ постойте, скоро,
Скоро всѣ узнаютъ! „Снялъ онъ черный шлемъ
И народъ увидѣлъ ликъ знакомый всѣмъ:
То былъ ликъ печальный князя Литавора!

Весь отъ изумленья онѣмѣлъ народъ,
Обомлѣлъ; но радость быстро верхъ беретъ:
„Живъ нашъ князь!“ вскричали, и неукротимый
Крикъ ударилъ въ небо: „Живъ онъ, нашъ родимый!“

Блѣдный и смущенный князь челомъ поникъ.
Онъ уныло принялъ сей народный кликъ.

Медленно потомъ онъ, взоръ свой поднимая,
Тихою улыбкой людямъ отвѣчалъ,
И, собранье взоромъ обводя, молчалъ.
То была улыбка, только не такая,
Что живитъ сердечно всѣ черты лица,
И въ очахъ сіяетъ; проявясь насильно,
Съ устъ улыбка эта смотритъ такъ могильно,
Какъ цвѣтокъ въ холодной длани мертвеца.

„Зажигайте!“ вдругъ онъ произнесъ — и вспыхнулъ
Весь костеръ, и слезы градомъ изъ очей.

„Этотъ прахъ безцѣнный — знаете ли чей?“
Онъ сказалъ, и шопотъ межъ людьми утихнулъ.

„Это — хоть оружье вкругъ ея чела
Воина и мужа — женщина была!“
Весь народъ склонился напряженнымъ слухомъ
Предъ словами князя: „То былъ женщинъ цвѣтъ,
Съ прелестію женской и геройскимъ духомъ!
За себя отмстилъ я; но ея ужъ нѣтъ!“

Кончивъ рѣчь, исчезнулъ съ прахомъ онъ любимымъ
На кострѣ, объятый пламенемъ и дымомъ.

ЭПИЛОГЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Читатель! Если терпѣливо
Прочелъ ты длинный сей разсказъ
И не доволенъ, то — не диво!
Неясность — горе, особливо
Гдѣ любопытство мучитъ насъ.
Князь, напримѣръ, зачѣмъ напрасно
Женѣ своей оружье далъ,
А самъ на битву опоздалъ?
Или Гражина самовластно
Шла вмѣсто мужа своего,
Совсѣмъ безъ вѣдома его?
Но какъ же онъ, о томъ не зная,
Вдругъ самъ на нѣмцевъ налетѣлъ?
Читатель! все бъ ты знать хотѣлъ,
Но авторъ, слухи собирая
Въ мѣстахъ при-нѣманскаго края,

Объ этомъ дѣлѣ что узналъ,
То вкратцѣ бѣгло записалъ,—
Сказавъ же то или иное,
Прошелъ молчаньемъ остальное,
Чтобъ въ историческую вѣсть
Досужихъ вымысловъ не ввесть.
Онъ умеръ; рукопись же эта
Досталась мнѣ: отъ взоровъ свѣта
Ее подъ спудомъ не тая,
Теперь издать рѣшился я,
И чтобъ дополнить, что неясно,
Я къ новогрудцамъ на распросъ
Кидался, рыскалъ, но напрасно:
Мнѣ ничего не удалось.
Одинъ Рымвидъ могъ вѣдать много,
Но онъ, какъ старый человѣкъ,
Уже давно свой кончилъ вѣкъ;
При жизни же молчалъ онъ строго,
Какъ будто клятвой связанъ былъ
Или подъ старость все забылъ.
Однако же въ краю томъ нынѣ
Извѣстьемъ каждымъ дорожа,
Я отыскалъ того пажа,
Что былъ въ услугахъ при княгинѣ.
И онъ, какъ человѣкъ простой,
Весьма болтливый и пустой,
Что зналъ, сказалъ при первомъ шагѣ,
А я скорѣй — къ перу, къ бумагѣ.
Но я за вѣрность словъ его
Не поручусь: перо готово
Лишь передать здѣсь слово въ слово
Все, что я слышалъ отъ него.

„Княгиня долго, на колѣняхъ —
Сказалъ онъ — мужа своего,
При жалобныхъ упрекахъ, пеняхъ,
Просила на литовскій край
Не накликать враговъ опасныхъ,
Но онъ не слушалъ словъ напрасныхъ
И все твердилъ: оставь! ступай!
Порою-жъ отвѣчалъ лишь смѣхомъ.
Княгиня вышла съ неуспѣхомъ,
Надѣясь, видно, выбравъ часъ,
Счастливѣй быть въ другой ужъ разъ;
Пословъ же удержать, оставить
Въ стѣнахъ, иль какъ-нибудь отправить
Княгиня мнѣ дала приказъ.
Я ихъ отправилъ. За живое
Задѣлъ я нѣмца. Кутерьмы
Немало вышло: въ этомъ мы
Съ княгиней виноваты двое.
Комтуръ, поднявъ нѣмецкій носъ,
Сейчасъ въ мѣстахъ разставилъ скрытныхъ
Тму войскъ, орудій стѣнобитныхъ,
И я объ этомъ вмигъ донесъ
Княгинѣ. Я-ль не обнаружу
Нѣмецкихъ штукъ? Княгиня къ мужу,
А я за ней вошелъ тайкомъ.
Князь почивалъ глубокимъ сномъ;
Гражина стала возлѣ ложа,
Но побоявшись, можетъ быть,
Иль пожалѣвъ его будить,
Предприняла иное. Что же?
Она беретъ у князя мечъ,
Спѣшитъ на брови шлемъ надвинуть,

Грудь легкимъ панцыремъ облечь,
И пурпуръ княжескій накинуть
На бѣлизну прекрасныхъ плечъ;
Потомъ, скользнувъ подобно тѣни,
Замкнула дверь и вышла въ сѣни,
Не позабывъ мнѣ приказать
Языкъ на привязи держать.
Ужъ конь и все готово было,
Все: у воинственной жены
Лишь сабли съ лѣвой стороны
Недоставало... Позабыла,
Иль уронила какъ-нибудь
Въ потемкахъ, отправляясь въ путь.
Туда, сюда я и обратно
Метался. Слышу стукъ воротъ:
Замкнули; войско ужъ идетъ.
Меня тутъ ужасъ непонятной
Вдругъ одолѣлъ. Какъ быть мнѣ здѣсь?
Что дѣлать? Я увязъ въ задачахъ,
И такъ мечусь, какъ будто весь
Я былъ на угольяхъ горячихъ.
Вдругъ дальній проблескъ!... Чу! стрѣльба!
То нашихъ съ нѣмцами борьба:
Смекнулъ я, разумъ мой очнулся.
Межъ тѣмъ и князь, гляжу, проснулся;
Не знаю, такъ поднялся онъ,
Иль громомъ битвы пробужденъ;
Кричитъ, людей зоветъ, но тщетно:
Кругомъ все глухо, безотвѣтно;
Я-жъ въ князя комнату ползкомъ
Проникъ, и темнымъ уголкомъ
Доволенъ, въ уголъ тотъ забился,

Свернулся, сжался, притаился,
Смотрю: что станется теперь?
Князь бѣсится, колотитъ въ дверь,
И, словно вспомнивъ о княгинѣ,
Онъ къ лѣвой замка половинѣ
Понесся; тамъ онъ побывалъ,
Туда спустившись ходомъ скрытымъ, —
И воротясь назадъ сердитымъ,
Дверь въ сѣни съ петлей онъ сорвалъ
И на дворѣ ужъ очутился,
А я къ окошку подмостился,
Чтобъ видѣть... (Дѣло шло къ зарѣ
И ужъ свѣтлѣло на дворѣ.)
Опять кричать онъ попытался:
И тутъ никто не отозвался;
Кричалъ онъ, какъ въ лѣсной глуши,
Не вызвавъ крикомъ ни души.
Что-жъ?... Онъ къ конюшнямъ, и оттуда
Летитъ на вороном конѣ,
И самъ весь въ черномъ былъ онъ. Чудо,
Какимъ онъ тутъ явился мнѣ!
Глядь! На валу ужъ онъ высоко,
И въ даль свое вперяетъ око:
Гдѣ битва, слушаетъ, глядитъ...
Да вдругъ, что молнія сверкнула,
Черезъ окопы, черезъ мостъ
Мелькнулъ мнѣ только конскій хвостъ,
И все въ туманѣ утонуло.
Я у окна сидѣлъ и ждалъ;
Что будетъ? думалъ да гадалъ.
Когда лучъ первый солнца вспыхнулъ,
Гулъ дальнихъ выстрѣловъ утихнулъ.

Вернулись Литаворъ, Рымвидъ
И на рукахъ у нихъ Гражина:
Страхъ вспомнить! На лицѣ кончина;
Изъ тяжкой раны кровь бѣжитъ...
Упала, и ея моленій
Послѣднихъ звуки слышалъ я.
Кончаясь, госпожа моя
У мужа обняла колѣни,
Къ нему свой обратила взоръ,
И съ дрожью судорожной муки,
Къ нему протягивая руки,
Она сказала: „Литаворъ!
Твои лобзаю я колѣна.
Мой другъ! мой мужъ! прости меня!
Прости! Здѣсь первая моя,
Здѣсь и послѣдняя измѣна!“

Князь плакалъ. Онъ хотѣлъ поднять
Гражину, но она опять
Къ землѣ всей тяжестью склонилась;
Она была ужъ при концѣ;
Еще одна минута длилась...
Прошла — и смерть изобразилась
На измѣнившемся лицѣ.
Князь всталъ, пошелъ, потомъ руками
Закрылъ глаза; они полны,
Казалось, были такъ слезами!...
Я видѣлъ все со стороны.
Ввѣкъ не видать такого вида!
Потомъ, при помощи Рымвида,
Князь поднялъ прахъ своей жены.

Чтобъ помѣстить на смертномъ ложѣ
Гражины тѣло. Ну, а тамъ,
Что дальше было, мнѣ на что же
Разсказывать? Извѣстно вамъ."

Такъ пажъ повѣствовалъ объ этомъ
Событьи, прежде подъ секретомъ:
Рымвидъ велѣлъ ему молчать,
А послѣ, какъ того не стало,

Онъ не боялся ужъ нимало
О всемъ на кровляхъ прокричать,
И даже пѣсня о Гражинѣ
Давно въ краю томъ сложена:
Межъ новогрудскимъ людомъ нынѣ
Кому не вѣдома она?
Ее, гуляючи на волѣ,
Поютъ подъ дудку, гдѣ пришлось,
И прежней славой битвы поле
Литвинки полемъ нареклось.

ОБЪЯСНЕНІЯ

КЪ

КОНРАДУ ВАЛЛЕНРОДУ

И

ГРАЖИНѢ.

Развалины Ковенскаго замка.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ КОНРАДУ ВАЛЛЕНРОДУ.

Литовцы, сложившіеся изъ трехъ племенъ: пруссовъ, собственно литвиновъ и леттовъ, помѣщаясь на небольшомъ пространствѣ земли, не слишкомъ плодородной, были долгое время Европѣ неизвѣстны. Не ранѣе, какъ около XIII столѣтія, набѣги сосѣдей вызвали ихъ на историческое поприще. Въ то время, какъ пруссы подчинены были могуществу ордена тевтонскаго, литовцы, вышедши изъ своихъ лѣсовъ и топей, вторглись съ огнемъ и мечемъ въ близлежащія страны, и вскорѣ стали опасными для сѣвера. Исторія не разъяснила еще достаточно, какимъ образомъ народъ, бывшій, при слабости своей, столь долгое время данникомъ дру-

гихъ, могъ вдругъ остановить и отразить своихъ непріятелей, воюя въ то же самое время съ одной стороны съ тевтонами, а съ другой поражая Польшу, облагая данью Новгородъ-великій, и доходя до береговъ Волги и Крымскаго полуострова. Самую блестящую для Литвы эпоху составляли княженія Ольгерда и Витольда, владѣнія коихъ простирались отъ моря Балтійскаго до Чернаго. Но, при такомъ огромномъ протяженіи Литвы, не могли настоящимъ образомъ выработаться въ ней внутреннія силы, которыми бы всѣ разнородныя ея части сплавлялись въ одно цѣлое. Національность литовская, при такой растянутости и при отсутствіи всеобъединяющаго начала, утратила свой индивидуальный характеръ. Литвины покорили нѣкоторыя племена Руси, и вступили въ политическія соотношенія съ Польшею. Славяне, съ давнихъ поръ принявшіе христіанство, были уже болѣе развиты въ цивилизаціи, и хотя уступали литовской силѣ, но нравственнымъ своимъ превосходствомъ подчиняли себѣ литовцевъ, подобно тому, какъ китайцы брали верхъ надъ татарами. Ягеллоны и сильнѣйшіе вассалы ихъ стали поляками, между тѣмъ какъ съ другой стороны литовскіе князья, на Руси утвердившіеся, подчинились ея національности, приняли языкъ ея, религію и нравы. Такимъ образомъ великое княжество литовское утратило все, что въ немъ было національно-литовскимъ, и первобытное литовское племя втиснулось въ старинныя границы: литовскій языкъ пересталъ быть языкомъ офиціальнымъ и сохранился только въ народѣ. Литва представляетъ любопытное зрѣлище племени, потерявшагося въ безпредѣльности своихъ завоеваній, подобно ручью, который, послѣ чрезмѣрнаго разлива своихъ водъ, получилъ еще болѣе сжатое русло.

Нѣсколько вѣковъ прошло послѣ разсказываемыхъ здѣсь событій. Политическое поприще закрылось какъ для Литвы, такъ и для враждебнаго ей ордена тевтонскаго; международныя отношенія совершенно измѣнились; страсти и интересы, служившіе поводомъ къ войнамъ того времени, исчезли: воспоминаній о нихъ не сохранилось даже въ народныхъ пѣсняхъ. Литва вполнѣ принадлежитъ минувшему. Ея лѣтописи представляютъ благопріятную для поэзіи сторону, потому что поэтъ, воспроизводя черты той эпохи, можетъ имѣть дѣло только съ исторіею и требованіями искусства, не имѣя надобности соображаться съ наклонностями и характеромъ настоящаго времени. Такіе-то именно предметы и разумѣлъ Шиллеръ говоря:

«Was unsterblich im Gesang soll leben,
Muß im Leben untergehen!»

Мы назвали повѣсть о Конрадѣ Валленродѣ историческою, потому-что характеръ лицъ, въ ней выведенныхъ, равно какъ и представленныя въ ней событія, согласны съ историческими данными. Лѣтописи того времени такъ

темны, что для составленія себѣ общей идеи о происшествіяхъ и для сформированія изъ нихъ историческаго цѣлаго, надобно дополнять многое догадками и соображеніями. Дозволивъ себѣ нѣкоторыя догадки и предположенія, мы, въ настоящей поэмѣ, не отклонились, кажется, отъ вѣроятности.

По свидѣтельству лѣтописцевъ, Конрадъ не принадлежалъ къ извѣстной нѣмецкой фамиліи Валленродовъ, хотя и выдавалъ себя за одного изъ ея членовъ. Скорѣе надобно думать, что онъ былъ чьимъ-то побочнымъ сыномъ. Кенигсбергская хроника выражается о немъ такъ: er war ein Pfaffenkind. О характерѣ этого страннаго человѣка встрѣчаются совершенно противоположныя мнѣнія. Многіе лѣтописцы приписываютъ ему гордость, жестокость, наклонность къ пьянству, чрезмѣрную строгость къ духовенству. Вотъ что говоритъ о немъ Кенигсбергская хроника (Kronika biblioteki Wallenroda): Er war ein rechter Leutefchinder. Nach Krieg, Zang und Hader hat sein Herz immer gestanden; und ob er gleich ein Gott ergebener Mensch von Wegen seines Ordens seyn sollte, doch ist er allen frommen geistlichen Menschen Gräuel gewesen. — (David Lukas): Er regierte nicht lang, denn Gott plagte ihn inwendig mit dem laufenden Feuer. Съ другой стороны современные писатели признаютъ въ немъ величіе души, мужество, благородство характера и силу воли; да и какъ бы безъ этихъ качествъ могъ онъ удержать власть свою надъ орденомъ, будучи окруженъ всеобщею ненавистью? Припомнимъ образъ его дѣйствій: какъ скоро былъ онъ облеченъ званіемъ великаго магистра и высшею властію надъ орденомъ, немедленно долженъ онъ былъ увидѣть передъ собою самый благопріятный случай начать войну съ Литвою; Витольдъ предлагалъ лично вести тевтонскія войска на Вильно, обѣщая заплатить щедро за оказанное ему пособіе; Валленродъ не только откладывалъ начатіе военныхъ дѣйствій, но, оттолкнувъ отъ себя Витольда своею медлительностію, имѣлъ неблагоразуміе дать ему полномочныя грамоты, при которыхъ князь Витольдъ, примирясь негласно съ Ягеллономъ, не только ушелъ изъ Пруссіи, но даже сталъ входить дружескою погою въ замки орденскіе, а потомъ, обезоруживъ гарнизонъ, разорять ихъ, жечь и грабить. Въ такихъ обстоятельствахъ, Валленроду надобно было или уже совершенно отказаться отъ войны, или начать ее съ большою осмотрительностію. Вмѣсто того, великій магистръ вдругъ объявляетъ крестовый походъ, и идетъ на Литву. При этомъ, чѣмъ бы, не теряя времени, взять Вильно, онъ пируетъ и все ожидаетъ подкрѣпленій, которыхъ не является. Между тѣмъ наступаетъ осень. Валленродъ, оставляя войско безъ нужныхъ запасовъ, велитъ отступить въ Пруссію, и самъ первый подаетъ примѣръ бѣгства. Лѣтописцы и послѣдовавшіе имъ историки не объясняютъ причины такихъ дѣйствій, и въ обстоятельствахъ того времени не находятъ ничего такого, чѣмъ можно было бы оправдать ихъ. Нѣкоторые приписываютъ ихъ разстройству умственныхъ способностей Валленрода, но всѣ эти столь странныя дѣйствія нашего героя легко объяснятся, если мы предположимъ, что онъ былъ ли-

товскаго происхожденія, и вступилъ въ орденъ для отмщенія рыцарямъ. Дѣйствительно управленіе его нанесло сильнѣйшій ударъ могуществу ордена. Мы имѣли поводъ предположить, что Валленродъ былъ не кто иной, какъ Вальтеръ фонъ Стадіонъ, полагая около десятка лѣтъ между отбытіемъ Вальтера изъ Литвы и появленіемъ Конрада въ Маріенбургѣ. Валленродъ умеръ скоропостижно около 1394 г. Смерть его сопровождалась особенными явленіями. Хроника говоритъ: «Er starb in Raserei, ohne letzte Oehlung, ohne Priestersegen. Kurz vor seinem Tode wütheten Stürme, Regengüsse, Wasserfluthen; die Weichsel und die Nogat durchbrachen ihre Dämme.... Hingegen wühlten die Gewässer sich eine neue Tiefe da, wo jetzt Pilau steht.» Гальбанъ, или, какъ лѣтописцы его называютъ, докторъ Leander von Albanus, единственный и неотлучный спутникъ Валленрода, хотя и старался казаться набожнымъ, былъ, по свидѣтельству лѣтописей, язычникъ и даже волшебникъ. О смерти его неизвѣстно ничего положительнаго. Одни говорятъ, что онъ утонулъ; другіе утверждаютъ, что былъ взятъ дьяволомъ. Большая часть хроникъ, на которыхъ мы здѣсь основываемся, находятся у Коцебу Preussens Geschichte, Belege und Erläuterungen. Гарткнохъ, который считаетъ Валленрода помѣшаннымъ, сообщаетъ о немъ очень мало подробностей.

Видъ Маріенбурга.

(Страница 5. Стр. 1.)

Чу! звонъ гудитъ съ маріенбургской башни.

Маріенбургъ, по-польски Мальборгъ — укрѣпленное мѣсто, нѣкогда столица рыцарей креста или тевтонскихъ рыцарей. При Казимірѣ-Ягел-

лонѣ Маріенбургъ былъ присоединенъ къ Польшѣ, спустя нѣкоторое время — къ маркграфству бранденбургскому, и наконецъ сталъ вассальнымъ владѣніемъ королей прусскихъ. Въ подземельяхъ замка маріенбургскаго помѣщены гробницы великихъ магистровъ; изъ этихъ гробницъ нѣкоторыя вполнѣ сохранились до нашего времени. Voigt, профессоръ кенигсбергскій, написалъ исторію Маріенбурга — сочиненіе важное для исторіи прусской и литовской.

(Страница та же, стр. 4.)

Комтуры всѣ присутствуютъ на немъ.

См. объясненія повѣсти «Гражина», пунктъ 8-й.

(Страница 6, стр. 4.)

Великій мечъ довѣрить чьей десницѣ.

Великій крестъ и великій мечъ были знаками власти великихъ магистровъ.

(Страница 6, стр. 10.)

Въ обителяхъ далекихъ славенъ былъ.

Обителями (по-польски — *domy*) назывались монастыри, или, вѣрнѣе сказать, замки ордена, находившіеся въ разныхъ странахъ Европы.

(Страница 11, стр. 19.)

Сраженъ души безсмертной талисманомъ.

Взоръ человѣка, говоритъ Куперъ, имѣя выраженіе неустрашимости и разумности, производитъ сильное впечатлѣніе даже на дикихъ звѣрей. Вотъ случай, бывшій съ однимъ американскимъ охотникомъ: онъ, подкрадываясь къ дикимъ уткамъ, услышалъ шорохъ, оборачивается и видитъ близъ себя огромнаго льва, лежащаго на землѣ. Охотника поразило это неожиданное явленіе, но и левъ былъ не менѣе, кажется, пораженъ видомъ человѣка атлетическаго сложенія. Имѣя ружье, заряженное дробью, американецъ не отваживается выстрѣлить и остается неподвиженъ: онъ устремляетъ только угрожающій взглядъ на животное; левъ съ своей стороны остается въ прежнемъ положеніи, и пристально смотритъ на человѣка. Нѣсколько минутъ спустя, левъ поворачиваетъ голову, и удаляется; но, сдѣлавъ шаговъ десятокъ, останавливается и возвращается къ тому же мѣсту; охотникъ все такъ же неподвиженъ и такъ же смотритъ. Два про-

тивника опять сразились взорами, и левъ, какъ бы сознавъ превосходство человѣка, опустилъ глаза и ушелъ. (Bibliothèque universelle, 1827. Voyage du capitaine Head).

(Страница 14, стр. 19.)

Архи-комтуръ, ловя часокъ досуга.

Архи-комтуръ или великій комтуръ — высшее лицо въ орденѣ послѣ великаго магистра.

(Страница 15, стр. 4.)

Подвижница явилась молодая.

Хроники того времени упоминаютъ о дѣвицѣ, которая, прибывъ въ Маріенбургъ, просила позволенія заточиться съ одной изъ башенъ, гдѣ она и умерла. Гробница ея ознаменована была чудесами.

(Страница 18. стр. 10.)

Затворницы рѣченье — вѣщій гласъ.

При избраніи великаго магистра, если голоса были раздѣлены, обращаемо было вниманіе на разныя знаменія, которыя и имѣли значительное вліяніе на результатъ совѣщаній. Виприхъ Кинброде пріобрѣлъ въ свою пользу большинство голосовъ оттого, что нѣкоторые изъ братій будто бы слышали исходящій изъ гробницъ великихъ магистровъ голосъ, троекратно возвѣстившій: «Vinrice! Ordo laborat »

(Страница 26, стр. 1.)

Въ замкѣ Свенторога вѣчный огнь пылаетъ.

Замокъ Свенторога былъ цитаделью Вильна. Тамъ хранился вѣчный огонь, называвшійся «зничъ».

(Страница 39. стр. 9.)

Магистръ встаетъ: «возвеселимся въ Богѣ!»

Возвеселимся въ Господѣ (Gaudeamus in Domino): таковъ былъ возгласъ, которымъ открывались орденскія пиршества того времени

(Страница 43, стр. 17).

О дѣти! Верхъ стыда Литвѣ и срама!

См. объясненія повѣсти «Гражина» пунктъ 19-й.

(Страница 46, стр. 17).

Шагаетъ дѣва: то — она!

Народъ литовскій представлялъ себѣ заразу въ образѣ дѣвы, предшествующей появленію этого бѣдствія. Вотъ начало баллады, которая въ Литвѣ и донынѣ поется: «Въ одномъ селеніи появилась нѣкогда моровая дѣва, которая, по своему обыкновенію, всовывая руку въ окно или въ дверь дома, и махая краснымъ платкомъ, сѣяла въ жилищахъ смерть. Жители наглухо запирались; но потребность доставать пищу и другія обстоятельства не позволяли оставаться взаперти, и потому всѣ должны были ожидать смерти. Одинъ дворянинъ, хотя и имѣлъ при себѣ достаточные запасы, съ которыми могъ еще долгое время выдерживать осаду смертоносной дѣвы, рѣшился пожертвовать собою для спасенія людей въ своемъ владѣніи. Онъ взялъ саблю, на которой вырѣзаны были слова: Іисусъ, Марія, и открылъ окно. Однимъ ударомъ отрубилъ онъ руку у страшилища, и овладѣлъ краснымъ платкомъ. Конечно, вслѣдъ затѣмъ онъ долженъ былъ умереть, но съ тѣхъ поръ зараза никогда уже не появлялась въ томъ селеніи.» Говорятъ, что отнятый платокъ хранился въ церкви одного изъ мѣстечекъ, не помнимъ котораго именно. На востокѣ, говорятъ, предъ появленіемъ чумы показывается призракъ съ крыльями летучей мыши: призракъ этотъ перстомъ указываетъ на свои жертвы, и тѣ падаютъ. Въ подобныхъ вѣрованіяхъ воображеніемъ народнымъ олицетворяются тайное предчувствіе и неопредѣленная, по видимому безпричинная внутренняя тревога передъ какимъ-нибудь общимъ бѣдствіемъ. Такъ въ Греціи предчувствуема была продолжительная и бѣдственная пелопонезская война, въ Римѣ предчувствовалось паденіе имперіи, въ Америкѣ — прибытіе испанцевъ и проч.

(Страница 56, стр. 7).

Вальтеромъ названъ я былъ, а прозваніе Альфа мнѣ дали.

Вальтеръ фонъ-Стадіонъ, тевтонскій рыцарь, взятый въ плѣнъ литовцами, женился на дочери Кейстута, и тайно бѣжалъ съ нею изъ Литвы. Нерѣдко случалось, что пруссы и литвины, увозимые въ дѣтскомъ возрастѣ тевтонами, по возвращеніи въ свое отечество, дѣлались жесточайшими врагами рыцарей. Одинъ изъ прусаковъ — *Hercus Monte*, замѣчательное въ орденскихъ лѣтописяхъ лицо, представляетъ тому примѣръ.

(Страница 84, стр. 16).

И объявилъ походъ на нихъ крестовый.

Изображеніе этого крестоваго похода совершенно согласно съ исторіей.

(Страница 90, стр. 8).

Тамъ мѣсто есть, гдѣ тайный судъ идетъ.

Въ среднихъ вѣкахъ, когда герцоги и бароны совершали безнаказанно всякія преступленія, и когда власть обыкновенныхъ трибуналовъ не могла обуздать ихъ, сформировалось тайное общество, котораго члены, будучи одинъ другому неизвѣстны, клятвенно обязывались наказывать преступниковъ, не смотря ни на какія связи родства или дружбы. Когда судьями былъ произносимъ смертный приговоръ, то объ этомъ предувѣдомляли осужденнаго чрезъ троекратное возглашеніе подъ окнами его жилища или другаго дома, имъ часто посѣщаемаго, слова: горе! (Weh!). Тотъ, къ кому относилось это слово, долженъ былъ приготовляться къ смерти неизбѣжной, близкой и наносимой рукою людей неизвѣстныхъ. Тайный трибуналъ этотъ назывался судомъ нестфальскимъ (Wehmgericht). Трудно съ точностію опредѣлить эпоху, когда онъ былъ установленъ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, основателемъ его былъ Карлъ Великій. Бывъ сначала учрежденіемъ полезнымъ, судилище это вскорѣ стало сопровождаться многими злоупотребленіями, и правительство приняло рѣшительныя мѣры къ его уничтоженію.

Своды въ новомъ замкѣ.

Развалины Новогрудскаго замка.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ ГРАЖИНѢ.

(Страница 116, стр. 6),

На одной изъ злачныхъ новогрудскихъ горъ.

Новогрудокъ — старинный литовскій городокъ, которымъ сначала владѣли ятвяги, а потомъ русины. Онъ былъ разрушенъ татарами во времена Батыя, а послѣ занятъ и возстановленъ литовскимъ княземъ Эрдивиломъ, о чемъ Стрыйковскій разсказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Переправясь черезъ Нѣманъ и пройдя далѣе около четырехъ миль, литовцы встрѣтили на пути своемъ высокую, красивую гору, на которой стоялъ древній замокъ князей русинскихъ, разгромленный Батыемъ. Замокъ тотъ назывался Новогрудкомъ. Эрдивилъ установилъ здѣсь свою резиденцію и возобновилъ замокъ, причемъ овладѣлъ значительною частію земель русинскихъ безъ всякаго кровопролитія, такъ-какъ некому было ихъ оспа-

ривать. Съ этихъ поръ Эрдивилъ сталъ именоваться великимъ княземъ новогрудскимъ.» Развалины замка донынѣ видны.

(Страница 118, стр. 3).

Вотъ съ тевтонской псарни песъ негодный! Вотъ!

Орденъ рыцарей креста, называвшійся также орденомъ страннопріимныхъ братій, маріанитовъ или тевтонскихъ рыцарей, основанъ былъ въ Палестинѣ, въ 1190 г., и призванъ былъ потомъ, около 1230 г., княземъ Мазовецкимъ, Конрадомъ, для обороны его владѣній, которымъ угрожали пруссы и литвины. Въ послѣдствіи рыцари эти сдѣлались страшнѣйшими врагами не только племенъ языческихъ, но и христіанъ, обитавшихъ въ странахъ сосѣднихъ. По единогласному свидѣтельству дѣеписателей того времени, они были жестоки, кровожадны и мало заботились о вѣрѣ Христовой. Епископы жаловались папѣ на то, что тевтонскіе рыцари служили препятствіемъ къ обращенію въ христіанство язычниковъ, что они грабили церкви и утѣсняли духовенство, чему можно было бы привести многія доказательства, указавъ на обвинительные акты, представленные противъ рыцарей папамъ и императорамъ; но для сомнѣвающихся достаточно привести здѣсь слова безпристрастнаго лѣтописца, Іоанна Винтертурскаго (Iohannes Witoduranus): «Около этого времени — говоритъ онъ — тевтонскіе рыцари, обладатели земель прусскихъ, объявивъ войну князю литовскому, отняли у него часть его владѣній. Мендогъ соглашался принять вѣру католическую, съ тѣмъ, чтобы ему возвращено было его достояніе; но, видя, что рыцари не расположены исполнить съ своей стороны даннаго слова, сказалъ: «Вижу, что у тевтонцевъ дѣло идетъ не о моей вѣрѣ, а только о моемъ имуществѣ; поэтому остаюсь язычникомъ.» Увѣряютъ даже, что рыцарямъ пріятнѣе было, когда тѣ или другія племена упорно оставались идолопоклонниками, потому что тевтонцы въ этихъ случаяхъ могли, подъ благовиднымъ предлогомъ усердія къ вѣрѣ, захватывать ихъ земли и облагать ихъ данью. Нѣмецкій писатель Авг. Коцебу, вообще нерасположенный къ Литвѣ и Польшѣ, въ своемъ сочиненіи: Preussens ältere Geschichte, сообщаетъ многія подробности о несправедливыхъ и жестокихъ поступкахъ рыцарей съ литвинами. Нельзя безъ содроганія читать описанія этихъ дѣйствій. Приведемъ одинъ примѣръ: въ концѣ XIV столѣтія, когда пруссы были уже совершенно подчинены ордену тевтонскому, великій магистръ ордена, Конрадъ Валленродъ, будучи раздраженъ противъ епископа куляндскаго, приказалъ отрубить правыя руки у всѣхъ поселянъ въ области епископа. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Лео, Третеръ и Лукашъ Давидъ. Таковы были рыцари ордена тевтонскаго, состоявшаго единственно изъ нѣмцевъ. За эти-то поступки литовцы и славяне ихъ и ненавидѣли, называли ихъ псами. Бандтке полагалъ, что и песье-поле,

памятное по тріумфу Болеслава III, названо такъ, потому что на немъ погибло много нѣмцевъ.

(Страница 118, стр. 6).

Подъ мостъ бы собаку! Сгнилъ бы тамъ въ болотѣ.

Ненависть пруссовъ и собратій ихъ литвиновъ къ нѣмцамъ укоренилась въ этихъ племенахъ до такой степени, что стала неотъемлемою чертою ихъ національнаго характера. Не только во времена язычества, но даже по принятіи христіанской религіи, когда хоронили литвина или пруссa, плакальщики обыкновенно произносили между прочимъ слѣдующія слова: «Иди, бѣдный усопшій, изъ этого презрѣннаго міра въ лучшій, гдѣ владычество принадлежать будутъ тебѣ надъ нѣмцемъ, а не ему надъ тобою!» Донынѣ въ глубинѣ прусской Литвы нельзя сдѣлать простолюдину большей обиды, какъ назвавъ его нѣмцемъ.

(Страница 118, стр. 10).

Слышалъ! И, хоть нѣмецъ, понялъ рѣчь людскую.

Нѣмецъ — нѣмой, и потому какъ будто бы и непонимающій, въ противоположность славянину или словянину (отъ «слова»), т. е. человѣку говорящему. Не только о характерѣ, но даже и объ умственныхъ способностяхъ нѣмцевъ, пруссы и литвины имѣли самое невыгодное мнѣніе. Выраженіе: «глупъ, какъ нѣмецъ», вошло у нихъ въ поговорку. (См. Коцебу).

(Страница 120, стр. 18).

Новость мнѣ, что Витольдъ, этотъ панъ всесильный.

Витольдъ, сынъ Кейстута — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей, представляемыхъ исторіею Литвы. О его воинскихъ и политическихъ подвигахъ, сверхъ того, что о нихъ говорится въ національныхъ лѣтописяхъ, упоминается и въ сочиненіи Коцебу, на которое мы выше ссылались, равно какъ и въ его исторіи Свидригайлы.

(Страница 121, стр. 8).

Утро чуть освѣтитъ славный гробъ Мендога.

Мендогъ, Миндовъ, Миндакъ или Мандульфъ Рингольтовичъ, великій князь литовскій, былъ первымъ освободителемъ Литвы отъ ига чужезем-

наго. Сдѣлавъ литовцевъ опасными для сосѣдей, онъ принялъ христіанскую вѣру и, съ соизволенія папы, короновался въ Новогрудкѣ и принялъ титулъ короля литовскаго въ 1252 году. Недалеко отъ Новогрудка показываютъ донынѣ мѣсто, гдѣ, какъ полагаютъ, зарытъ прахъ этого героя.

(Страница 123, стр. 19).

И припасовъ разныхъ, вдоволь дичи, меду.

Дичь и медъ въ древней Литвѣ были двумя главными предметами угощенія.

(Страница 125, стр. 13).

Обѣщалъ гросмейстеръ дать мнѣ подкрѣпленье.

Орденъ тевтонскихъ рыцарей управлялся великимъ магистромъ (гросмейстеромъ), который избираемъ былъ орденскимъ капитуломъ. Послѣ него самымъ важнымъ лицомъ былъ великій комтуръ, или казначей ордена; далѣе слѣдовали маршалъ и комтуры, или командоры мѣстныхъ округовъ при городахъ и замкахъ.

(Страница 125, стр. 17).

Глянь на звѣзды! Прежде, чѣмъ Гіады тамъ

Литовцы особеннымъ образомъ означали времена года, мѣсяцы и часы дня или ночи. Упоминаемое здѣсь созвѣздіе (Гіады) у нихъ называлось Retis.

(Страница та же, стр. 20).

Тысячи три разомъ, да пѣхоты вдвое.

Войско тевтонское состояло, во-первыхъ, изъ рыцарей, или братій, потомъ — изъ конюшихъ, или служителей, состоявшихъ при орденѣ, изъ рейтаровъ или всадниковъ, служившихъ волонтерами, или набраннымъ изъ вассаловъ, и изъ пѣхотинцевъ, состоявшихъ на жалованьѣ и называвшихся ландскнехтами, фусскнехтами или просто кнехтами.

(Страница та же, стр. 23).

Наши передъ ними — мелочь; то — громады

При описаніи битвъ между орденомъ и литовцами, лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что нѣмцы превосходили литовцевъ ростомъ и силою. Нельзя

было противостоять ударамъ ихъ копій. Кейстутъ и Наримундъ были при поединкахъ съ нѣмцами выбиты изъ сѣделъ ударами нѣмецкихъ копій.

(Страница 127, стр. 7).

Иззубрилъ на нѣмцахъ отпускъ топора.

Топоры и палицы были страшнѣйшимъ оружіемъ въ рукахъ литвиновъ.

(Страница 128, стр. 2).

Онъ, вѣнкомъ свернувшись, перси обвивалъ.

Литовцы чтили ужей, которыхъ пріучали къ дому и кормили. Іоаннъ Лазицкій (Ioannes Lasicius Polonus) говоритъ «de diis Samogittarum»: «nutriunt etiam, quasi deos penates, nigri coloris obesos et quadrupedes serpentes quosdam, *givoitos* vocatos». Еще и Стрыйковскій въ свое время видѣлъ остатки этихъ обычаевъ у латышей, равно какъ и Гвагнинъ, въ четырехъ миляхъ отъ Вильно.

(Страница 129, стр. 7).

Онъ — одно сегодня, завтра онъ — другое.

Все, что говоритъ Литаворъ о Витольдѣ, есть вѣрное изображеніе мнѣній, которыя имѣли о немъ удѣльные литовскіе князья того времени.

(Страница 129, стр. 16).

Въ дичь, на Русь, къ варягамъ, къ финнамъ — и ступай!

Здѣсь разумѣются страны, прилегавшія къ морю Варяжскому, или Нормандскому, что нынѣ Балтійское море. Въ политику великихъ князей литовскихъ входилъ обычай раздавать роднымъ земли, отнятыя у непріятеля. Монтвилъ, Мендогъ и Гедиминъ пользовались этимъ феодальнымъ правомъ.

(Сраница 130, стр. 7).

У хазаръ, у финновъ — отъ моря до моря.

Отъ Балтійскаго до Чернаго. Послѣднее называлось тогда Хазарскимъ моремъ.

(Страница 130, стр. 16).

На его столицу, гдѣ онъ панъ-владыка.

Мѣсто съ двумя зáмками, изъ которыхъ одинъ построенъ былъ на острову, посреди Троцкаго озера, называлось Троки. Здѣсь была столица Кейстута, а потомъ Витольда (см. Коіаловича). Развалины зáмка еще существуютъ.

(Страница 130, стр. 18).

Видѣлъ я всю прелесть ковенской долины.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ковна тянется между горами долина, испещренная цвѣтами и пересѣкаемая рѣкою. Это — одно изъ прелестнѣйшихъ мѣстъ въ Литвѣ.

(Страница 132, стр. 23).

Ударяя въ струны, вещій вайделотъ.

Вайделотами, сигонотами, лингустонами назывались жрецы, которыхъ обязанностію было повѣствовать о дѣлахъ предковъ или воспѣвать ихъ

при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ. Что литвины и пруссы любили поэзію, доказательствомъ тому служитъ множество древнихъ пѣсенъ, сохранившихся въ народѣ и донынѣ. Стрыйковскій разсказываетъ, что, при погребеніи князей, вайделотъ обыкновенно выступалъ съ пѣснью, въ которой прославлялись дѣла почившаго. Любопытнѣйшія по этому предмету подробности можно найти въ сочиненіи: «Versuch einer Geschichte der Hochmeister. Berlin, 1798.» Авторъ этой замѣчательной книги, Беккеръ, ссылается на древнюю хронику Винцента Могунтщика, который былъ капелланомъ у великаго магистра Дусенера фонъ-Арбферга и описывалъ событія своего времени (съ 1346 г.). Тамъ между прочимъ разсказывается, что при пиршествѣ, бывшемъ по случаю избранія въ великіе магистры Винриха фонъ-Книпроде, пѣлъ одинъ нѣмецкій миннезингеръ, который за свое пѣніе былъ осыпанъ похвалами и награжденъ золотымъ кубкомъ. Такой почетъ, оказанный поэту, соблазнилъ одного прусака, которому имя было Ризелусъ: этотъ, испросивъ позволеніе пропѣть что-нибудь на своемъ литовскомъ языкѣ, прославилъ въ пѣсни своей дѣянія перваго короля литовскаго Вайдевута. Великій магистръ и нѣмецкіе рыцари, не понимавшіе и нелюбившіе языка литовскаго, осмѣяли поэта и поднесли ему въ подарокъ тарелку пустыхъ орѣховъ. Коцебу и Богушъ никакъ не шутятъ, когда говорятъ, что литовская литература была богата поэтическими произведеніями, гдѣ воспѣвались историческія событія и подвиги героевъ, хотя до насъ дошли изъ этихъ произведеній весьма немногія. Рыцари креста воспретили употребленіе языка литовскаго всѣмъ служащимъ и близкимъ ко двору, даже выгнали, вмѣстѣ съ цыганами и жидами, вайделотовъ и бардовъ литовскихъ, которые одни только и могли знать и вос-

пѣвать все, что было тогда популярно. Да и въ самой Литвѣ, со введеніемъ христіанства и языка польскаго, древніе обычаи и національное нарѣчіе стали приходить въ упадокъ и забвеніе. Простой народъ, обращенный въ рабство и употребленный на обработываніе земли, отвыкнувъ отъ оружія и дѣла ратнаго, забылъ и пѣсни рыцарскія, которыя замѣнились другими, болѣе соотвѣтствующими положенію народа: послѣднія имѣли уже характеръ идиллическій или элегическій. Если и оставалось еще что-нибудь отъ старыхъ народныхъ преданій и героическихъ пѣсенъ, то это имѣло мѣсто развѣ только подъ кровомъ домашнимъ или при особыхъ церемоніяхъ, и то при соблюденіи глубокой тайны. Грюнау, бывъ въ XVI столѣтіи въ Пруссіи, случайно видѣлъ празднованіе агнца, и потомъ, для спасенія своей жизни, долженъ былъ дать поселянамъ клятву не открывать ничего изъ видѣннаго и слышаннаго. При этомъ празднованіи, по совершеніи извѣстнаго обряда, вайделотъ началъ воспѣвать подвиги древнихъ литовскихъ воиновъ, присоединяя къ тому молитвы и нравственныя поученія. Грюнау, совершенно понимавшій литовскій языкъ, говоритъ, что никогда не чаялъ слышать ничего подобнаго изъ устъ литвина: столько тутъ было красоты и выразительности!

(Страница 133, стр. 8)

Вдругъ спихнулъ — и только: прочь съ престола Вильны.

Витольдъ выгналъ изъ Вильны Скиргайлу Ольгердовича и самъ завладѣлъ великимъ княжествомъ. Скиргайло былъ братъ Ягеллона.

(Страница 133, стр. 13).

Не первосвященникъ, не кривейто жъ онъ.

Правленіе въ древней Литвѣ было отчасти теократическое. Жрецы имѣли на дѣла сильное вліяніе. Главный жрецъ, или первосвященникъ, назывался криве-кривейто. Лѣтописцы, приписывавшіе литовцамъ римское или греческое происхожденіе, полагали, что это названіе возникло отъ *κυρίος κυριότατος*. Мѣстопребываніе этой духовной особы было въ Пруссіи, тамъ, гдѣ нынѣ селеніе Гейлигенбейль. Тамъ, подъ тѣнію святаго дуба, криве-кривейто принималъ жертвы и отдавалъ повелѣнія свои вайделотамъ и сигонотамъ, которые потомъ объѣзжали всѣ мѣста со знаками своей миссіи и всюду объявляли волю первосвященника:

Прусское Ромове — по рисунку Гарткноха.

(Страница 136, стр. 18).

Съ бойкими стрѣльцами, на лошадкѣ жмудской.

Жмудскія лошади считались у литовцевъ для верховой ѣзды весьма годными. Надобно полагать, что порода этихъ лошадей была прежде не такъ слаба, какъ нынѣ. Кстати помѣщаемъ здѣсь (въ переводѣ съ польскаго) старую литовскую пѣсню о конѣ князя Кейстута:

«Пусть у нѣмцевъ славны брони,
У татаръ отличны кони:
Добрый конякъ есть и тутъ,
На немъ ѣздитъ князь Кейстутъ.
Да и сабелька Кейстута
Изъ желѣза тутъ же гнута.

Жмудскій конь — неваженъ ростъ!
Видъ литовской сабли простъ;
Отъ кейстутовой же бурки
Бѣгутъ нѣмцы, бѣгутъ турки;
Нѣмца хитраго булатъ
Съ саблей встрѣтиться не радъ:

Булатъ славится разрѣзомъ,
Да не справится съ желѣзомъ
На конѣ нашъ князь, нашъ панъ —
Убирайся, крымскій ханъ!
Отъ кейстутовой погони
Не спасутъ татарски кони!

Знать могучая рука
Силу льетъ въ металлъ клинка,
Съ нимъ сплавляясь въ жизнь едину,
И въ конѣ на половину
Бьется сердце ѣздока!

(Страница 149, стр. 8).

Іисусъ! Марія! Гопъ, гопъ, гопъ, ура!

«Hop, hop, hop! bastich und pos», кричали обыкновенно нѣмцы, кидаясь на непріятелей.

(Страница 150, стр. 24).

Повстрѣчавъ Румшиса вѣковой утесъ.

Неподалеку отъ мѣстечка Румшишекъ, есть въ Нѣманѣ огромная, небезопасная для пловцовъ скала, называемая гигантомъ.

(Страница 155, стр. 9).

Гдѣ стоялъ богъ молній съ богомъ бурь шумливыхъ.

Перкунасъ — богъ грома въ Литвѣ и Похвистъ — богъ бурнаго вѣтра и ненастья на Руси. Въ Новогрудкѣ до сихъ поръ показываютъ мѣсто, гдѣ стояли жертвенники этихъ идоловъ. Теперь тутъ костелъ базиліанцевъ.

(Страница 155, стр. 20).

Злой убійца князя, Дитрихъ фонъ Книпроде.

Литвины, въ честь богамъ своимъ, сжигали военноплѣнныхъ, особенно нѣмцевъ. Для такихъ жертвъ избирались изъ плѣнниковъ преимущественно тѣ, которые отличались знатностію рода или подвигами; если же такихъ было много, то между ними дѣлали выборъ по жребію. Послѣ пораженія, которое литвины нанесли рыцарямъ въ 1315 г., по разсказу Стрыйковскаго, «литвины и жмудь, въ благодарность богамъ за одержанную ими побѣду и захваченную добычу, приступили къ совершенію молитвъ и жертвоприношеній и возвели на огромный костеръ почтеннаго воина, Герарда Рудда, бывшаго старостою (войтомъ) въ области самбійской, вмѣстѣ съ боевымъ конемъ его. Конь былъ во всей сбруѣ, а воинъ въ полномъ вооруженіи. Рудда былъ живой преданъ пламени костра; душу его приняло небо, а вѣтры разнесли пепелъ.» Въ концѣ того же столѣтія пруссы, уже воспріявшіе крещеніе, разбивъ при возстаніи 4,000 нѣмцевъ, схватили и сожгли мемельскаго комтура (Лукасъ Давидъ).

(Страница 157, стр. 5).

Жертвенно лієтся молоко и медъ.

Обычай сжиганія тѣлъ, общій почти всѣмъ народамъ древности, соблюдался въ Литвѣ до самаго введенія христіанства. Лѣтописцы и въ этомъ усматривали доказательство, что литовцы происходятъ отъ грековъ или римлянъ. Стрыйковскій описываетъ подробно погребальные обряды ихъ, особенно церемоніалъ погребенія Кейстута. «Тѣло его, говоритъ онъ между прочимъ, было препровождено въ Вильну Скиргайлою, братомъ, Ягеллона, со всѣми подобающими почестями. Тамъ, на обычномъ мѣстѣ, сложенъ былъ большой костеръ изъ сухаго дерева и сдѣланы всѣ приготовленія къ сожженію тѣла по языческимъ правиламъ. Потомъ надѣли на покойнаго всѣ его княжескія облаченія, придали ему всѣ воинскіе доспѣхи: копье, саблю, лукъ и проч., и вознесли на костеръ, причемъ тутъ же обрекли сожженію вѣрнаго его слугу, коня во всей парадной сбруѣ, пару соколовъ, пару гончихъ собакъ и разныхъ другихъ псовъ; тутъ были медвѣжьи и рысьи кости, охотничій рогъ и проч. Послѣ этого совершены были молитвы и принесены жертвы; потомъ воспѣты были подвиги покойнаго князя, а затѣмъ зажгли костеръ; по сгорѣніи тѣла пепелъ и обгорѣлыя кости собрали и сложили въ приготовленный для нихъ гробъ. Такъ совершилось погребеніе славнаго князя Кейстута.»

(Страница 159, стр. 7).

Съ прелестію женской и геройскимъ духомъ.

Характеръ и дѣйствія Гражины могутъ показаться фантастическими и несходными съ духомъ того времени, такъ какъ историки представляютъ положеніе женщинъ древней Литвы вовсе не въ цвѣтущихъ краскахъ. Эти несчастныя жертвы варварства и утѣсненія дѣйствительно жили въ презрѣніи и осуждены были на исполненіе рабскихъ обязанностей; но, съ другой стороны, у тѣхъ же самыхъ историковъ мы находимъ черты, показывающія иногда совсѣмъ противное. По свидѣтельству Шютца (Kotzebue Belege und Erläuterungen), на древнихъ монетахъ и знаменахъ прусскихъ находили изображеніе коронованной женщины, изъ чего заключить можно, что женщина была здѣсь нѣкогда владычицею края. Въ преданіяхъ болѣе достовѣрныхъ и болѣе близкихъ къ нашему времени, сохраняются имена Гезаны и Кадины, двухъ знаменитыхъ жрицъ, возбуждавшихъ религіозное къ себѣ благоговѣніе. Реликвіи ихъ сохранялись потомъ въ храмахъ, обращенныхъ въ христіанскіе костелы. Свѣдущій во всемъ, что касается народныхъ древностей, П. Опацевичъ сообщаетъ, что по древней волынской хроникѣ одно изъ мѣстъ Литвы славилось женщинами, которыя, по отправленіи мужей на войну, сами защищали городскія стѣны, и, будучи наконецъ не въ силахъ противостоять непріятелю, предпочли добровольную смерть позору плѣна и рабства. Нѣчто подобное разсказываетъ Кромеръ (Polonia sive etc.), повѣствуя о замкѣ Пуллепъ. Эти, по-видимому, противорѣчащія одно другому извѣстія могутъ быть соглашены, если сообразимъ, что литовцы состояли изъ двухъ искони соединенныхъ, но все же различествующихъ между собою поколѣній, т. е. изъ туземцевъ и пришельцевъ, вѣроятно норманновъ; эти послѣдніе конечно, и сохранили чувство уваженія къ женщинамъ, составлявшее коренную черту ихъ характера. Даже по древнимъ уставамъ и обычаямъ литовцевъ, женщины этого поколѣнія были особенно уважаемы. Вообще униженіе женскаго пола въ томъ краю надобно отнести ко временамъ, предшествовавшимъ той эпохѣ, къ которой принадлежитъ повѣсть о Гражинѣ и въ которую духъ рыцарства и романическихъ похожденій имѣлъ уже значительную силу. Князь Кейстутъ нѣжно любилъ свою Бируту, которая была дѣвушкою простаго происхожденія, посвященною на служеніе богамъ. Кейстутъ, подвергая себя большой опасности, исторгнулъ ее изъ этой должности и сдѣлалъ своею женою. Въ послѣдующее время супруга Витольда своею ловкостію и неустрашимостію освободила мужа своего изъ заключенія и избавила его отъ угрожавшей ему смерти.

(Страница 159, стр. 10).

На кострѣ, объятый пламенемъ и дымомъ.

Литвины, въ тяжкихъ болѣзняхъ или при большихъ несчастіяхъ, имѣли обычай сжигаться живыми въ домахъ своихъ. Подобную смерть принялъ первый король ихъ и первосвященникъ Вайдевутъ, и примѣру его слѣдовали его преемники, сжигая себя на кострѣ добровольно. На такое самосожженіе народъ смотрѣлъ съ особеннымъ уваженіемъ, какъ на самый почетный родъ смерти.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: [illegible]

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066

THE LIBRARY OF CONGRESS

LIBRARY OF CONGRESS
00027180164